КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXIX.

1902 г.

ДЕКАБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. А. А. НАВРОЦКІЙ. *А. Шр-ка* . . . . . 351—381
II. СОБАКА. *М. Чернявського.* . . . . . 382—393
III. ВЪ ПОИСКАХЪ НОВОЙ КРАСОТЫ. (Замѣтки читателя). *С. Ефремова.* . . . . . 394—139
IV. МНИМЫЙ БУНТЪ НА ВОЛЫНИ ВЪ 1789 Г. *Е. Кивлицкаго.* . . . . . 420—434
V. БИЛЯ МАШЫНЫ. *В. Винниченка* . . . . . 435—458
VI. Ф. С. МОРАЧЕВСКІЙ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. *В. Науменка.* . . . . . 459—479
VII. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ХАРЬКОВѢ . . 480—491

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи заточенія кошевого П. Калнышевскаго въ Соловецкомъ монастырѣ; б) Письмо М. С. Щепкина къ Д. П. Гавриленку. Сообщ. *Д. Б—ій*; в) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. *И. Ф. Павловскій*; г) Крохи литературнаго наслѣдія С. В. Руданскаго. Сообщ. *А. Лотоцкій*; д) Изъ народныхъ преданій. Сообщ. *Пв. Бѣньковскій*; е) Слѣды погибшаго архива. Сообщ. *В. Доманицкій.* . . . . . 141—141
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 159—185
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Исторія Украіни—Руси. Проф. М. Грушівського. *В. Доманицкаго*; б) Отчеты о дѣятельности Кіев. Городск. Комитета попечительства о народной трезвости за 1900 и 1901 годы. *Л. С. Л.*; в) Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавск. губ. за 1902 г. *Л. С. Л.*; г) В. И. Василенко. Метеорологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ, съ программою для собиранія матеріаловъ. *Л. С. Л.*; д) М. Е. Марковъ и его рукописный сборникъ о Черниговской старинѣ. *Н. В.*; е) А. И. Александровъ. Памяти В. И. Григоровича. *Н. В.*; ж) Думи і мрії. Поэзіі Лесі Украінки. *Д. Д.*; з) Обзоръ журналовъ текущаго года; и) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 186—217

Дозволено цензурою. Кіевъ, 6 ноября 1902 года.

А. А. Навроцкій. [1]

10-го октября 1892-го года въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Дагестанской области, умеръ и тамъ-же погребенъ на городскомъ кладбищѣ одинъ изъ дѣятелей украинской литературы, Александръ Александровичъ Навроцкій.

Написалъ Александръ Александровичъ много, но произведенія его по разнымъ обстоятельствамъ, а главное по излишней скромности автора, до сихъ поръ остаются за немногими исклю-

---

[1]) Въ № 10-мъ текущаго года нами помѣщена была маленькая поминка по А. А. Навроцкомъ по поводу десятилѣтія со дня его смерти; въ ней мы имѣли возможность, на основаніи немногихъ фактическихъ данныхъ, указать только на тѣ заслуги, которыя, безспорно, имѣетъ за собой А. А. Навропкій, какъ человѣкъ, принадлежавшій къ кружку „кіевскихъ славянистовъ“ 1847 года, и какъ украинскій писатель, произведенія котораго, сохраняющіяся пока въ рукописномъ видѣ, свидѣтельствуютъ о его беззавѣтной любви къ своей Украинѣ и о неустанной его работѣ надъ украинскимъ словомъ. Мы обѣщали читателямъ дать впослѣдствіи болѣе обстоятельную оцѣнку его литературной дѣятельности, когда станутъ намъ доступными всѣ рукописные матеріалы, находящіеся въ пользованіи у А. Н. Шрамченка, любезно доставившаго намъ одну только тетрадь стиховъ покойнаго писателя. Теперь А. Н. Шрамченко прислалъ намъ статью объ А. А. Навроцкомъ, которую мы съ благодарностью помѣщаемъ на страницахъ журнала въ дополненіе къ нашей поминкѣ. *Ред.*

ченіями, въ рукописяхъ [1]). А между тѣмъ одно только простое перечисленіе его работъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, даетъ ему полное право на благодарную память со стороны лицъ, интересующихся украинской литературой. Если произведенія Навроцкаго не блещутъ особымъ талантомъ, если въ нихъ встрѣчается и недостатокъ самостоятельности, живости и поэтическаго творчества, то все же имя Навроцкаго важно для интересующихся роднымъ словомъ, какъ имя человѣка, проникнутаго искреннею любовью къ украинской литературѣ, давшаго образцы прекраснаго языка и затрогивавшаго въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ животрепещущіе вопросы. До конца дней своихъ Навроцкій пламенно любилъ Украину, относился съ полнымъ сочувствіемъ къ ея обездоленному народу, что и выражается въ его многочисленныхъ стихотвореніяхъ. Судя по его произведеніямъ и по отзыву лица, близко знавшаго Навроцкаго, это былъ одинъ изъ немногихъ людей, которые до конца дней своихъ умѣютъ сохранить юношескую свѣжесть чувства, живое отношеніе къ окружающему.

Немногочисленны и далеко недостаточны біографическія свѣдѣнія о Навроцкомъ. Есть краткія свѣдѣнія о его жизни, полученныя отъ него самого, въ книгѣ Петрова: «Очерки исторіи украинской литературы XIX ст.» К. 1884; сохранился его формулярный списокъ и затѣмъ отрывокъ письма къ неизвѣстной особѣ, имѣющій автобіографическій характеръ. Если къ этому присоединить еще краткія воспоминанія о Навроцкомъ г. Шульгина [2]),

---

[1]) Совершенно случайно узналъ я о томъ, что рукописи Навроцкаго хранятся въ семьѣ его, обратился съ просьбою къ дочери покойнаго поэта, Елизаветѣ Александровнѣ, и она съ просвѣщенною готовностью прислала мнѣ въ мое распоряженіе всѣ рукописи ея покойнаго отца, вмѣстѣ со спискомъ его формуляра, за что приношу ей искреннюю благодарность.—*А. Ш.*

[2]) Нынѣ директоръ Тифлисской женской гимназіи. Пользуясь случаемъ, приносимъ ему искреннюю благодарность за любезно сообщенныя воспоминанія.

написанныя имъ по нашей просьбѣ, то это и будетъ все, что даетъ возможность изложить хоть скудную біографію этого симпатичнаго, во всякомъ случаѣ, недюжиннаго человѣка, поработавшаго такъ много и неустанно на нивѣ украинской словесности, и при томъ совершенно безкорыстно, безъ всякой надежды увидѣть свои многочисленныя писанія въ печати, работавшаго только изъ-за пламенной любви къ украинскому слову да изъ-за сознанія, что и его произведенія сослужатъ когда-нибудь службу любимой имъ украинской литературѣ.

Александръ Александровичъ Навроцкій родился 28-го іюля 1823-го года въ селѣ Антиповкѣ, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи. Ни о семьѣ[1]) ни о дѣтствѣ Навроцкаго никакихъ свѣдѣній не имѣется. Образованіе онъ получилъ сначала въ золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ въ полтавской гимназіи и, наконецъ, въ кіевскомъ университетѣ, который и окончилъ по первому отдѣленію философскаго факультета въ 1847 году со званіемъ дѣйствительнаго студента. Съ самой ранней молодости Навроцкій, по его собственному признанію, имѣлъ наклонность къ рифмоплетству и наклонность эту сохранилъ до конца дней своихъ. Потребность писать была для него потребностью жизни. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ: «писать вслѣдствіе потребности есть величайшее, неизъяснимое наслажденіе: хотя на нѣсколько времени живешь въ мірѣ, самимъ собою созданномъ, въ мірѣ обращенія, проникновенія въ самого себя, въ упованіи, что не пропадутъ ни мысль, ни чувства, заронившіяся въ душу, что ихъ оцѣнятъ и поймутъ, по крайней мѣрѣ, лелѣешь эту грёзу; а сколько счастья приносятъ человѣку однѣ грёзы, безъ нихъ бы, кажется, половина людей бросилась въ воду отъ скуки и томленія жизнію; наконецъ, въ этомъ мірѣ самоуглубленія и добро, и зло являются не какъ факты, потрясающіе душу и раздражающіе сердце своею свѣтлою и темною стороною, а какъ образы, которые спокойно и ясно стали передъ нашими глазами

[1]) Въ формулярѣ Навроцкаго значится, что онъ происходилъ изъ дворянъ.

и, такъ сказать, улегшись въ нашемъ самосознаніи, возбуждаютъ дѣятельность мысли, но не раздражаютъ насъ,—словомъ, чувства, волненія и страсти успокоились, не переставая въ то же время живить и двигать душу: бьющая ключомъ дѣйствительность вошла въ должные ей предѣлы, стала тиха, спокойна, пластична, какъ изваяніе».

Будучи отъ природы надѣленнымъ нѣжной и впечатлительной душой, Навроцкій рано началъ жить сердцемъ, рано началъ писать стихи, въ которыхъ воспѣвалъ любовь, но стиховъ этихъ, по природной робости и застѣнчивости, не показывалъ никому и только изрѣдка подавалъ ихъ своему учителю, какъ сочиненія. Жаль, что эти стихи не сохранились и были-ли они писаны на украинскомъ языкѣ или на русскомъ—неизвѣстно. Также ничего неизвѣстно и объ авторствѣ Навроцкаго во время пребыванія въ университетѣ, хотя и сохранились мысли и чувствованія того времени молодого поэта.

«Живя сердцемъ», пишетъ Навроцкій, «я былъ наивно религіозенъ, безотчетно вѣровалъ, тепло и жарко молился; религія и жизнь для меня шли какъ-то разъединенно, я не видѣлъ между ними никакихъ противорѣчій. Надо замѣтить, что молитва никогда не была для меня долгомъ, а всегда вдохновеніемъ, т. е. влеченіемъ сердца, а я молился тогда почти каждый день—и даже часто на свѣжемъ воздухѣ, идя въ университетъ, восхищенный созерцаніемъ кіевской природы и ея необыкновенною ясностью (Кіевъ я и теперь [1]) люблю до безумія), я тепло и усердно молился,—и тогда-то я со всею чистосердечностью восклицалъ:

Молитва—скорбныхъ утѣшенье,
Залогъ небесныхъ вѣчныхъ благъ!
Молись-же съ вѣрой, умиленьемъ,
Пади предъ Господомъ во прахъ!

[1]) Этотъ отрывокъ, такъ же какъ и другіе, въ которыхъ Навроцкій излагаетъ свою прошлую жизнь, свои мысли и чувствованія, взятъ изъ неоконченнаго письма къ неизвѣстной особѣ, помѣченнаго нѣсколькими числами іюля, но не имѣющаго года, такъ что неизвѣстно, когда писано это письмо, но во всякомъ случаѣ до женитьбы, т. е. до 1859 года.

То было простодушное, счастливое время приготовленія къ саморазвитію, той порѣ, когда человѣку нужно уяснить и опредѣлить свою дѣятельность къ себѣ самому, къ другимъ и ко всему его окружающему.

Живя сердцемъ, я развивался и головой, но перевѣсъ былъ на сторонѣ развитія сердца. Съ ранней юности я страстно любилъ читать, я зачитывался по цѣлымъ днямъ, въ то-же время мечтая и лелѣя въ душѣ поэтическіе образы; это не прошло даромъ: оно развило во мнѣ вкусъ и чутье прекраснаго, а еще болѣе развило сердце на счетъ головы. Но я вполнѣ признаю необходимость поэтическаго развитія—ничто такъ не очищаетъ нашей души и всей нашей нравственной природы, какъ поэзія—органъ жизни. Мнѣ всегда не нравились люди, не сочувствующіе поэзіи: мнѣ кажется, что такіе люди не могутъ быть добрыми. Красота не одна только роскошь и услажденіе жизни; она носитъ въ себѣ глубокіе корни добра и истины; безъ нея человѣку было бы неловко въ жизни, чего-то не доставало бы ему.—Но чтеніе легкое не даетъ еще знанія,—я принялся за чтеніе серьезное, философско-историческое; вмѣсто общества сталъ посѣщать студенческія сходки—и тутъ-то открылся передо мною новый, очаровательный міръ, полный жизни и всего, чѣмъ только блещетъ пылкая, прекрасная юность. Я увѣренъ, что еслибы женщина чрезъ щелку посмотрѣла на студенческія сходки, посмотрѣла на эти живыя, энергическія лица, исполненныя ума, веселости, чувства и отваги, шумно бесѣдующія за стаканами вина, подслушала ихъ разговоры, хотя бы то даже не были великолѣпныя мечты и блестящія утопіи, когда всѣ, поднявъ стаканы, въ восторгѣ восклицаютъ: «Тѣснѣй содвинемъ, братья, чаши и нашей дружбой опояшемъ мы всѣ земныя племена»[1]), а просто услышала бы разговоръ хоть напримѣръ о ней самой, то и тогда бы она получила о мущинѣ высшее понятіе, чѣмъ обыкновенно о насъ имѣютъ женщины.—Эти-то сходки, лучше всякихъ книгъ, развили во

[1]) Эту мысль Навроцкій развиваетъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ послѣдующаго времени.

мнѣ всѣ инстинкты добра; бывало, учишься для нихъ и на нихъ. Какъ строго обсуживались, какъ вѣрно понимались всякая новая мысль, всякій свѣтлый поступокъ, чьи бы они ни были,—какъ вѣрилось намъ въ счастливый залогъ будущаго! Увы! Свѣтлыя мечты юности, зачѣмъ вы проходите скоро и не возвращаетесь никогда! На этихъ то сходкахъ я полюбилъ науку, тутъ то заронились въ душу и первые религіозные вопросы и сомнѣнія; настала пора анализа собственнаго существа и всего соприкасающагося съ нимъ. Очень понятна и естественна гордая юношеская мысль: лучше истиной меньше, чѣмъ заблужденіемъ больше. Эта-то мысль дала полетъ и неудержимую стремительность моему уму, поддерживаемымъ товарищами, идущими тѣмъ-же путемъ. Тутъ-то я сблизился съ А. М., мы полюбили другъ друга, по крайней мѣрѣ я ни съ кѣмъ не былъ такъ близокъ, какъ съ нимъ, да еще съ Васей Ч. [1]).—Познакомившись съ міромъ идей, явная вещь, я не могъ ихъ поставить на воздухѣ, внѣ жизни; мало-по-малу возбудились политическіе вопросы; обстоятельства помогли ихъ развитію, а собственный взлядъ на жизнь нашихъ темныхъ братьевъ окончательно утвердилъ ихъ въ умѣ и сердцѣ. Такимъ образомъ наука, жизнь и религія совокупились и своимъ противорѣчіемъ взаимнымъ произвели въ моей головѣ страшный хаосъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно наэлектризовали меня».

Къ этому времени относится знакомство Навроцкаго съ тою женщиною, отрывокъ неоконченнаго письма къ которой мы здѣсь и приводимъ, и которой Навроцкій приписывалъ сильное и благодѣтельное вліяніе на весь строй его мыслей и его самоусовершенствованіе. Такимъ образомъ, пребываніе въ университетѣ, по словамъ Навроцкаго, сдѣлало изъ него пылкаго, горячаго пропагандиста добра и движенія впередъ, стремившагося сорвать съ людей кору условныхъ формъ, которыя они приняли за непреложный законъ.

---

[1]) Какіе это товарищи скрыты Навроцкимъ подъ этими иниціалами—неизвѣстно. Одинъ изъ нихъ не Марковичъ-ли Афанасій?

Въ 1847 году Навроцкій окончилъ университетъ, а черезъ нѣкоторое время надъ нимъ разразилась бѣда: онъ былъ арестованъ въ Полтавѣ по дѣлу о прикосновенности къ извѣстному Кирилло-Меѳодіевскому кружку и высланъ въ Петербургъ [1]). Надо полагать, что Навроцкій, будучи еще въ университетѣ, зналъ о существованіи этого кружка, симпатизировалъ его цѣлямъ. Онъ былъ двоюродный братъ Гулака, главнаго дѣятеля кружка, и одно время въ продолженіи года жилъ у него на квартирѣ [2]). Навроцкій, конечно, былъ хорошо знакомъ и съ другими лицами, арестованными одновременно съ нимъ по одному и тому-же дѣлу, какъ-то: Бѣлозерскимъ, Костомаровымъ [3]), Кулишемъ, Шевченкомъ, Андруз-

---

[1]) Объ этомъ см. «Русск. Архивъ», 1892 г., книга 2-я, стр. 335 и слѣдующ.

[2]) Тамъ-же стр. 340. Также „Кіевская Старина“ 1900 г. Т. LXVIII, стр. 246.

[3]) О Костомаровѣ Навроцкій началъ было писать свои воспоминанія, но дѣло окончилось тѣмъ, что онъ написалъ только три странички, а такъ какъ въ этихъ страничкахъ заключаются нѣкоторыя біографическія данныя какъ о Костомаровѣ, такъ и о самомъ Навроцкомъ, то я и позволю себѣ привести ихъ здѣсь: «Познакомился я съ Н. И. Костомаровымъ въ 1844 году въ Кіевѣ. Онъ былъ назначенъ учителемъ русской исторіи въ Ровно, но затѣмъ, не прошло и года, какъ переведенъ былъ тоже учителемъ русской исторіи въ 1-ю кіевскую гимназію. Пріѣхавши въ Кіевъ, онъ, больной, остановился въ какой-то гостиницѣ и прислалъ своего человѣка, Ѳому, къ Н. И. Гулаку, съ которымъ я жилъ вмѣстѣ на Кадетской улицѣ, возлѣ валовъ, которые въ то время еще существовали въ Кіевѣ. Н. И. Гулакъ тотчасъ-же отправился къ нему и, какъ теперь помню, привезъ Н. И. закутаннаго въ енотовую шубу, совершенно разслабленнаго. Мы тотчасъ же, съ помощью Ѳомы и нашего человѣка, Алексѣя, уложили Н. И. въ постель. У хозяина нашего дома, Грушевскаго, смежно съ нашей квартирой, были незаняты двѣ комнаты, которыя и занялъ Н. И. Черезъ нѣсколько времени зашипѣлъ на столѣ самоваръ. Н. И. не захотѣлъ пить чай лежа, и, пріободрившись, всталъ и присѣлъ къ намъ ко столу. Я занимался приготовленіемъ чая. Когда я разлилъ чай,

скимъ, Посядой, Марковичемъ и Савичемъ, съ одними непосредственно, съ другими заочно, какъ единомышленникъ.

Нужно замѣтить, что́, будучи увезенъ въ апрѣлѣ 1847 г. въ Петербургъ въ 3-ье отдѣленіе, гдѣ содержался въ особой камерѣ и не разъ подвергался допросамъ и очнымъ ставкамъ, Навроцкій держалъ себя съ неизмѣннымъ достоинствомъ и серьезностью, не впадая въ малодушіе или неумѣстную болтливость, тѣмъ болѣе, что, онъ, видимо, не чувствовалъ за собой никакой вины. Никакіе неожиданные вопросы и сопоставленія случайныхъ показаній и обвиненій не могли вывести его изъ этой позиціи хладнокровнаго спокойствія. Ровный тонъ его отвѣтовъ, рѣшительность его отрицаній и спокойная логика рѣчи видимо не сложили къ нему симпатій со стороны разслѣдователей дѣла, что и отразилось въ

у Н. И. тотчасъ-же показалась на лицѣ его ясная, привѣтливая улыбка. Послѣ нѣсколькихъ глотковъ чая Н. И. совсѣмъ оживился. Несмотря на видимую блѣдность и усталость въ лицѣ, Н. И. сталъ разговорчивъ. Но разговоръ переходилъ отъ одного предмета къ другому. То Н. И. заводилъ рѣчь о ровенской гимназіи и хвалилъ учениковъ и многихъ учителей, то переходилъ къ кіевской гимназіи, куда онъ былъ назначенъ преподавателемъ, то намекалъ на свои будущія занятія, то осторожно выпытывалъ меня»...

На этомъ воспоминанія обрываются.

Навроцкій посвятилъ Костомарову свой переводъ „Слова о полку Игоревѣ“ и написалъ стихотворенія: „На вичню память Н. И. Костомарову“, въ которомъ восхваляетъ его какъ историка и между прочимъ говоритъ:

«Нема тебе, нашъ правдолюбе!
Застыгло слово на вустахъ...
Нема тебе, всій Руси любый,—
И ты зробывся тлинь и прахъ!..
Нема тебе!.. Ни, ты мижъ намы!..
Жывешъ и жытымешъ во-викъ...
Ты братомъ бувъ и зъ ворогамы,
Бувъ громадянынъ—чоловикъ!»

редакціи доклада о немъ гр. Орлова императору Николаю I. По отзыву докладчика, хотя Навроцкій не принадлежалъ къ украинославянскому обществу [1]), но сближался съ учредителями его и зналъ о немъ. Между тѣмъ онъ сознался только въ томъ, что читалъ стих. Шевченка «Сонъ», всѣ-же остальныя обвиненія отвергъ.

Въ Петербургѣ дѣло, по которому былъ арестованъ и Навроцкій, рѣшено было довольно быстро: 26 мая 1847 г. начальникъ 3-го отдѣленія гр. А. Ѳ. Орловъ представилъ докладъ свой государю Николаю Павловичу, въ которомъ относительно Навроцкаго было сказано: «дѣйствительнаго студента 12-го класса Навроцкаго, виновнаго не столько по сближенію съ украйнославянистами, сколько по упорству въ несознаніи, выдержать шесть мѣсяцевъ на гауптвахтѣ и потомъ опредѣлить на службу въ одну изъ отдаленныхъ великороссійскихъ губерній, съ учрежденіемъ надъ нимъ строгаго надзора», государь написалъ карандашемъ: «въ Вятку» и судьба Навроцкаго, была рѣшена [2]).

Вотъ что пишетъ самъ Навроцкій о своемъ душевномъ состояніи въ то время: «двухмѣсячное пребываніе мое въ третьемъ отдѣленіи какъ-то усыпило мою натуру; равнодушіе и апатія овладѣли мною; странность моего положенія, томленіе неизвѣстности, недостатокъ воздуха и движенія, отсутствіе всякой живой души—все это не могло не подѣйствовать на меня болѣзненно; страшное нетерпѣніе овладѣло мною; я страшно курилъ и чтеніемъ пустыхъ романовъ сокращалъ время и только свиданіе съ товарищами оживило меня; мнѣ грустно, смѣшно и жалко стало всѣхъ насъ, можетъ быть, и неправыхъ, но не заслужившихъ свиданія съ Д... (убельтомъ?).

Наконецъ, я уѣхалъ въ Вятку. Іюнь, дорога, свѣжесть и благоуханіе полей и лѣсовъ, незнакомая мнѣ сѣверная природа,—

---

[1]) Русскій Архивъ. 1892 г. кн. 2-я, стр. 345.

[2]) Русскій Архивъ, 1892 г. кн. 2-я, стр. 345.

все это показалось мнѣ блаженствомъ послѣ двухмѣсячнаго заточенія; я дышалъ, не надыхаясь воздухомъ; на душѣ такъ стало легко, свободно и просторно, что я мигомъ забылъ и третье отдѣленіе, и ожидающую меня будущность; я весь былъ созерцаніе. Но это не долго продолжалось. Наполнившись чистыми и пріятными впечатлѣніями природы, мнѣ очень естественно было желаніе высказаться особенно послѣ долгаго молчанія въ заточеніи. Въ моихъ провожатыхъ, небесныхъ людяхъ, изъ коихъ одинъ былъ офицеръ, я надѣялся найти собесѣдниковъ себѣ, но увы! я ошибся! Офицеръ мой смотрѣлъ на меня, какъ на политическаго преступника, и отвѣчалъ мнѣ сухими *да*, пока, наконецъ, я не вышелъ изъ себя и не объявилъ ему прямо, что я такой же человѣкъ, какъ и онъ, что мнѣ скучно молчать и что я хочу просто поболтать съ нимъ. Мой офицеръ ободрился и разболтался до-пе́льзя, такъ что мы скоро сошлись и не знаю за что, но онъ даже полюбилъ меня. Странно, прощаясь со мною въ Вяткѣ, онъ плакалъ, какъ ребенокъ, просилъ обо мнѣ жандармскаго полковника и губернатора. Эта безкорыстная и внезапная привязанность его ко мнѣ не могла не тронуть меня. Я сохранилъ въ душѣ моей самое свѣтлое воспоминаніе о немъ.

Губернаторъ вятскій принялъ меня такъ, какъ никогда я не ожидалъ: со всею деликатностью самаго нѣжнаго участія. Немного такихъ людей встрѣчалъ я въ жизни! Прямой, благородный, открытый и по внутреннимъ достоинствамъ и даже по самой внѣшности, это былъ рыцарь правды, добра и собственнаго долга. Для него ничего не было унизительнаго, что было честно, а главное, онъ былъ строгъ болѣе къ самому себѣ, нежели къ другимъ—качество немногихъ.

Вниманіе этого человѣка ко мнѣ, когда я былъ въ тюрьмѣ, было безпредѣльно. Онъ навѣщалъ меня довольно часто; долго разговаривалъ со мною о многомъ, чтобы развлечь меня; самъ присылалъ мнѣ книги, присылалъ даже молодыхъ людей для

развлеченія меня,—словомъ заботился обо мнѣ, какъ самый нѣжный и попечительный отецъ [1]).

По выходѣ изъ тюрьмы, я пробылъ въ Вяткѣ два мѣсяца, и онъ публично выставлялъ меня въ примѣръ всѣмъ молодымъ людямъ. Правда, я держалъ себя гордо, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, но скромно, деликатно, безъ фанфаронства, безъ претензій».

Съ ужасомъ вспоминаетъ Навроцкій свое пребываніе въ тюрьмѣ, несмотря на всю ласковость со стороны губернатора.

«Я впалъ въ такое состояніе нравственнаго безчувствія», продолжаетъ онъ, «словно я сдѣлался идіотомъ. Какъ вдругъ неожиданное обстоятельство возвращаетъ меня къ жизни. Сенаторъ Плисовъ, ревизовавшій вятскую губернію, посѣщаетъ меня. Трудно высказать то, что было между нами. Этотъ благодушный старикъ былъ не участіе, а весь любовь: то прощался, то снова возвращался ко мнѣ, чтобы передать недосказанное имъ. Мнѣ глубоко памятны его послѣднія слова, прерываемыя слезами, которыхъ онъ не скрывалъ: «Умоляю васъ, напишите къ вашимъ роднымъ, утѣшьте ихъ». Мнѣ стало легко, но скука одиночества снова овладѣла мною; нервическое нетерпѣніе мучило меня день и ночь; я доходилъ до отчаянія. Тоска по родинѣ, воспоминанія о прежней жизни и безнадежность довели меня до того, что я предложилъ себѣ вопросъ: зачѣмъ мнѣ жить? и чуть было не дошелъ до самоубійства».

Въ это время Навроцкій заболѣлъ, и его перевели въ больницу, находившуюся при богоугодномъ заведеніи. Оправившись, Навроцкій сталъ наблюдать за жизнью душевно-больныхъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, полувыздоровѣвшимъ, позволялось гулять въ саду, и тутъ-то Навроцкій слушалъ ихъ бесѣды, самъ вступалъ съ ними въ разговоръ и даже умѣлъ привязаться къ какому-то дурачку 20-тилѣтнему парню, Ванѣ, въ которомъ старался найти

---

[1]) Фамилія этого замѣчательнаго губернатора—Середа. Самъ Навроцкій фамиліи его не называетъ. См. книгу Петрова: «Очерки украинской литературы XIX ст.», стр. 258.

проблески ума и къ своему удовольствію находилъ ихъ. По выздоровленіи Навроцкаго опять перевели въ тюрьму.

«И вотъ я снова въ тюрьмѣ», пишетъ онъ, «но, за неимѣніемъ мѣста въ замкѣ, меня помѣстили въ особомъ помѣщеніи. Вообще, всякая новая перемѣна мѣста жительства производитъ на меня какое-то неловко-непріятное впечатлѣніе. Я удивительно какъ сживаюсь съ мѣстомъ, съ извѣстной обстановкой; даже во всякойквартирѣ моей есть уголокъ, который я предпочитаю другимъ;тѣмъ болѣе мнѣ жаль было разстаться съ моей комнатой въ больницѣ, съ садомъ, съ Ваней. Новое мѣсто, одиночество и ужъ не такая свобода и просторъ опять болѣзненно подѣйствовали на меня. Я, чтобы какънибудь утишить боль сердца, сталъ жадно читать. Тутъ, къ счастью, попались мнѣ превосходныя историческія сочиненія. Чтеніе ихъ доставило мнѣ много пользы; я невольно перенесся изъ грустной дѣйствительности на сцену исторической жизни».

Тогда же Навроцкій получилъ первыя письма отъ матери и отъ (неизвѣстныхъ лицъ) А. В. и У. Д. К. Отвѣты на нихъ доставили много утѣшенія узнику: было передъ кѣмъ свободно высказаться, излить свою душу. Большое развлеченіе доставлялъ Навроцкому тюремный священникъ, который, во время своихъ посѣщеній заключеннаго, своими простыми и искренними бесѣдами умѣлъ отвлекать его отъ мрачныхъ думъ и мыслей. Отъ времени пребыванія Навроцкаго въ тюрьмѣ въ Вяткѣ сохранилось нѣсколько стихотвореній (въ томъ числѣ и посланіе къ священнику), написанныхъ на русскомъ языкѣ и обрисовывающихъ душевное состояніе поэта. Сохранилось также коротенькое стихотвореніе, написанное на украинскомъ языкѣ.

«Идя crescendo», пишетъ Навроцкій, «въ развитіи моихъ думъ и грезъ, я доходилъ даже до невѣрія въ возможность всякаго добра на землѣ, терялъ вѣру въ благородныя и чистыя побужденія и въ себѣ, и въ другихъ, считая землю адскою пропастью зла и преступленій. Вотъ этотъ мотивъ помраченной души:

Зирочка ясна сяе на неби,
Свитомъ тоненькымъ грае, блыщыть.

То замарніе, то́ мовъ дивчына
Гляне очыма—такъ загорыть,
Ясная зирко—Божее око,
Зъ неба блакытного глянь, подывысь,
Глянь ты на землю, въ пропасть глыбоку,
Божіимъ свитомъ, зирко. займысь:
Бо тутъ давно вже ёго немае,
Зло тутъ, якъ гадына злая кышыть,
Ворономъ чорнымъ всюды литае,
И якъ прожора йисты крычыть».

Наконецъ настала для узника свобода. Онъ отсидѣлъ положенное для него время и выпущенъ былъ изъ тюрьмы [1]).

16-го февраля 1848 года Навроцкій опредѣленъ былъ на службу въ штатъ елабужскаго земскаго суда, вятской губерніи, и 11-го іюля того же года высочайшимъ приказомъ утвержденъ въ службѣ съ чиномъ губернскаго секретаря. Дальнѣйшее движеніе Навроцкаго на службѣ выразилось въ слѣдующемъ: 18-го марта 1850 года онъ былъ перемѣщенъ въ курскую губернскую строительную и дорожную коммиссію канцелярскимъ чиновникомъ; 2-го іюня 1850 года былъ назначенъ смотрителемъ губернской типографіи въ Курскѣ же. Въ 1853 году 15-го ноября Навроцкій былъ перемѣщенъ на службу въ Петербургъ въ департаментъ искусственныхъ (sic!) дѣлъ старшимъ помощникомъ столоначальника. Затѣмъ, согласно прошенію, былъ вызванъ на службу въ Закавказскій край и опредѣленъ помощникомъ чиновника для производства гражданскихъ дѣлъ при командующемъ войсками и управляющимъ гражданскою частью въ Прикаспійскомъ краѣ 17 февраля 1858 года и по случаю преобразованія Прикаспійскаго края въ Дагестанскую область назначенъ на должность младшаго чиновника особыхъ порученій при Дагестанскомъ губер-

---

[1]) На этомъ оканчиваются автобіографическія данныя Навроцкаго, изложенныя въ вышеупомянутомъ отрывкѣ письма къ неизвѣстной особѣ.

наторѣ 1-го іюня 1860 года, а затѣмъ и старшаго чиновника въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ. 1-го мая 1869 года Навроцкій былъ допущенъ къ исправленію должности помощника правителя канцеляріи начальника Дагестанской области, а 22-го апрѣля 1870 г. былъ назначенъ совѣтникомъ губернскаго правленія въ г. Эривань, въ каковой должности и служилъ до выхода въ отставку 29-го іюля 1884 года въ чинѣ статскаго совѣтника.

Изъ этого краткаго перечня служебной дѣятельности Навроцкаго видно, что онъ большую часть своей службы провелъ на Кавказѣ. На Кавказѣ же, въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Навроцкій и женился 36 лѣтъ на Аннѣ Адольфовнѣ Михайловской и имѣлъ семью. О жизни его въ Эривани мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія. «Въ 1882 году», пишетъ г. Шульгинъ, «Навроцкому было лѣтъ за 60, но на видъ онъ казался моложе своихъ лѣтъ, душой же это былъ юноша, исполненный свѣтлыхъ порывовъ и надеждъ, не желавшій видѣть житейской грязи, игнорировавшій мелочи ея и возносившійся мечтами въ романтическую даль. По складу своего міросозерцанія это былъ, дѣйствительно, романтикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: «всегда восторженная рѣчь» (вотъ только «кудри» давно уже были потеряны), любовь къ Украинѣ и ея народу и творчеству, благоговѣйное обожаніе «батька Тараса», преклоненіе предъ Костомаровымъ.—Въ то время Александръ Александровичъ былъ занятъ переводомъ, если не ошибаюсь, съ французскаго оригинала, «Одиссеи» Гомера, при чемъ пытался передавать эту поэму размѣромъ малорусскихъ пѣсенъ. Смотря скептически на его затѣю (греческій подлинникъ былъ недоступенъ А. А. по незнанію языка), я выпросилъ у Навроцкаго тетрадку съ переводомъ и отвезъ ее въ Харьковъ покойному своему профессору А. А. Потебнѣ. Послѣдній заинтересовался работой Навроцкаго и отозвался о ней приблизительно такъ: «Это не пустяки; авторъ владѣетъ языкомъ, поэтому можетъ выйти прокъ изъ принятаго имъ размѣра». Навроцкій былъ польщенъ таковымъ отзывомъ знатока, продолжалъ трудъ, но при жизни печатать его не хотѣлъ, какъ и много другихъ работъ, хранившихся въ авторскомъ портфелѣ.—Службы своей Навроцкій не любилъ; можетъ

быть это были послѣдніе годы передъ выходомъ въ отставку. Служебными занятіями онъ тяготился, а съ губернаторами и другой губернской знатью держалъ себя самостоятельно, часто вступая въ препирательства и портя отношенія. Одному изъ эриванскихъ губернаторовъ онъ никакъ не могъ простить незнанія французскаго языка и очень зло потѣшался надъ невольнымъ молчаніемъ хозяина во время обѣда, даваемаго по случаю пріѣзда какого-то знатнаго путешественника-француза.— Какъ веселый собесѣдникъ, душа общества, губернскій «тулумбашъ» [1]), Навроцкій не имѣлъ себѣ равнаго въ Эривани. Говорить онъ любилъ, говорилъ много, зычнымъ голосомъ, часто увлекательно и, какъ это бываетъ съ говорунами, повторялся. Высшіе міра сего платили А. А. холодностью или прямо таки нескрываемой враждой. Всюду прославили его неуживчивымъ либераломъ, но всѣ его принимали, какъ необходимаго для оживленія общества человѣка, остроумнаго собесѣдника, «тулумбаша»-риѳмоплета. И до сихъ поръ, вѣроятно, помнятъ въ Эривани его удачные и неудачные застольные спичи и стихотворные экспромты».

По выходѣ въ отставку Навроцкій переѣхалъ на жительство сначала въ Новочеркасскъ, а въ 1865 году въ г. Николаевъ (херсонской губерніи), гдѣ и прожилъ до 1889-го года. Затѣмъ онъ переѣхалъ въ г. Темиръ-Ханъ-Шуру, съ которымъ, надо полагать у него было много связей, такъ какъ въ этомъ городѣ онъ провелъ большую часть своей службы, и здѣсь умеръ въ 1892 г. 10-го октября.

Громадное большинство сохранившихся стихотвореній Навроцкаго, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, написано на малорусскомъ языкѣ. Встрѣчаются стихотворенія, написанныя и на русскомъ языкѣ, но я здѣсь перечислю произведенія Навроцкаго (по крайней мѣрѣ главнѣйшія изъ нихъ), написанныя только на языкѣ малорусскомъ. Произведенія эти слѣдующія:

---

[1]) «Тулумбашъ» или «томада,» по кавказскимъ обычаямъ, выбирается во время пиршества изъ числа присутствующихъ для произнесенія застольныхъ рѣчей, тостовъ и т. п. Выбирается обыкновенно веселый, рѣчистый и остроумный человѣкъ.

1. «Гомерова Одиссея». Полный переводъ, 24 пѣсни и въ началѣ каждой краткое содержаніе, «ткань». Закончена 20 мая 1882 г. Въ концѣ стихотвореніе, въ которомъ поэтъ выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что окончилъ работу, доставлявшую ему много «всякои корысти» [1]).

2. «Гомерова Иліяда». Полный пореводъ, 24 пѣсни. Въ началѣ 1-й и затѣмъ 13—24 тоже краткое содержаніе, «ткань».

3. Евангелына. Акадянська былыця. Переложенне зъ Лонгфелло. (Зъ московського переводу П. Вейнберга). Въ послѣсловіи до поэмы «Евангелына» Навроцкій, между прочимъ, говоритъ: «Додамъ одъ себе, що хоча наша украинська мова и дуже дотепна на те, щобъ на ій укладувалысь грецьки и рымська гекзаметры, та я сю поэму переложывъ на нашу украинську мову не гекзаметрамы, якъ те зробывъ П. Вейнбергъ, перекладаючы ій на московську мову, а нашымъ народнымъ стыхомъ, котрый одвичае шестыстопному александрійському стыху, бо гекзаметры и на другыхъ новыхъ языкахъ, котри давно уже установылысь и въ слови и въ граматычныхъ формахъ, ще дуже важко чытаются, оть якъ и по-московськи Иліяда—Гнидыча и Одиссея—Жуковського,—зъ ныхъ за однымъ заходомъ ледви можна, безъ прымусу себе и безъ утомы, прочытаты одну писню; народній же стыхъ, опричъ того, що легше чытается, та й чужоземный утворъ робыть винъ нибы власнымъ народнымъ диломъ»... и т. д.

4. Небо и земля. Мистерія лорда Байрона, съ посвященіемъ Н. И. Гулаку.

5. Каинъ. Мистерія лорда Байрона въ трёхъ діяхъ.

6. Манфредъ. Драматычня поэма лорда Байрона у трёхъ діяхъ.

7. Парызына. Поэма Байрона.

8. Гяуръ—Байрона (не вся).

---

[1]) Украинское правописаніе у Навроцкаго неустойчиво: въ однѣхъ тетрадяхъ у него одно правописаніе, въ другихъ другое.

Поэмы Осciана:

9. Комала, съ посвященіемъ Николаю Ивановичу Гулаку.

10. Катъ-Лода, тоже.

11. Каррикъ-Тура, тоже. (Въ посвященіи Навроцкій говоритъ, что эта поэма Осciана нравилась Гулаку больше другихъ, поэтому онъ ее ему и посылаетъ).

12. Картонъ, тоже съ посвященіемъ Гулаку, поэма заключаетъ въ себѣ 955 стиховъ.

13. Ойна-Морулъ. 290 стиховъ. Въ посвященіи Гулаку поэтъ между прочимъ говоритъ:

«И у насъ серце звеселіе
На чужій чужыни,
Що пишла и наша крыхта
На корысть Вкраини».

И во многихъ другихъ мѣстахъ своихъ произведеній Навроцкій выражаетъ желаніе послужить своими сочиненіями на пользу Украины.

14. Кольна-Дона. 250 стиховъ, тоже посвящена Гулаку.

15. Оитона. 428 стиховъ, тоже.

16. Латмонъ. 655 стиховъ.

17. Дардула. 827 стиховъ.

18. Смерть Кухуллина. 417 стиховъ.

19. Бійка Лори. 422 стиха.

20. Конлухъ и Кутона. 200 стиховъ.

21. Бартона. 567 стиховъ.

22. Темора. Писня 1—855 стиховъ. 2—638 ст.; 3—605 ст.; 4—550 ст.; 5—525 ст.; 6—543 ст.; 7—542 ст.; 8—654 стиха.

23. Крома. 303 ст. съ посвященіемъ Гулаку.

24. Кальтопъ и Кольмала. 444 ст.

25. Війна Кароса. 484 стиха.

26. Катлинъ зъ Клута. 364 стиха.

27. Сулмалла зъ Лумона. 295 стиховъ.

28. Війна Инистона. 302 ст.

29. Писня Сельми. 501 ст.

30. Фингалъ. Въ шести пѣсняхъ, 3993 стиха, съ содержаніемъ каждой пѣсни, что есть и въ другихъ поэмахъ.

Жаль, что Навроцкій не указалъ, съ какого перевода онъ перекладывалъ всѣ эти поэмы Оссіана, точно также не указаны ни числа ни годы, когда эти поэмы были переложены [1]).

31. Аласторъ, або Духъ самоты. Поема Шелли, перекладъ на украинську мову, зъ предмовою. 1882 р. 863 стиха.

32. Ифигенія у Таврыди. Трагедія Гете (не вся, только 3 дѣйствія и начало 4-го).

33. Корыноська невиста. Зъ Гете.

34. Агасферъ у Рыми, поема въ шосты писняхъ Роберта Гамерлинга, перекладъ А. Н. (Только двѣ пѣсни и начало 3-й).

35. Загубленый рай. Поема Джона Мильтона. (Только начало 1-й пѣсни).

36. Переложенне Краледворськои рукописи на украинську мову. 1) Ольдрихъ и Болеславъ, 2) Бепешъ Германенко, 3) Ярославъ, 4) Честмыръ и Влаславъ, 5) Людиша и Люборъ, 6) Забой, Славой и Людекъ, 7) Збигонь, 8) Виночокъ, 9) Ягиды, 10) Олень, 11) Рожа, 12) Зозуля, 13) Сырота, 14) Жайворонокъ, 15) Рада, 16) Любушинъ Судъ, 17) Писня пидъ Вышеградомъ, 18) Писня короля Влацлава Первого.

37. Конрадъ Валленродъ. Поема Мицкевыча. Перекладъ на украинську мову.

38. Натанъ Мудрый. Драматычня поема Лессинга. (Только начало).

39. Писня про дзвинъ. Зъ Шиллера.

40. Сократъ и ёго жинка. Комедія въ одній діи Хведира де-Банвиля. Зъ великоруськои мовы.

41. Зъ первои Мусіёвои книгы Настанія (отрывки).

42. Покуса Будды. Зъ Лалитавыстара. Якову Олексіёвычу Гатцуку прысвящення.

---

[1]) Впрочемъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, поэтъ, по большей части, не обозначалъ времени написанія того или другого сочиненія, также какъ не указывалъ, съ чьихъ переводовъ онъ переводилъ.

43. Книга псальмивъ пророка Давыда. (104 псальмы въ одной тетради, другія псальмы встрѣчаются въ другихъ тетрадяхъ).

44. Писня про войну Игоря, зъ прысвященнемъ Миколаю Ивановычу Костомарову.

45. Одягненый у барсове хутро. Поема. Перекладъ зъ грузынського.

46. Полтава—Пушкина (не вся).

47. Моцартъ и Сальери. Зъ Пушкына.

48 Маруся Чурай. Исторычня былыця. Утворъ О. Н. Чюминои-Мыхайловои. Перекладъ на украинську мову.

49. Писня писень Соломона.

50. Голова тринадцята Евангелыя по св. Матееви. 324 стиха.

51. Книга пророка Аввакума. 3 главы, 471 стихъ.

52. Книга пророка Наума. 3 главы, 428 ст.

53. Книга пророка Софонiи. 3 главы.

54. Книга пророка Аггея. 2 главы.

55. Витання мудривъ. Зъ Шиллера.

56. Сыбылла. Рымська легенда. Перекладъ зъ графа П. Бутурлина.

57. Гофонiилъ. Поема Поля Деруледа.

58. Земне життя и апофеоза худогы. Драматычный выгадъ. Зъ Гете.

59. Римскія элегіи Гете.

60. Недиля. Поема В. Сырокомли.

61. Силська школа. Зъ В. Сырокомли.

62. Переклады зъ Мицкевыча: I) Ода до молодости, 2) Фарисъ, 3) Кобзарь (Dudarz), 4) Импровизація, 5) Панова жинка, 1862 р. (Lilie), 6) Побигъ, 7) Великый майстеръ, 8) Мудреци, 9) Вечирня розмова, 10) Зъ Мицкевыча: «Чы йе краще що на свити, якъ тая долына»... 11) Слухай, козаче-родаче»... 12) «Розпустылыся деревья»... 13) До самотыны, 14) «Сыжу оттуть помижъ вамы»... 15) «Надъ водою велыкою»... 16) «О ясни, о свижи пречыстыи воды»... 17) Розмова, 18) Розставанне, 19) Тьма, 20) Подорожный и молодыця, 21) Писня, 22) «Якъ моя кохана,

вродлыва дивчына почне щебетаты въ веселу годыну»... 23) Жабы и ихъ цари. Байка. 24) Лысыця и Козелъ. Байка. 25) Дзвинъ и Дзвинкы. Байка. 26) Прыятели. Байка. 27) Оселъ и Песъ. Байка. 28) Марусына могыла. 29) Сонъ. Зъ Байрона, по переложенню Мицкевыча. 30) Мицкевычова баллада: Romantyczność. 31) Рыбка. 32) Панычъ и дивчына. 33) Дорога до Россіи. 34) Тхиръ на ради. Байка. 35) Звирына рада. Байка. 36) Сонеты: a) Степы Акерманськи. 1862 р. b) Добры-вечиръ. c) Добра ничъ. d) «Въ першый разъ невольныкъ». 37) Писня. 38) Непевнисть. 39) Первоцвитъ. 1862 р. 40) Залыцання. 41) «Якъ роса та дощыкъ свижый»...

63. Зъ пророка Исайи. Голова 11.

64. Голова четверта зъ Евангелыя по святому Матеіеви.

65. Зъ апостола Іакова. Голова 3.

66. Иванъ Жижка. (Зъ Ленау).

67. Сотныкъ. Драматычни картыны, зъ поемы Т. Г. Шевченка.

68. Зъ Фауста—Гете: 1) Нутро собора, 2) Темныця, 3) Садъ сусиды Марты, 4) Прологъ зъ Фауста, 5) Кимната Маргарыты, 6) Молытва Маргарыты.

69. Замиръ Бургундського князя Гюнтера узяты соби жоною Брунгыльду. Зъ девятои писни Нибелунгивъ.

70. Рада богивъ у Валгалли. Зъ первои писни Нибелунгивъ.

71. Зъ девятои писни Нибелунгивъ.

72. Зирка.

73. Украина.

74. Козакъ и дивка. 1847 р.

75. «Тяжко въ свити сыротою»... 1847 р.

76. Сова и Горобець. 1849 р.

77. «Горе тому на симъ свити»... 1852 г. 16 окт.

78. Псаломъ (До англычанъ и французивъ). 1854 г.

79. Дидусынъ садокъ.

80. Одъ щырои ненькы до диточокъ щырыхъ.

81. Бонопартъ и Чорногоры. Зъ Пушкына. Писня.

82. Дуня.
83. Соловей.
84. Писни. 1, 2, 3, 4.
85. Думкы. 1, 2.
86. А. И. Б...
87. В. М. Б...
88. На новый годъ.
89. Чорногорськы писни. 1, 2,
90. Похоронна писня Якыма Маглановыча.
91. Вовкулака. Зъ Пушкына.
92. Дума: «Ты счаслыва и весела»...
93. Сосна. Зъ Лермонтова.
94. Завищанне.
95. «Молодыи лита, годына святая»...
96. «Якъ часто одъ тяжкои мукы»...
97. «На що мене, моя ненько»...
98. Изъ Гете: «Витеръ не повіе» [1])...
99. Сербськы писни.
100. Дыяконъ Степанъ. Сербська легенда.
101. Писня про Грыгорія Чорного.
102. Волохъ у Венеціи.
103. Воевода Мылошъ.
104. Бытва пры Зеныци Великій.
105. Хведоръ и Олена.
106. Янко Марнавычъ.
107. Два браты и сестра.
108. Гайдукъ Хрызычъ.
109. Чешська писня.

---

[1]) Стихотворенія подъ №№ 72—98 принадлежатъ къ наиболѣе раннему періоду поэтической дѣятельности Навроцкаго. Сохранились они въ довольно ветхой тетради, въ которой помѣщено не мало стихотвореній и разнаго рода выписокъ, написанныхъ по-русски. Въ этой же тетради есть стихотворенія и Шевченка, переписанныя Навроцкимъ.

110. До Донцивъ.

111. Москалева жинка.

112. Марья. Повисть украинська.

113. Давне лыхо.

114. Свята Нына. Поема. 624 стиха.

115. Оповиданне про Вкраину одъ початку ii до сёго часу. (Подражаніе гр. А. Толстому).

116. «У дудочку, у сопилочку, до самого понедилочку»...

117. Богданъ Яковлевычъ Дзвонаренко. Сильська идилія зъ мынулого часу. Перекладъ зъ Влад. Магера. (Проза).

118. Смерть пана.

119. Дурненька Прися. Оповиданне бабуси.

120. Переклады зъ Кольцова. 14 стихотвореній.

121 Переклады зъ Лермонтова. 12 стихотвореній.

122. До мого осудчыка Глаголя. (Дывысь «Кіевская Старина». Апрѣль 1884 г. стр. 670).

123. Ночни хымеры: a) Немичъ. b) Зараза. c) Вища ничъ, d) Навспражкы.

124. Невольныкы.

125. Хымерна думка.

126. Писня крепакивъ.

127. Байкы зъ аварського. 3.

128. Переклады зъ Крылова. 11 баекъ.

129. Писня про сорочку. Зъ Томаса Гуда.

130. Писня наймыта. Зъ Томаса Гуда.

131. Палата хлибороба. Финська писня.

132. Пророкуванне. Зъ О'Конора.

133. Вичній памяти О. П. Стороженка.

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь произведеній Навроцкаго (преимущественно крупныхъ), сохранилась еще масса стихотвореній его (крупныхъ и мелкихъ), какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, преимущественно лирическаго характера, занимающихъ десять тетрадей, [1]) довольно объёмистой величины. Двѣ изъ этихъ тетрадей носятъ заглавія:

---

[1]) Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ выше произведеній находятся въ этихъ тетрадяхъ, другія же переписаны отдѣльно.

1. Переложенія зъ ризныхъ поетивъ и мои власни думкы. Темиръ-Ханъ-Шура. 1861—1870 р. (360 страницъ). Въ этой тетради помѣщены переводы стихотвореній Виктора Гюго, Барбье, Гейне и др., а также оригинальныя произведенія: Недолюдокъ, поема, разнаго рода думки и проч.

2. Переложенія зъ ризныхъ поетивъ и мои власни верзикання. Эривань. 1876—1880 р. (553 страницы). Эта тетрадь заполнена переводами преимущественно изъ Пушкина, гр. А. Толстого, Байрона, Гете и др., хотя есть и оригинальныя произведенія.

Остальныя тетради заглавій не имѣютъ. Въ нихъ, по приблизительному подсчету, заключается больше тысячи страницъ. Въ этихъ тетрадяхъ помѣщено большое количество переводныхъ произведеній изъ разныхъ иностранныхъ и русскихъ поэтовъ, а также не мало стихотвореній оригинальныхъ, какъ-то: разнаго рода думокъ, пѣсенъ, баекъ и т. п.

Тутъ же помѣщены и такія стихотворенія, какъ: «На вичню память Костомарову», на смерть Тургенева, Надсона, «На вичню память О. В. М—чу» (Марковичу), памяти Т. Г. Шевченка посвящено нѣсколько стихотвореній, «Одповидь Кулишу на ёго стыхы про сёгочасну украинську литературу» и т. п.

Среди стихотвореній, написанныхъ по-украински, въ этихъ же тетрадяхъ встрѣчаются стихотворенія написанныя и порусски [1]).

Интересенъ взглядъ самого Навроцкаго на свои многочисленныя писанія. Въ нѣкоторыхъ тетрадяхъ, въ концѣ каждой изъ нихъ, помѣщено стихотвореніе, въ которомъ поэтъ высказываетъ свой взглядъ на свои произведенія. Во взглядѣ этомъ видна вся скромность поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ надежда и горячее желаніе хоть въ будущемъ послужить своими произведеніями на пользу дорогой родинѣ. Вотъ одно такое стихотвореніе:

---

[1]) Кромѣ этихъ тетрадей, сохранилось еще нѣсколько тетрадей и тетрадокъ, заключающихъ въ себѣ черновики стихотвореній, между которыми встрѣчаются стихотворенія, не переписанныя въ вышеназванныя тетради.

До дитей.

Думы мои полохливи,
Прибытыи диты,
Куды мени на чужыни,
Скажить, васъ подиты.
Выкохавъ васъ, вылылыся
Зпидъ самого серця:
Куды жъ теперъ полынете.
Де жить доведется?
Ховавъ я васъ на чужыни
Одъ людей, одъ свиту,
Бо знавъ добре, не знайдете
Тутъ соби прывиту.
Не знайдете, тутъ чужыи,
Не превитни люде,—
Не до васъ имъ, свое лыхо
Имъ треба видбуты.
Ославъ бы васъ на Вкраину,
Та и тамъ, якъ бачу,
Не до думокъ,—мали диты
Йисты просять, плачуть.
И тамъ тилькы про насущный
Людъ бидный гадае:
Думкы жъ гарни, якъ на серци
Легенько бувае.
Тоди воны дорогыи,
Душу ублагають,
Якъ свое щоденне лыхо
Насъ не зачипае.
Писля праци потовои
Не думкы намъ мыли:
За ничъ треба для роботы
Набратыся сылы.
Й на Вкраини вамъ привиту

Одъ людей не буде:
Спочывайте жъ на папери
До другого суду...
Може, може... якъ чымало
Воды въ море кане,
Попадетесь людямъ въ рукы,
Чытаты васъ стануть.
Прочытають стари люде,
Й скажуть соби тыхо:
«Правда, правда, за насъ було
Те тяжкее лыхо»!
Прочытають молодіи
И сумно промовлять:
«Якъ то тяжко було жыты
У колышни годы!»
А до того лежить соби
Въ кнышечци закрыти,—
Спочывайте, полохливи,
Прыбытыи диты...
Выкохавъ васъ, выпылыся
Зпидъ самого серця.
Та никуды полынуты,
Й жыть не доведется...

Въ заключеніе позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторыя стихотворенія Навроцкаго.

Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе,—изъ Гете:

На гори не вине витеръ,
Гилкы не сколыше;
Спыть долына; тилькы чуты,
Якъ та квитка дыше.
Пташкы змовклы, прытулылысь
Въ лиси пидъ кущамы,
Постривай, и ты спочынешь
Навикы мижъ намы.

Переводовъ изъ Пушкина у Навроцкаго много. Одинъ изъ удачныхъ переводовъ есть переводъ элегіи Пушкина: «Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ»..

Не мало также переведено Навроцкимъ и стихотвореній гр. А. Толстого.

Изъ стихотвореній Лермонтова наиболѣе удаченъ переводъ «Вѣтки Палестины»:

Изъ массы оригинальныхъ стихотвореній Навроцкаго привожу слѣдующія:

I. [1]).

Садокъ розцвивъ и зеленіе
И въ хату весело глядыть.
И молокомъ увесь биліе,
И квитамы, мовъ жаръ, горыть.
А я сыжу у самотыни—
И думка въ мріяхъ потона:
Колы диждемся благостыни,
Що людъ добромъ пообгорта?
Колы то зъ себе люде скынуть
Ту негидь—сварку нависну,
Одынъ до другого полынуть
И стринуть зъ ласкою весну?
И зажывуть вси въ упокои.
Вси стануть—ридни племена,
И кожне въ справжнёму розвои
За брата кожного прызна,
И сварка стане всимъ гидкою.
И зацарюе правда та,
Що заповидана святою
Всимъ людямъ книгою Хрыста.

---

[1]) Стихотвореній, подобныхъ этому, въ которыхъ высказывается горячее желаніе поэта, чтобы между людьми установилась правда и спокойствіе, есть не мало у Навроцкаго.

II.

Пісня.

Тече ричка, тече быстра,
Верболозы гнутся,
Коло мене молодои
Вси парубки вьются.
Тече ричка, тече быстра,
Фыли наганяе.
Ой до мене парубоцьтво
Лыне—прыпадае.
Тече ричка, тече быстра
Берегъ пидмывае,
А за мною парубоцьтво
Зъ суму омливае.
Нехай лыне, омливае...
А мени байдуже,
Погуляты на роздолли
Ще хочется дуже.
Ще хочется дивочее
Серце потишаты,
Ще хочется въ батька-неньку
Воленьку зазпаты.
Погуляю, натишуся,
Якъ серденько хоче.
Та не виддамъ абы-кому
Я счастя дивоче.
Погуляю, натишуся,
Кохання зазпаю.
Й тому виддамъ свое серце
Кого покохаю.
А теперъ я вильна птанка.
Танцюю, спиваю,
Хоча серцемъ до кохання
Часомъ прыпадаю.

Того зъ жарту поморочу,
А тому всмйхнуся,
Ни до кого жъ ще я серцемъ
Щыро не горнуся.

Хоча маю чорни бровы,
Очинята кари,
Та нема мижъ парубкамы
Ще для мене пары.

Знайду жъ пару—тіи жарты
Покыну, порушу...
Виддамъ серце я за серце
И за душу—душу.

А покы-що—погуляю
У батька, у ненькы,
А покы-що—пожартую,
Якъ хоче серденько.

Тече ричка, тече быстра,
Верболозы гнутся,
Нехай ище коло мене
Вси парубкы вьются.

Нехай вьются, нехай лынуть,
Нехай омливають,
А я соби молоденька
Ище погуляю.

Погуляю, пожартую:
Якъ сама я схочу,
Покы вдосыть натишыться
Серденько дивоче.

III.

Ой усюды, всюды,
Де вже я не буду,
Чы на чужимъ поли,
Чы въ тяжкій неволи,
Чы вже на край свита

У похыли лита
Самотній полыну,
Тебе не забуду
До вичнёго суду.
Ридная краино!
Ты, моя кохана,
Звечора и зрана
У серци старому,
До тебе палкому,
Вично будешъ жыты,
Ёго пидбываты,
Безъ дякы, безъ платы,
На тебе робыты,
Щобъ и ты, вродлыва,
Була всимъ счаслыва,
И твои вси диты.

Думка.

Де, стомывшыся, прожывшы
Вика половыну,
Де кисткы мои складу я,
Одъ лыха спочыну?

Чы на тоби, Украино,
На ридному поли,
Пидъ калыною густою,
Въ тыхому роздолли?

Чы въ глухій пустыни ляжу,
Прыбытый бидою,
Хрестъ поставлять надо мною
Чужою рукою?

Чы, може, де биля моря,
У писку густому,
Знайду соби тисну хату,
Що й не взнать никому,

Де, блукаючы по свиту,
Я запапастывся,
Й морськы фыли не роскажуть,
Де то я подився.

Та дарма мени про тее:
Всюды надо мною
Небо буде розстылатысь
Вичною красою.

Въ вышыни своій блакитній,
Въ ясному простори,
Надо мною горитымуть
Свичечкамы зори.

—

Ни, не дарма: въ Украини
Серце пробудылось,
На ій вопо добро, правду
Любыты навчылось.

За Вкраину довелося
Болиты, тужыты,
Усёго дознать, щобъ краще
Було людямъ жыты.

То до неи бъ бажалося
Мени прыкорнуты,
Щобъ хочъ въ ии холодочку
Вичнымъ сномъ заснуты.

Прокынутся на ій люде
На добро, на працю:
Якъ имъ краще жыты стало,
Зъ могылы побачу.

Розростутся помижъ нымы
Добро и наука;
Серце зразу звеселіе,
Спаде зъ ёго мука,

Бо й въ могыли буду жыты,
И тоби благаты
Счастя-доли, Украино,
Убогая маты!...

А. Шр—ко.

Баку. 1902 года, 10 октября.

СОБАКА.

I.

Се було въ-литку.

Я йихавъ по одній зъ пивденныхъ степовыхъ зализныць. Стояла спека, и вагоны булы роспечени такъ, що до йихъ зализнои шкарубины не можна було доторкнутысь. Воны мляво котылысь по гарячыхъ рельсахъ середъ прыгниченыхъ пивденнымъ варомъ степивъ. Мы наблыжалысь до станціи, де було треба простояты годынъ пъять, якъ не бильше. Заспани, стомлени спекою, пасажыры заворушылысь, заметушылысь и почалы збираты свое подорижне збижжя. Пойиздъ ишовъ тыхо, одноманитно стукаючы по зчепкахъ рельсивъ. У видчынени викна забывало дымомъ й пекучымъ, сухымъ повитрямъ. Всихъ оповыло одно бажання—скорише выбратыся зъ вагонивъ. Нарешти свыснувъ паровозъ, загувъ стрилошныкъ и перегодомъ пойиздъ важко пидсунувся до невелыкои жовтенькои степовои станціи.

Збылася товкотнеча, яка звычайно бувае по станціяхъ у перши хвылыны, колы тилькы-що стане пойиздъ. Блиди або занадто червони пасажыры, бильше селяне й нимци-колонысты, товпылысь до дверей станціи мабуть не меньше, нижъ гришни души мусять добыватысь до райськои брамы. Воны штовхалы одынъ одного клунками и чемоданамы, сердылысь и на ходу сперечалысь, а паравозъ обгортавъ своимъ чорнымъ дымомъ и

ихъ, и червоноголового сывого начальныка станціи, подибного до билого ведмедя.

Чы то була прымха слипои доли, чы такый смакъ начальства, але на ведмедивъ булы похожи вси начальныкы станцій на сій степовій лыніи...

Дымъ обгортавъ и облызувавъ маленьку станцію, заглядавъ ій у викна и, хвылюючы и влягаючы до земли, летивъ у степъ. А тамъ, заразъ биля станціи, колосувалысь золоти нывы, а дали зеленила балка зъ молодымъ лискомъ и изъ неи вызыравъ чорный дымарь водокачкы.

Тамъ бувъ ставокъ.

Я похопывсь заняты соби мисце въ кутку залы й почавъ звидтиль роздывлятысь публыку, що зповняла сей залъ. Люде булы все мени не знаёми. Найбильше було марнопольськыхъ грекивъ-коммерсантивъ зъ своимы товстымы, ривнымы носамы, крипкымы лобамы, густымы чорнымы бровамы, обведенымы по-надъ неначе соннымы, але хытрымы очыма. Було два—тры жыды и одынъ старый, голеный, зъ обвыслымъ пидбориддямъ (войломъ), и по-старечы зигнутымъ поперекомъ, нимець-колоныстъ.

Я сыдивъ и черезъ те, що ничого було робыты иншого, оглядавъ сю публыку.

Вси удавалы, що имъ теперь кращого й не треба, що воны тутъ неначе дома. Одни обидалы, розстебнувшы свои жилеткы, розставывшы шыроки ногы и обвъязавшысь серветкамы, неначе справди сыдилы де-небудь у себе дома, въ Маріюполи, чы що, зъ своимы жовтымы, мовъ достыгла дыня, жинкамы и замурзаною дитворою. Други порозлягалысь по деревъяныхъ канапахъ зъ гербамы зализныци, и на выду у ихъ неначе було написане: гарно, просто такъ, якъ дома!.. Де-яки сылкувалысь чытаты, инши пробувалы заснуты, але ни въ тимъ, ни въ другимъ имъ не таланыло. Старый нимець сыдивъ на стильци была кахольнои грубы й пыльно смоктавъ свою люльку, поплёвуючы ливоручъ видъ себе и писля кожного разу поглядаючы своимы тмяно-олывъянымы очыма передъ себе, де сыдила якась замучена и засмоктана

панночка, мабуть зъ гурту непорочныхъ, але зовсимъ незваблывыхъ весталокъ...

Одынъ товстый грекъ розстебнувъ жилета, засунувъ свои пухли рукы пидъ поясъ штанивъ и важно, мовъ султанъ по хареми, ходывъ по зали, ни скилькы не зважаючы на те, що тутъ же сыдилы дамы.

— Для дамъ есть особый комнатъ!..—каже винъ и соби и всій публыци и своимъ облыччямъ, и всіею своею зневажлывою и задоволеною постаттю.

Розглядывшы всихъ, я вже бувъ хотивъ й соби щось робыты, колы въ одчынени двери зъ платформы вбигла била собака—выжелъ, и за нею ввійшовъ ще молодый чоловикъ, высокого зросту, зъ сирымы, яснымы очыма, маленькою русявою боридкою й загорилымъ, але все-такы билымъ облыччямъ. Я зразу впизнавъ ёго. Але колы наши очи зустрилысь, и винъ мене тежъ упизнавъ, мы якось разомъ, мовъ умовывшысь, удалы, що не пизнаемо одынъ одного. Мабуть, ни мени, ни ёму не схотилося прызнатысь першому.

То бувъ Андрій Петровычъ Донченко.

Увійшовшы въ залъ, винъ озырнувъ ёго окомъ и сивъ биля столу, смилывымъ рухомъ обпершысь на ёго правыцею, такъ, що мени не було выдно ёго облыччя. На ёму було легке сире убрання, лакыровани чоботы и аглыцька кепка.

II.

Донченка я спизнавъ назадъ тому рокивъ зо-тры. Дило було пидъ новый рикъ. У одного орандаря зибралась кумпанія. Бувъ и я. Тамъ насъ и познаёмылы. Чувъ я про ёго де-що й раныше, але бачытысь не доводылось. Наши знаёми нышкомъ пидсміювалысь зъ ёго й розсказувалы про ёго всяки исторіи такого змисту, що имъ можна було няты виры й не няты. Запевне я знавъ, що винъ у мынулу весну, якъ ишлы по Динцю плоты, прыставъ до плотовщыкивъ и проплывъ зъ йимы у Ростовъ. Звидты, пишкы, по берези моря, винъ пройшовъ до Крыму. Дійшовъ винъ до

Севастополя, заробляючы хлибъ роботою по прыстаняхъ. Въ Севастополи ёго захопыла зима. Портъ замерзъ, и винъ сыдивъ безъ роботы й грошей. Батько его, селянынъ, але чоловикъ дуже заможный, що нажывся побиля велыкыхъ панивъ, довидавшысь про се, выславъ ёму грошей, щобъ винъ йихавъ до-дому. Винъ прыйихавъ. Потимъ було чуты, що винъ стрелявся. Зли люде казалы, що то булы штукы. Буцимъ то винъ на взиръ прострелывъ соби на боци шкуру, одтягшы ии видъ реберъ... Що тому спрычынылося,—нихто певне на знавъ. Казалы що винъ не ладнавъ зъ батькомъ, вымагавъ у ёго грошей, а той не дававъ.

Я вирывъ й не вирывъ усёму тому, що чувъ, и мени самому хотилося докладно дизнаты всиеи исторіи ёго жыття. Середъ тіеи дрибноты, мижъ якои винъ вештався, винъ здавався чоловикомъ выдатнымъ й оригинальнымъ.

Зъ першого слова у першій нашій розмови винъ не прынавъ мени до вподобы. Ёго тонъ, гордый и зневажлывый, ёго гостри й незридка безпидставни прысуды видхылялы одъ ёго. Опричъ того, я бачывъ у ёму велыку прыхыльнисть до чаркы. Але колы мы розбалакалысь, винъ помъякшавъ.

Одъ ёго я дизнався, що винъ учывся въ гимназіи, дійшовъ до восьмого класу, й кынувъ ии, не зхотившы кинчаты курсу и добыватысь «аттестату зрилосты». Се ёму здавалось «гидкою зневагою»... Въ ти часы винъ покланявся Пысареву й поважавъ ёго за найвыщый авторитетъ, за альфу й омегу хысту й интеллигентного лыцарства. Въ ёго розмови проблыскувавъ гострый розумъ, молода самонадія молодои людыны, що выросла зъ мицного, ще непорушеного кориня нашого селянства. Але винъ шукавъ популярносты, хызувався передъ своимы знаёмымы, и си рысы ёго вдачи—одныхъ знаёмыхъ просто видхылялы видъ ёго, въ серцяхъ другыхъ—выклыкалы образу й обурення.

— Мужыкъ, а туды жъ несеться!.. Знаемо мы—казалы воны—добре, якъ ёго батько ще прыкащыкувавъ у панивъ Бучацькыхъ... Мужыкъ-мужыкомъ бувъ! Та й теперъ—мужлай, хочъ и розжывся зъ панського добра. А сынокъ—тежъ мужлай, хочъ и въ гимназіи бувъ, хочъ и зодягается «по моднёму»!..

Донченко все це добре знавъ и ще бильше дратувавъ дрибне самолюбство дрибного, пидупалого панства. Винъ почувавъ у соби сылу и, на жаль, выявлявъ іи тилькы въ тому, чымъ винъ мусывъ бы гордуваты.

Писля того вечора мы зъ нымъ не бачылысь, и я тилькы чувъ про ёго оргіи й гульбыща—то зъ якымы сь студентамы, то зъ парубкамы й дивчатамы того села, де винъ жывъ. Потимъ чувъ, що винъ нездужавъ, покаявся, ставъ весты трохы не чернече жыття и навить поступывъ кудысь на службу. А потимъ зновъ стало чуты, що винъ зновъ узявся за гульню та байды. До того жъ ще прыточывся ёго романъ зъ якоюсь дивчыною—селянкою. На тимъ чутка й кинчалась. Я на килькы часу видйиздывъ зъ тыхъ краивъ и було зовсимъ забувъ про ёго, якъ доля вдруге звела насъ.

III.

Мени хотилося побалакаты зъ имъ, и я пидійшовъ такъ до столу, щобъ статы биля ёго. Тилькы я взявся бувъ за стильця, якъ винъ повернувся въ мій бикъ, мовъ ждавъ, що я пидійду и, мыгцемъ глянувшы на мене, хотивъ бувъ несвидомо простягты руку и щось промовыты, але вдержався и ставъ рукою, простягнутою було до мене, обсмыкуваты вокзальну скатертыну.

— Здорови булы! Мы зъ вамы, здается знаёми,—сказавъ я ёму.

Винъ одну мыть хотивъ бувъ удаты, що не впизнае мене, але почервонивъ и промовывъ:

— Здрастуйте! Прыгадую... Чы не въ Яцуры бачылысь?..

— Эге жъ!

— Здается—новый рикъ зустричалы?..

— Эге. Просперечалысь тоди ввесь вечиръ.

— Такъ, такъ... прыгадую.

Мы скоро роспыталысь,—хто куды йиде, и разбалакалысь. Ёму треба було пройихаты килька станцій вкупи зо мною. Винъ йихавъ гостюваты до якого-сь свого товарыша. Пойизду намъ треба

було дожыдатысь довго и я наряявъ питы зъ вокзалу въ степъ, а потимъ въ балку до водокачкы. Я тамъ бувавъ уже не разъ. Донченко згодывся.

Мы выйшлы зъ станціи. Донченко гукнувъ Діанку, свою собаку, и та весело вдарылась въ высоки, уже пополовили жыта. Вона утопала въ мори жыта и тилькы иноди мовъ вырынала зъ ёго, пидстрыбнувшы за зляканымъ птахомъ.

Було дуже душно. Повивавъ палючый витрець и навивавъ солодки пахощи недостыглого жыта. Мы йшлы межею до балкы. По межи й въ жыти росло багато квитокъ, а колы мы наблызылысь до узлисся, то ихъ стало ще бильше. Я, радый писля городського каминня кожній былынци, нарвавъ ихъ соби чымалый пучечокъ и залюбувався ихъ свижымы, нижнымы колирамы и пахощамы.

Донченко курывъ папиросу.

— Вы все той же идеалистъ,—сказавъ винъ, осмихаючысь.

— А якъ же? Хиба любыты прыроду се есть провына?.. Вы подывиться тилькы на си квиткы? понюхайте ихъ!

— Есть на що дывытысь... Діанка!..—гукнувъ винъ на собаку, що сполохнувшы перепилку, вдарылась за нею по межи.

Собака прыпынылась, гавкнула ще двичи у слидъ полохлывій пташыни, телипнула довгымы вухамы й повернула назадъ.

— Такъ вы любуетесь квиткамы? Може вы втишаетесь и нашымъ жыттямъ?

— Чому жъ не втишатысь, колы йе чымъ?

— Багато вы бачылы доброго?..

— Багато—не багато, а на довгій ныви, кажуть люде, не безъ доброго колосу. Йе надъ чымъ журытысь, йе що клясты, йе надъ чымъ працюваты, але йе й таке, зъ чого можна и радиты. Жыття не ципокъ, що взявъ ёго за одынъ кинець, та й другого рукою достанешъ.

— Що не ципокъ, то не ципокъ, але й не квитка!

— Зрозумило.

Мы замовклы.

Тымъ часомъ пидійшлы до балки. Зъ неи выбывався молодый лисокъ. Тамъ мы выглядилы соби лощынку, на витри, й розляглысь на свижій, ни кымъ не толоченій трави. Тутъ траплялось лыстя полуныци, але ягидъ не було. Мы лежалы въ холодку, пидъ молодымъ, по весни нидчыщенымъ дубкомъ. Внызу, въ балци, зъ-за деревъ выднився дымарь водокачкы и чорный вугильный дымъ розносывся геть въ гарячому повитри. Ставу не було выдно. Винъ бувъ такый малый, хочъ и глыбокый, що весь ховався въ своихъ крутыхъ берегахъ. Було душно й млосно. Схыляло до сну. Мы довго лежалы мовчкы. Дiанка прылягла биля насъ и, вывалывшы свого довгого, рожевого языка, дыхала моторно й одноманитно, якъ машына. Слына у неи текла зъ рота на траву. Вона то заплющувала очи, то росплющувала и часомъ несподиванно клацала зубамы, ловлячы уйидлывыхъ мухъ. Я лежавъ и думавъ. Про що думавъ—не знаю. Але здавалось, що я думавъ про Донченка: на чимъ скинчыть винъ, куды прыведе ёго доля?..

Розмова якось не складалась. Мы булы мало знаёми й дуже мало було у насъ спильного. А зъ другого боку—пивденна спека убывала всяке бажання про що-небудь думаты, окримъ спокою та холодку. Хотилося лягты на спыну, заплющыты очи й лежаты такъ довго-довго... Хотилося пыты...

— Знаете що,—чы вы думалы колы, або може чулы де, чы бачылы: що бувае зъ тымы, що выходять замижъ за неривень, або женятся зъ неривнямы?—промовывъ писля мовчанкы Донченко.

— А що жъ бува?.. Одни неривни бувають щаслыви, а други й нещасни. Тутъ багато залежыть видъ того, хто зъ кымъ женыться и чого воны вымагають видъ шлюбу? Гёте, здается, одружывся трохы чы не зъ своею служныцею. Гёте—геній, а й жывъ соби и може не жалкувавъ. Бо винъ одъ шлюбу, може, ничого й не бажавъ, якъ щобъ тилькы покрыты грихъ, або щобъ жинка на старисти ёго доглядала. Не знаю, чого винъ бажавъ, але винъ бачывъ що бравъ, и все такы взявъ.

— Гарного мало,—видповивъ замыслено Донченко, грызучы зубамы стеблыну перію.

— Хто каже, що багато?.. А буду я шукаты въ жинци чого другого, то й женюсь инакше.

— Такъ.

Мы зновъ замовклы. Мени здавалось, що винъ не дарма звивъ розмову на се. Мене забирала цикависть, але ніяково було роспытуватысь у ёго.

Полежалы мы ще де-який часъ, миняючысь незначнымы словамы и потимъ повернулысь до станціи. Де-яки пасажыры спалы. Въ вокзали дуже було накурено, и я выйшовъ зновъ надвиръ, у садокъ, що бувъ биля станціи. Тамъ я й дожыдався пойизду.

IV.

Нарешти винъ прыбувъ, и мы пойихалы дали. Донченко сивъ у той же вагонъ, що й я, але въ другій половыни. Діанка була зъ нымъ у вагони. Публика ничого не мала проты неи, а кондукторамъ Донченко давъ якусь дещыцю, и воны тежъ не турбувалы ій.

Видъ самои станціи зновъ почынався той степъ, те «чысте поле», де на велыкому протязи не зустринешъ а ни кущыку, ни балкы. Спека почала спадаты. Мы йихалы по прямій, якъ струна, дорози. Въ видчынени викна залитавъ дымъ й пылъ и заставлявъ насуплюватысь и безъ того похмурыхъ моихъ сусидъ. Я взявся чытаты якусь книгу. Станція мынала за станціею. Дорога зъ степу повернула на пивничъ и пишла помижъ першымы узгирьямы Донецького кряжу.

Сонце стало сидать, и зъ нызыны, по якій мы теперъ йихалы и де протикала якась невелычка теперъ степова ричка, стало подыхаты прохолодою. Пасажыры дывылысь у викна и перемовлялысь мижъ себе поодынокымы словамы. Пойиздъ пидходывъ до станціи зъ буфетомъ.

— Тутъ есть буфетъ?—спытавъ, пидвывшысь, мій сонный сусида, селянськый крамарь.

— Есть.

— Треба бъ чаю выпыты, або-що.

— Можна.

Мы выйшлы. На платформи стоявъ товстый, нерухомый, якъ камьяна баба, заспаный пидстаркуватый начальныкъ станціи. Продавала насиння якась баба. Биля дзвоныка стоявъ прислужныкъ. Бильше не було никого. Пасажыры товпылысь у станцію. Донченко уже бувъ тамъ. Винъ стоячы пывъ гарячый чай, зневажлыво поглядаючы навколо себе. Дiанка нышпорыла по зали. Не встыглы мы выпыты по другій склянци гарячого чаю, якъ ударылы въ дзвоныка и треба було бигты до вагона.

Згодомъ пойиздъ рушывъ.

Дорога пишла по пидгиркахъ. Сталы траплятысь руди скели, розрыти й розирвани, щобъ даты мисце дорози. Пойиздъ разъ и вдруге зъ свыстомъ влетивъ въ таки щилыны, и въ вагонахъ на якый часъ темнило. Я выйшовъ зъ вагону на кганокъ. Нашъ вагонъ бувъ самый задній. На останнёму кганку було чымало народу. Вси дывылысь назадъ, на насыпъ. Тамъ, за пойиздомъ, выбываючысь зъ мочи, высунувшы языка, бигла якась собака.

То була Дiанка.

Пойиздъ йшовъ на гору не дуже скоро, и такъ винъ йшовъ видъ самои станціи. Бидна Дiанка уже гналась верствы тры. Якъ казалы люде,—вона зосталась на станціи й не попала на пойиздъ, але якъ тилькы пойиздъ рушывъ, и вона подалась за имъ.

На повороти пойиздъ пишовъ ще тыхше. Дiанка зовсимъ наздогнала ёго й бигла биля самого кганку вагону, навить попережаючы вагонъ. Кондукторъ, прысадкуватый, зъ чорною шырокою бородою и зъ червонымъ, обсмаженымъ витромъ и спекою облыччямъ чоловикъ, звисывся зъ вагону и хотивъ було ухопыты ии за ошыйныка. Але вона ухылылася знидъ рукы и, трохы одставшы, зновъ стала бигты за вагономъ. Выдно вже було, що сылы скоро покынуть ии. Пасажыры манылы ии блыжче, але вона не наблыжалась. Перескочыла зъ середыны дорогы на бикъ и почала, було, бигты по-надъ рельсамы, но стежци, протоптаній подорожнимы. Але стежка мисцямы була закыдана писля ремонту дрибнымы каминцямы, и воны былы лапы бидній Дiанци.

Выбравшысь на гору, пойиздъ побигъ скорише. Дїанка зновъ зискочыла на насыпъ межъ рельсивъ и надолужала усіеи сылы, щобъ не видстаты видъ насъ. Налетивъ витрець, пиднявъ, було, за пойиздомъ куряву и на хвылыну закрывъ одъ насъ собаку. Але пойиздъ зновъ узявъ управоручъ, потимъ ливоручъ и почавъ зновъ пидниматысь вгору. Дїанка зновъ наздогнала насъ.

Бидна собака ледви дыхала. Бокы у неи позападалы, жывитъ пидтягся, очи дывылысь пидъ колеса, мовъ нежыви. Всимъ було шкода іи. Коженъ радывъ, щобъ таке зробыты, щобъ узяты іи на пойиздъ. Кондукторъ зновъ звисывсь зъ вагону и ледви-ледви й самъ не упавъ на рельсы, але собака не йшла до ёго. Вона уперто бигла за намы, тупо дывлячысь посоловилымы очима пидъ колеса.

V.

— Ежели-бъ хозяинъ кликнулъ ее,—сказавъ якыйсь москаль що стоявъ тежъ у гурти.—Собака, извѣстно, дура: пропадеть, а чужому въ руки не дастся.

— Славна собака!—промовывъ кондукторъ, не одрываючы очей видъ неи.

— Колы-бъ справди выйшовъ хазяинъ,—може бъ вона далась бы ухыпыты себе за опыйныка, або хочъ за вуха,—казавъ пидстаркуватый шахтарь.

— Не выйде. Сыдыть тамъ, чытае газету...

— Пропаде,—запалыться,—зновъ мовъ самъ до себе промовляе шахтарь.

— Звистно, пропаде!..

— А скажить на мылость,—отъ вже верстовъ пьять, колы не бильше бижыть. Тутъ пролётъ девьять верстъ. Онъ уже й станцію выдно!—сказавъ ще хтось зъ гурту.

Справди, не дуже далеко выднилася станція.

Пойиздъ вже давно йшовъ по ривному, обмынаючы по кряжу лощыну. Сонце сидало теперъ за насыпомъ, що мы тамъ тилькы

що пройихалы, и тамъ далеко вже, на повороти дорогы, бигла Діанка. Ии постать выразно вымалёвувалась въ сяеви заходу сонця. Вона вже ледви бигла. Але наши очи мымохить стежылы за нею. Всимъ було шкода ии.

Ахъ, поганци!..—скрыкнувъ кондукторъ.

То Діанци було загородылы ломамы дорогу робочи, що пидправлялы насыпъ. Выдно було, якъ вона проскочыла прозъ ихъ и такы не кыдала бигты, хочъ здалека, за пойиздомъ. Одынъ зъ робочыхъ, мабуть молодый, було погнався за нею, схопывъ грудку, чы каминюку, й шпурнувъ у неи. Вона поточылась, але все-такы не кыдала бигты. Тилькы вона все бильшъ и бильшъ одставала видъ насъ. Де-яки пасажыры увійшлы въ вагонъ. Я все ще стоявъ на кганку.

— Упала!—крыкнувъ хтось.

— Упала!—гукнулы зъ виконъ попереднихъ вагонивъ.

И тамъ дывылысь на Діанку.

— Ни, бижыть!..—почулось зновъ.

— Бижыть!., бижыть!..—пидхопыло килькы голосивъ.

— Бижыть!..

Мынуло ще трохы годыны и кондукторъ, що все не одводывъ очей одъ Діанкы, махнувъ рукою и, насупывшы бровы, промовывъ досадою:

— Пропаде собака... Чыя вона?..

Нихто не одповивъ ёму, вси стежылы за Діанкою. Я оглянувся: Донченка не було мижъ намы.

— Зновъ упала,—промовывъ хтось тымъ часомъ.

— Теперь мабуть не встане вже,—сказавъ пидстаркуватый шахтарь, прыщулюючы очи й прыдывляючысь въ далечинь.

— Не выдно.

— Докы жъ ій и бигты?...

— Та хто жъ ии хазяинъ?

— А онъ тамъ сыдыть у вагони, цыгарку куре!—сказавъ старый селянынъ.

— Добрый!

— Собака!..— одирвавъ сердыто кондукторъ и почавъ гальмуваты вагона.

Подалы свыстка на паровози. Загувъ десь недалеко ригъ стрилочныка. Замелькалы по бокахъ червони зайви товарни вагоны—и мы пидійшлы до велыкои станціи. Я увійшовъ у вагонъ и въ другій ёго половыни побачывъ Донченка. Старый сказавъ правду: винъ сыдивъ и, курячы, чытавъ газету. Я подывывся на ёго. Винъ, здавалось, бувъ зовсимъ спокійный, наче ничого й не чувъ про Діанку. Але спокій ёго бувъ робленый,—винъ почувавъ себе героемъ хвылыны...

— А Діанка ваша пропала,— сказавъ я.

— Не вскочыла, проклята, на станціи въ вагонъ. Ну, и нехай пропада!.. А оттутъ... вы чыталы?..

И винъ показавъ мени въ газети мисце, де велыкый критыкъ и публицыстъ газеты «Нови Брехни» мишавъ зъ багномъ те жъ велыкого крытыка и публицыста газеты «Стари Брехни зъ додаткамы».

— Правда, здорово?..—пытався винъ.

Я не видповивъ ёму ничого.

Мени гыдко було дывытысь на ёго. Въ мене передъ очыма ще стояла постать бидной Діанкы, якъ вона, выбываючысь зъ сылы, бигла пры заходи сонця тамъ далеко-далеко по насыпови за своимъ холоднымъ самолюбомъ, хазяиномъ...

Пойиздъ прыпынывся, и я выйшовъ зъ вагону, щобъ пересисты въ другый пойиздъ.

Донченка я бильшъ не бачывъ. Чувъ я, що винъ таки одружывся зъ якоюсь дивчыною-селянкою, и що вона скоро жъ збожеволила. Я згадавъ тоди бидну Діанку. И та безталанна дивоча душа, такъ якъ и Діанка, тяглась мабуть до ёго, и та дивчына цилувала ёму рукы й загынула видъ ёго холодного, жорстокого серця...

А чы счаслывый винъ самъ?..

М. Чернявській.

Въ поискахъ новой красоты.[1]

(Замѣтки читателя).

V.

«Новыя времена—новыя птицы, новыя птицы—новыя пѣсни», говоритъ пословица, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что новыя птицы поютъ новыя пѣсни: на то вѣдь онѣ и дѣтища своего времени, хорошаго или дурного—это другой вопросъ, чтобы въ своихъ пѣснопѣніяхъ отражать его особенности; онѣ до нѣкоторой степени продуктъ его вліянія, и если это вліяніе на нихъ сказывается съ особенной силой, то это можно понять и объяснить, а потому, повторяемъ, удивленію здѣсь нѣтъ мѣста. Но вотъ что уже въ самомъ дѣлѣ удивительно: среди стройнаго или нестройнаго, какъ кому угодно, хора новыхъ птицъ, распѣвающихъ новыя пѣсни, вдругъ неожиданно появится извѣстная намъ хорошо, несомнѣнно старая птица, въ силу какихъ то невѣдомыхъ причинъ присоединившая и свой голосъ къ хору новыхъ пѣвцовъ и изо всѣхъ силъ старающаяся выдѣлывать плохо знакомыя и совсѣмъ къ ней не идущія рулады, какъ бы стремясь перекричать заправскихъ новыхъ птицъ. Ей, этой старой птицѣ, можно съ большимъ основаніемъ задать вопросъ: «да какъ то ты сюда попала, въ такую неподходящую компанію? Что ты Гекубѣ и что тебѣ Гекуба»? Не знаемъ, что на этотъ вопросъ отвѣтитъ наша гипотетическая старая птица,—можетъ быть, она,

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 11.

подобно пойманной мужикомъ вмѣстѣ съ воробьями овсянкѣ въ извѣстной баснѣ, скажетъ: «я съ ними только лишь летала, а право, твоего гороха не клевала», а можетъ быть и болѣе сурово отвѣтитъ, сознавая свою правоту,—«какое, молъ, вамъ дѣло: гдѣ желаю, тамъ и летаю; что хочу, то и пою». Но, во всякомъ случаю, какой бы отвѣтъ ни получился, онъ все-таки вполнѣ не разъяснитъ вопроса и читатель вправѣ недоумѣвать и удивляться.

Если г-жа Кобылянская уже по самымъ свойствамъ своей творческой организаціи есть птица въ нѣкоторомъ родѣ новая, какъ бы провиденціально предназначенная для исполненія новыхъ пѣсенъ, то г-жа Кобрынская, наоборотъ—несомнѣнно принадлежитъ къ старымъ пѣвцамъ, т. е. вѣрнѣе будетъ сказать—принадлежала, ибо въ настоящее время она, совершенно неожиданно для многихъ своихъ почитателей, очутилась среди искателей новой красоты, гдѣ, повидимому, заняла твердую и опредѣленную позицію. Ничто въ прежней почтенной дѣятельности этой извѣстной въ Галичинѣ писательницы и поборницы женскаго движенія не давало повода ожидать, что авторъ «Виборця» и другихъ хорошихъ вещей когда-нибудь соблазнится новыми пѣснями. Мысль г-жи Кобрынской всегда отличалась трезвымъ характеромъ и обращена была на земные вопросы и явленія, которыя писательница и освѣщала съ своей точки зрѣнія—правдиво и художественно; даже самая манера ея произведеній, стиль ея были отмѣчены солидностью, положительностью и даже нѣкоторой, можно сказать, строгостью. А между тѣмъ, какой-то переворотъ—и почтенная писательница очутилась вдругъ въ рядахъ служителей новой красоты и посильно старается и своего меду каплю вложить въ ту путанницу мыслей и яко-бы художественныхъ усилій объять необъятное, примѣры которой представлены нами выше. Силенъ, видно, искуситель, если и такихъ положительныхъ людей уловляетъ въ свои сѣти, сотканныя изъ новой красоты!

Г-жа Кобрынская, на литературное поприще выступившая въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, сразу завоевала себѣ извѣстность и популярность среди прогрессивной части галицко-украинскаго общества своими разсказами на замѣтно пробивающейся

соціальной подкладкѣ. Такія произведенія, какъ «Дух часу», «За-для кусника хліба», «Ядзя і Катруся» и особенно «Виборець», будучи отмѣчены печатью несомнѣннаго художественнаго дарованія, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большое общественное значеніе. Они служатъ яркими и живыми документами общественной борьбы и того перелома въ жизни галицкаго общества, который наступилъ лишь въ послѣднее время и властно пріобщилъ эту сильно поотставшую было страну къ обще-европейской культурѣ. Писательница на первыхъ порахъ своей литературно-общественной дѣятельности интересовалась почти исключительно или проявленіями упомянутой борьбы и того подъема общественныхъ силъ, который она производитъ даже среди темныхъ, инертныхъ людей («Виборець»); или разладомъ между традиціонными, устарѣвшими понятіями и новыми прогрессивными теченіями («Дух часу», «За-для кусника хліба»); или же, наконецъ, послѣдствіями неравенства въ общественномъ положеніи, особенно сильно сказывающагося въ такихъ странахъ, какъ Галиція, гдѣ интеллигенція и народъ разъединены не только соціально-экономическими, но и національными отношеніями («Ядзя и Катруся»). Тѣмъ же направленіемъ отмѣчены и чисто публицистическія работы г-жи Кобрынской, особенно ея статьи, посвященныя женскому движенію, и въ этомъ заключается крупная заслуга нашей писательницы, всегда на первый планъ выдвигавшей начала свободы и разума. Но, какъ замѣчаетъ авторъ одной изъ статей, посвященныхъ характеристикѣ дѣятельности почтенной писательницы,— «1892—3 р.р. принесли перелом у белетристичній творчости п. Кобринськоі; ії починають меньше інтересувати теми суспильного житя, натомись притягає до себе сфера фантазиі та тих невиразних душевних почувань, що з'являються у чоловіка на границі житя реального, сензуального і сьвіта віри й фантазиі» (М. Грушевскій—«Наталя Кобриньска», Л.-Н. Вістник, 1900, кн. I, стр. 15 – 16). Причинъ этого перелома мы не знаемъ,— кроются ли онѣ въ обстоятельствахъ личной жизни писательницы, или обусловлены какими-либо перемѣнами общественнаго характера—дѣло темное;—но фактъ на лицо: какой-то переломъ

въ указанное время дѣйствительно совершился и обнаружилъ себя сперва попытками разработки въ ультра-мистическомъ направленіи народныхъ сказочныхъ сюжетовъ, привлекшихъ вниманіе г-жи Кобрынской, по ея собственному признанію, смѣшеніемъ реальнаго и фантастическаго, Wahrheit und Dichtung въ полномъ значеніи этихъ словъ. А затѣмъ, разъ соблазнившись, г-жа Кобрынская пошла по покатой дорожкѣ мистицизма и въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ по части смѣшенія реальнаго и фантастическаго потеряла уже всякую мѣру и незамѣтно переступила ту границу, за которой начинается что-то уже совсѣмъ непостижимое и сверх-чувственное. Принимая за образецъ народныя сказки съ ихъ смѣшеніемъ фантастики и реальной жизни, писательница упустила изъ виду одно чрезвычайно важное и существенное обстоятельство, придающее произведеніямъ народнаго творчесва особую цѣнность и характеръ униковъ въ своемъ родѣ. Упомянутое смѣшеніе тамъ происходитъ до извѣстной степени въ силу необходимости; оно, съ точки зрѣнія творца сказокъ, является дѣломъ вполнѣ естественнымъ и послѣдовательнымъ, а потому и служитъ лишь глубоко искреннимъ отраженіемъ народной психики, народныхъ взглядовъ и вѣрованій. Безыменный творецъ, имя которому—народъ, съ одинаковою искренностью и серьезностью относится и къ реальнымъ и къ фантастическимъ подробностямъ въ сказкахъ, не отдѣляя однихъ отъ другихъ, не проводя между ними рѣзкой разграничительной черты,—такъ какъ и тѣ, и другія мирно уживаются рядомъ и въ его представленіяхъ. И фантастическое, и реальное для него одинаково существуютъ, одинаково правдивы и потому эта, если такъ можно выразиться, фантастическая правда въ народномъ міровоззрѣніи ничѣмъ существенно не отличается отъ правды реальной и не производитъ впечатлѣнія рѣжущаго ухо диссонанса. Встрѣчаясь съ неизвѣстнымъ или непонятнымъ явленіемъ и не зная причинъ его, примитивный умъ, слѣдуя обычному свойству человѣческаго разума—идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, ищетъ объясненія послѣднему въ зависимости отъ извѣстныхъ и понятныхъ явленій и переноситъ въ область неизвѣст-

наго совершенно реальныя черты, заполняя недостающее произведеніями собственной фантазіи. Отсюда и происходитъ, какъ совершенно вѣрно подмѣтила г-жа Кобрынская, «що сама основа (сказки) фантастична, а всі описи, характеристика людей вражають реалізмом, часом противно» (ibid),—и это вполнѣ понятно, такъ какъ сверхъестественное «в уяві простолюдина нерозлучно вяже ся з сьвітом реальним». Но подмѣтивъ вѣрно фактъ народнаго творчества, г-жа Кобрынская дѣлаетъ сугубую ошибку тѣмъ, что пытается примѣнить тѣ же пріемы къ своимъ собственнымъ произведеніямъ, заимствуя не только форму, но и сущность міровоззрѣнія, выражаемаго въ произведеніяхъ народнаго творчества. Вполнѣ понятно почему ничѣмъ другимъ, кромѣ неудачи и не могла окончиться эта странная затѣя,—вѣдь человѣку иного склада понятій, иного образа мыслей невозможно проникнуться народными воззрѣніями до потери своей индивидуальности. Наивной вѣры въ таинственный сказочный міръ, простоты, искренности и цѣлостности, спаивающихъ реальное и фантастическое въ произведеніяхъ народнаго творчества въ одно стройное цѣлое и придающимъ имъ такую прелесть, нечего искать въ подражательныхъ произведеніяхъ того типа, о которомъ у насъ идетъ сейчасъ рѣчь, т. е., заимствующихъ у народа не только форму, но и сущность его воззрѣній. Въ нихъ всегда сказывается интеллигентъ, со скептической улыбкой разсказывающій о томъ, чему въ сущности самъ плохо вѣритъ и ужъ вовсе, конечно, не придаетъ того значенія, какое ему приписывается народнымъ творчествомъ. При чтеніи такихъ произведеній прежде всего бросается въ глаза ихъ ходульность, фальшь и неестественность, подобно чужому платью, которое не по плечу приходится его временному и, можетъ быть, случайному владѣльцу; фантастическое и реальное въ нихъ не связано органически, а положено полосами, свободно отдѣляющимися одна отъ другой при самомъ слабомъ прикосновеніи критики. Такимъ именно характеромъ и отличается большинство произведеній г-жи Кобрынской, появившихся въ послѣднее время, при чемъ неудачное подражаніе народному творчеству осложняется здѣсь еще спеціально символистическими надстройками.

Изобразить сообразно съ народными воззрѣніями послѣдствія пустого кокетства и безпредметнаго заигрыванья на любовной почвѣ—такова задача одного изъ очерковъ г-жи Кобрынской «Рожа» (Л.-Н. Вѣстникъ, 1899, VII), который мы возьмемъ въ качествѣ образца подобнаго рода творчества. Канва очерка вполнѣ реальна, но на этой канвѣ писательница расшиваетъ такіе странные узоры, которые мало того что возбуждаютъ огромный знакъ вопроса своимъ невозможнымъ видомъ, но уничтожаютъ совершенно и всякій смыслъ реальной подкладки. Жила-была, видите ли, «дивчина» Марина, отличавшаяся крайнимъ непостоянствомъ въ своихъ сердечныхъ привязанностяхъ и заигрывавшая то съ однимъ, то съ другимъ «парубком». Въ отместку ей отвергнутые поклонники сговариваются не обращать на нее никакого вниманія и даже совсѣмъ не замѣчать ея присутствія, что съ успѣхомъ и продѣлываютъ на «вечерницях». До сихъ поръ все идетъ вполнѣ естественнымъ порядкомъ, какъ тому и быть надлежало, но затѣмъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начинаются символистическіе узоры, съ предыдущимъ ничѣмъ не связанные. Марина неожиданно для себя и еще больше, конечно, для читателя замѣчаетъ вдругъ рядомъ съ собой «гарнаго панича», разговариваетъ съ нимъ на удивленье присутствующимъ, которые никого не видятъ, и уже, благодаря своей вѣтренности, склонна принять его ухаживанья. Совсѣмъ ужъ дѣло налаживалось, но случилось маленькое обстоятельство, разстроившее все: поднимая съ земли упавшее веретено, Марина съ ужасомъ замѣчаетъ у «панича»... конскія копыта!... Молодой человѣкъ недурной наружности и чуть ли не въ партикулярномъ платьѣ оказывается самимъ настоящимъ, съ позволенія сказать, чортомъ, которому крѣпко засѣла въ голову соблазнительная мысль овладѣть капризной дѣвушкой. Сдѣлавъ такое открытіе, Марина, какъ можно догадываться, осталась недовольна своимъ кавалеромъ и со страха убѣгаетъ куда глаза глядятъ; чортъ за ней съ «раздирающим вуха свистом:—чому, чому не хочеш мене»? Бѣшеная погоня, само собой разумѣется, продолжалась до тѣхъ поръ, пока не запѣлъ пѣтухъ, послѣ чего «скажений регіт замер на устах

чорта, він захитав ся і розільляв ся смердячею мазею, а труп упав у ту мазь надписованим своїм тілом» (стр. 15). Затѣмъ слѣдуетъ искупленіе отъ совершеннаго дѣвушкой грѣха: она превращается въ кустъ розы... Всѣ подробности этой странной исторіи, совершенно не поддающіяся пересказу, настолько безсвязны и такъ отдаютъ мистицизмомъ дурного тона, господствующимъ въ изданіяхъ московскихъ лубочниковъ, что читатель только плечами въ недоумѣніи пожимаетъ—къ чему все это разсказано и что, въ концѣ концовъ, сей сонъ значитъ? Превращеніе дѣвушки въ кустъ розы, авторомъ изъясняемое (см. Л.-Н. Вѣстникъ, 1900, кн. I, стр. 16) «какъ актъ, высшої загальної любови», рѣшительно ничѣмъ не подтверждаетъ такого объясненія и въ очеркѣ стоитъ одиноко, не будучи хоть какой-нибудь черточкой связано съ остальными подробностями; идеи, о которой мы знаемъ лишь изъ комментаріевъ самой г-жи Кобрынской, не находимъ и слѣда, благодаря мистическимъ и символическимъ аксессуарамъ, въ такомъ чрезмѣрномъ изобиліи украшающимъ данное произведеніе, что оно въ силу этого остается загадкой, рѣшительно не поддающейся сколько-нибудь удовлетворительному рѣшенію. Просто не вѣрится, чтобы это сонное, безжизненное, лишенное всякаго смысла и значенія произведеніе вышло изъ-подъ того же самаго пера, которое раньше создало «Виборця»...

Въ такомъ же родѣ и всѣ остальныя символистическія произведенія г-жи Кобрынской,—всѣ они крайне неясны, аляповаты; реальное и фантастическое въ нихъ ничѣмъ не связано, а приклеено одно къ другому чисто механическимъ способомъ; идея, вложенная въ нихъ писательницей, даже и послѣ авторскихъ комментаріевъ остается въ скрытомъ состояніи. Говоря вообще, подобныя произведенія не только не выражаютъ того, что хотѣлъ сказать ими авторъ, а лишь, подчеркивая свою собственную пустоту и ненужность, показываютъ, какая опасность даже для сильнаго и испытаннаго таланта кроется въ стремленіяхъ во что бы то ни стало проникнуть въ заповѣдную область «з того сьвіта уяви», какъ характеризуетъ свои произведенія послѣдняго періода г-жа Кобрынская.

Сказаннымъ можно ограничиться по отношенію не къ одной лишь г-жѣ Кобрынской, а и къ нѣкоторымъ другимъ писателямъ, напр. г.г. Стефаныку и Яцкову, также предпринимающимъ изрѣдка сомнительной цѣнности экскурсіи въ ту же область не отъ міра сего. Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на символистическихъ опытахъ названныхъ сейчасъ писателей, такъ какъ очеркъ нашъ, съ одной стороны, и безъ того вышелъ за предѣлы намѣченныхъ рамокъ, а съ другой—произведенія эти покамѣстъ еще очень немногочисленны, да и не представляютъ чего-либо особо интереснаго по сравненію съ подробно разсмотрѣнными выше. Мы упомянемъ только, да и то уже въ качествѣ лишь изъ ряда вонъ выходящаго курьеза, объ одномъ чрезвычайно удивительномъ произведеніи, кажется, начинающей писательницы, г-жи Гриневичевой, представляющемъ ту особенность, что туманный символизмъ доведенъ въ немъ до крайнихъ предѣловъ.

Нім сумерк мак ще кине на далечінь сю сину,—

такъ начинаетъ свое «стихотвореніе» г-жа Гриневичева,—

І міць мою розщипле в неумолимій дрожі,
Мов порохно безлйсте,
Підношу чоло з пилу і в ясність твою лину,
Мов псальм текучий слізми, що стоіть на сторожі
Усіх руін, о Христе!

Далѣе г-жа Гриневичева сообщаетъ, что *въ глазахъ левкоевъ* (слушайте, слушайте!) «блиск займаесь від близьких лун заходу» и что «блиск» этотъ ни болѣе ни менѣе какъ—«хитрий»; что «з піль тягнуть аж до мене зітхання сонні твоі»—неизвѣстно чьи; что «вечірній холод з трудом волочить довгі»—ноги, вы бы думали—нѣтъ: «дими», а испуганная такимъ дѣйствительно неслыханнымъ происшествіемъ земля «ворушить лячно левадами зільними». Далѣе «поэтесса» обращается къ кому-то съ такими, уже совершенно неудобочтомыми словесами:

Кладеш спокійні пальці на жар моеі скрані
І усьміхом цілуеш уста моі болючі

Від предовгої спеки—
Аж викарбутить місяць з небесної отхлані
Стать свою струпішілу і бліді кине лучі
На образ сей далекий...

Не знаемъ, какъ приведенные отрывки покажутся читателю, а мы совершенно серьезно полагаемъ, что можно было бы объявить премію за разгадку этого яко бы стихотворнаго ребуса, который называется «Візия стрічі» (Л.-Н. Вістник, 1902, VI). Впрочемъ, произведенія, подобныя вышедшему изъ-подъ пера г-жи Гриневичевой, имѣютъ одно несомнѣнное и неоспоримое достоинство: ихъ можно читать какъ угодно: съ начала, съ конца, съ средины, снизу вверхъ, справа налѣво; можно озаглавить «Візия стрічи» и «Стріча візиі», а то и совсѣмъ безъ заглавія оставить,—ничего отъ этого не измѣнится: получится то же самое пустое мѣсто, наборъ словъ безъ всякаго смысла, достойный занять почетное мѣсто на страницахъ какого-нибудь юмористическаго изданія. Смущаетъ насъ въ данномъ случаѣ лишь одно обстоятельство,—это позиція, занятая въ отношеніи подобнаго сорта произведеній «Л.-Н. Вістником», который очевидно, къ юмористическимъ изданіямъ не принадлежитъ и въ цѣли котораго, вѣроятно, не входитъ—приводить въ веселое настроеніе своихъ читателей. Какъ вещи, подобныя этой «Візиі», попадаютъ на страницы почтеннаго журнала—это, признаемся, настоящая загадка, не разрѣшаемая содержаніемъ, въ общемъ все-таки достаточно серьезнаго и по направленію симпатичнаго изданія. Всякій авторъ воленъ, разумѣется, писать, что и какъ ему угодно, но появленіе всевозможныхъ «пустыхъ мѣстъ» на страницахъ серьезнаго и уважающаго себя органа не можетъ быть оправдано даже и тѣмъ, что его «редакция не вяжучися ніякою доктриною, ані теоретичною формулою, допускає до голосу всі напрямки», какъ значится въ послѣднее время въ проспектахъ «Вістника». Вѣдь отсюда недалеко и до полной безпринципности, которую при желаніи также можно оправдывать безпристрастіемъ и желаніемъ предоставить голосъ каждому направленію [1]).

[1]) Въ XI книжкѣ „Л.-Н. Вістника“ опять находимъ „нарис“ г-жи Гриневичевой «Вікна», а въ этихъ „Вікнах“—такіе безподобные

VI.

Читатель, можетъ быть, обратилъ уже вниманіе, что символизмъ на украинской почвѣ пошелъ по двумъ направленіямъ, связаннымъ между собой общей исходной точкой и общимъ міровоззрѣніемъ, но практически обнаруживающимся различно. Одно, къ выразителямъ котораго можно причислить г-жу Кобылянскую и г. Хоткевича, не чуждо общественныхъ интересовъ и вопросовъ, постановку и разрѣшеніе которыхъ названными писателями мы старались охарактеризировать на предыдущихъ страницахъ. Другое—по самыя уши ушло въ безпочвенный, туманный мистицизмъ преимущественно на личной почвѣ, замѣтно отстранившись отъ всякихъ общественныхъ вопросовъ и теченій. Съ послѣднимъ развѣтвленіемъ нашего символизма, какъ не имѣющимъ общественнаго характера, да и представленнымъ при томъ еще сравнительно незначительнымъ числомъ произведеній, намъ дѣлать больше нечего; вполнѣ достаточно отмѣтить его, предостерегая такихъ авторовъ, какъ г-жа Кобрынская, г.г. Стефаныкъ и Яцківъ, отъ того пути, который легко можетъ оказаться гибельнымъ для ихъ несомнѣннаго дарованія. Но съ первымъ развѣтвленіемъ еще не все покончено, такъ какъ оно имѣетъ свое естественное и необходимо вытекающее изъ предыдущихъ посылокъ продолженіе; даже въ нашей, сравнительно небогатой еще декадентскими произведеніями литературѣ, оно сказало уже свое послѣднее слово, къ которому мы сейчасъ и обратимся.

Произведенія г-жи Кобылянской и г. Хоткевича даютъ довольно опредѣленный матеріалъ, на основаніи котораго можно

перлы: *Упоєні дивом бодяки* сипали мягкі, рожеві пухи, рознімаючи крилате галузя рухом *сонним, як зітханє пільш.* Вовча ягода заходилась шкарлатним румянцем утіхи»... «Навіть ріка, *утасна в зеленій тьмі*, замкнула мову»... «Въ однім куті кімнати *молила захисту сутінь ночи.* Припадала до білої стіни і *опирала на ній рамена* тяжк з трівоги. *Стіна уминалась* під тім натиском і одним боком западалася в землю»... Г-жа Гриневичева, какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, дѣлаетъ замѣтные успѣхи.

построить схему постепеннаго развитія міросозерцанія того теченія, о которомъ у насъ сейчасъ рѣчь. Во главу угла его заложена красота,—конечно, красота въ нѣкоторомъ условномъ смыслѣ, а именно—новая, ибо какая же красота можетъ быть въ старомъ мірѣ, не обновленномъ пришествіемъ господъ символистовъ. Итакъ, вначалѣ бѣ красота, культъ которой и составляетъ главнѣйшее содержаніе произведеній названныхъ цисателей, а для ихъ героевъ служитъ высшимъ смысломъ и цѣлью жизни. Культъ красоты, развѣтвляясь по двумъ направленіямъ—въ сторону необыкновеннаго почтенія и преклоненія предъ великой и т. п. (эпитеты предоставляемъ воображенію читателя) природой и столь же необыкновеннаго презрѣнія къ мизерному и т. п. человѣку—находитъ свое наиболѣе естественное и яркое воплощеніе въ любви, въ культъ которой и превращается. Нужно замѣтить, что и г-жа Кобылянская, и г. Хоткевичъ на этомъ ставятъ точку: первая ограничивается, какъ, можетъ быть, помнитъ читатель, афоризмомъ: «штука—то великий чоловік, але я бо сказала, що любов більший»; г. Хоткевичъ, правда, голымъ афоризмомъ не удовлетворяется и онъ заставляетъ одного изъ своихъ героевъ «увесь змистъ самого себе» складывать у прелестныхъ ножекъ избранницы сердца. Тѣмъ не менѣе культъ любви у обоихъ представителей занимающаго насъ въ настоящее время направленія не достигъ своей вершины; они остановились, такъ сказать, на полдорогѣ, не посягнувъ сдѣлать изъ своихъ положеній надлежащихъ выводовъ. Выводы эти и вообще достойное завершеніе культа любви и предлагаютъ въ своихъ произведеніяхъ очень безстрашно самые молодые представители новой красоты, которые поэтому могутъ даже нѣсколько свысока смотрѣть на своихъ предшественниковъ, какъ писателей въ нѣкоторомъ отношеніи уже отсталыхъ и несовременныхъ. Дальнѣйшее развитіе символистической схемы и суть открытія, сдѣланнаго молодой генераціей, послѣднее, такъ сказать, слово нашего символизма состоитъ въ томъ, что культъ любви обращается въ культъ... голаго тѣла,—конечно, женскаго преимущественно, если не исключительно. Да это, если хотите, неминуемо и должно было случиться: если *весь* смыслъ

жизни полагать только въ красотѣ да въ половой любви, то рано или поздно эта красота и любовь необходимо упрутся въ одну точку—въ простую чувственность и самую обнаженную порнографію. Но пусть читатель соблаговолитъ припомнить отправный пунктъ символизма, какъ реакціи и протеста противъ крайностей натурализма, и полюбуется, если только вообще подобными мерзостями можно любоваться, какой поразительный оборотъ приняло дѣло: то, противъ чего между прочимъ протестовалъ символизмъ уже однимъ фактомъ своего зарожденія, т. е., безъидейная, безсмысленная обнаженность, обращается, въ концѣ концовъ, для него въ своего рода культъ, въ проявленіе хваленой новой красоты. Все совершилось, какъ по-писаному, какъ будто нарочно для того, чтобы оправдать знаменитую Гегелевскую формулу развитія: натурализмъ (тезисъ) отрицается символизмомъ (антитезисъ), затѣмъ присходитъ отрицаніе отрицанія (синтезисъ) и возвращеніе къ исходному пункту, т. е., въ данномъ случаѣ—къ тому же натурализму, осложненное вдобавокъ наслоеніями и пріобрѣтеніями, сдѣланными во время прохожденія указаннаго пути. Блестящими результатами такой метаморфозы могъ бы удовлетвориться самый завзятый гегеліанецъ. Правда, въ этомъ превращеніи символизма въ свою противоположность, не нашимъ символистамъ принадлежитъ пальма первенства,—она, по справедливости, давно уже предоставлена французскимъ и англійскимъ представителямъ этого направленія, что отмѣчено даже въ лѣтописяхъ уголовной хроники, повѣствующей о скандальныхъ похожденіяхъ нѣкоторыхъ изъ поклонниковъ новой красоты,—тѣмъ не менѣе и наша символистическая литература дала въ этомъ смыслѣ достаточно рельефные образцы. Это еще лишній разъ указываетъ на шаткость краеугольнаго камня, заложеннаго въ основу чисто эстетическихъ идей символизма, сотворившаго себѣ кумиръ изъ проявленія *одной* лишь стороны человѣческой природы и пренебрегшаго *цѣлымъ человѣкомъ*, со всѣми разнообразными свойствами и стремленіями его природы...

Въ 1899—1900 годахъ во Львовѣ издавалась подъ редакціей г.г. Крушельницкаго и Старосольскаго серія книжекъ, объеди-

ненныхъ однимъ направленіемъ и общимъ заглавіемъ—«Живі струни». Продолжаетъ ли выходить эта серія и въ настоящее время, намъ доподлинно неизвѣстно; полагаемъ, однако, что она канула уже въ Лету забвенія, такъ какъ вообще подобныя изданія появляются и исчезаютъ, какъ мыльные пузыри, не идя обыкновенно далѣе первыхъ выпусковъ; во всякомъ случаѣ мы уже около двухъ лѣтъ не встрѣчали въ украинской прессѣ даже намека на продолженіе этой серіи. Если наше предположеніе справедливо, то жалѣть о ранней кончинѣ «Живих струн» не приходится, и именно потому, что символизмъ здѣсь достигъ своей естественной вершины и, кромѣ оголенныхъ черезчуръ мерзостей въ буквальномъ смыслѣ слова, не давалъ уже рѣшительно ничего. Редакторы такъ изъясняли свои цѣли и направленіе изданія: «Мы задумали друкуваты у «Живих струнах» *найновійші* твори українськоі літератури, а крім сёго подавати нашій публіці переклады з *найновійших і найліпших* творів европейских літератур». Мысль, конечно, хорошая и ничего, кромѣ одобренія, она бы не заслуживала, если бы редакторы не поспѣшили сдѣлать оговорку, что не намѣрены ничѣмъ стѣсняться: «ані напрямом, ані змістом, ані формою», т. е, наиболѣе подходящимъ для себя направленіемъ считаютъ отсутствіе всякаго направленія. И, дѣйствительно, уже первымъ выпускомъ (намъ извѣстно пять) это было показано съ недопускающею никакихъ сомнѣній ясностью, а также и то, въ какомъ смыслѣ понимаются г.г. Крушельницкимъ и Старосольскимъ подчеркнутыя нами выраженія,—что́ что это за «найновійші і найліпші твори, которыми они вздумали просвѣщать нашу читающую публику. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ «Із циклю вігілій» Станислава Пшибышевскаго,—писателя, основной мотивъ міровозрѣнія котораго г. Дегенъ совершенно справедливо опредѣляетъ такъ: «половая дѣятельность въ его (Пшибышевскаго) представленіи есть причина, цѣль, содержаніе и смыслъ жизни. Все остальное только болѣе или менѣе случайная «надстройка» («Русское Богатство», 1902, IV, 131). Первымъ своимъ шагомъ издатели «Живих струн» доказали, что вполнѣ раздѣляютъ основную точку зрѣнія Пшибышевскаго и дальнѣйшіе выпуски пред-

ставляютъ только болѣе или менѣе аляповатые комментаріи къ рискованному положенію: «вначалѣ былъ полъ; ничего внѣ его,—все въ немъ». Собственно изъ оригинальныхъ произведеній состоятъ только два выпуска: одинъ содержитъразсказъ г. Авдыковича: «Нарис одної доби», другой—десятокъ разсказовъ г. Крушельницкаго подъ общимъ заглавіемъ «Пролетарі». Произведенія и того и другого автора переполнены самымъ грубымъ и откровеннымъ изображеніемъ проявленій половой чувственности, самыми грязными картинами вплоть до полового акта и противоестественныхъ пороковъ, а менѣе «пикантныя» подробности изображаются уже совсѣмъ неприкровенно. Сифилитики, проститутки, различныхъ видовъ соблазнители и соблазняемыя, подстрекатели, спеціалисты аборта—это «пролетарі» г.г. Крушельницкаго и Авдыковича; купля и продажа человѣческаго тѣла съ самыми разнообразными мотивами и побужденіями, отъ чувства голода и страсти до высшихъ идейныхъ порывовъ (да, г. Крушельницкій даже ихъ, эти высшія побужденія, не оставилъ въ покоѣ и постарался набросить свой грязный покровъ: нѣкая «агітаторка поступу і свободи жіноцтва», «загоріла соціялістка» цѣною своего тѣла спасаетъ газету «Поступ» отъ грозящаго ей запрещенія!)—таково основное содержаніе этой, съ позволенія сказать, «литературы»; подробностями, изъ которыхъ «обвислі груди» или «грубі лядкі» еще перлъ невинности и чистоты, буквально пестрятъ грязныя страницы. Читатель, конечно, уволитъ насъ отъ подробнаго разбора этихъ перловъ новой красоты, ничего кромѣ чисто скотского безобразія въ себѣ не заключающихъ и даже не представляющихъ интереса новизны, ибо подобные «сюжетцы» давно уже прельщали безобразниковъ разныхъ временъ и народовъ и разработаны въ болѣе или менѣе полномъ объемѣ. Но есть, кажется, одно существенное различіе между старыми и новыми безобразниками и при томъ не въ пользу послѣднихъ. Прежде на безобразія подобнаго рода такъ и смотрѣли, какъ на безобразія, называли ихъ порнографіею и по крайней мѣрѣ открыто ими не восхищались; да и сами безобразники въ глубинѣ души чувствовали свое безобразіе и не вытыкали своихъ мерзостей всенародно,—имѣлась, очевидно,

хоть капля стыда предъ неприкровенною обнаженностью. Нынѣ то же самое намъ подаютъ подъ соусомъ обновленнаго искусства, приправленное слишкомъ прозрачными именно только для данныхъ случаевъ символами, а то и вовсе безъ нихъ, но уже подъ пышнымъ названіемъ красоты, да еще и новой. Прежде обладатели картинъ съ рискованными сюжетами задергивали свои сокровища занавѣсками и только наединѣ или въ тщательно подобранной компаніи подобныхъ же любителей наслаждались ими; теперь ихъ выносятъ на улицы и торжища и назойливо предлагаютъ всѣмъ проходящимъ—смотри и любуйся! Но безобразіе отъ этого, разумѣется, не стало красотою и порнографія по-прежнему не имѣетъ ничего общаго съ искусствомъ; она была, есть и будетъ всего лишь порнографіей, отвратительнымъ наростомъ, руководствующимся исключительно лишь низменными побужденіями, хотя и прикрываемыми иногда фарисейскимъ бормотаньемъ на счетъ яко-бы обличительныхъ цѣлей, или же исключительно эстетическаго наслажденія красотою формъ человѣческаго тѣла. Но умыселъ тутъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ другой и истинные мотивы господъ порнографовъ ясны изъ ихъ пріемовъ: обличитель, если онъ не имѣетъ ничего «себѣ на умѣ», не станетъ тщательно выписывать отвратительно-грязныхъ подробностей, смакуя ихъ и на разные лады переворачивая; что же касается эстетическаго или иного какого-нибудь чистаго наслажденія красотою формъ, то этимъ опять таки лишь прикрываются на самомъ дѣлѣ очень нечистыя вожделѣнія. Можно, конечно, восторгаться красотою человѣческаго тѣла такъ, какъ восторгался, напр., Успенскій Венерой Милосской, но можно и такъ, что за человѣка стыдно станетъ. И это послѣднее въ милліонъ разъ вѣроятнѣе, потому что если люди, въ родѣ Успенскаго, не каждый день встрѣчаются, то саврасовъ и слюняевъ, видящихъ въ особѣ другого пола лишь средство удовлетворенія похоти и соотвѣтственнымъ образомъ и «восторгающихся»,—какъ песку въ морѣ. Искусство, разъ оно вступило на путь пропаганды грубой чувственности и поощренія низменныхъ инстинктовъ, не заслуживаетъ и названія искусства, какими-бы пышными именами себя не прикрывало:

оно само себя отрицаетъ и въ себѣ самомъ носитъ гниль и разложеніе, которыя не замедлятъ сказаться очень чувствительнымъ образомъ.

VII.

Пора однако кончить, но въ заключеніе еще позволимъ себѣ нѣсколько общихъ замѣчаній. Читатель вправѣ задать вопросъ, почему, однако, столь сомнительное въ художественномъ отношеніи и несомнѣнно уже отрицательное съ общественной точки зрѣнія направленіе имѣетъ въ настоящее время, повидимому, успѣхъ даже въ нашей литературѣ, не знавшей крайностей натурализма,—гдѣ, слѣдовательно, отпадаетъ законная почва и достаточное основаніе для возникновенія и развитія символизма? Какія причины заставляютъ ожидать отъ этого направленія даже «необычайнаго подъема художественнаго творчества», какъ это, молъ, было уже у другихъ народовъ? Положимъ, что оно, это направленіе, ни у какихъ «другихъ народовъ» и никакого подъема не произвело, и ссылка на нихъ мы не знаемъ какъ сюда попала; но тѣмъ болѣе, значитъ, возможенъ вопросъ, почему у насъ оно обнаружитъ себя съ новой стороны и внесетъ оживленіе и подъемъ въ нашу литературу? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нѣтъ надобности сводить всѣ причины успѣха декадентства ко всеобщему вырожденію и истеріи, какъ это дѣлаетъ Максъ Нордау; въ большинствѣ случаевъ дѣло обстоитъ не такъ страшно и ужъ навѣрное гораздо проще. Нужно прежде всего принять во вниманіе, съ одной стороны, ту общественную почву, на которую у насъ (да и не только, быть можетъ, у насъ) упали зерна декадентства, а съ другой—и читательской психологіей не пренебрегать.

Время, переживаемое нами,—странное, жестокое время. Вникая въ окружающую насъ жизнь, крайне запутанную, переплетенную по разнообразнымъ направленіямъ прямо противоположными вліяніями и стремленіями, мы видимъ бездну зла, основаннаго на нашихъ общественныхъ отношеніяхъ, имѣющаго свой корень въ соціальномъ устройствѣ современнаго общества. Личность че-

ловѣка, несмотря на то, что освобожденіе ея болѣе или менѣе шумно провозглашено много времени тому назадъ, стоитъ такъ же одиноко и безпомощно, какъ и много вѣковъ до нашего времени, такъ же задыхается подъ непосильнымъ бременемъ запутанныхъ общественныхъ отношеній и такъ же безсильна вырваться изъ плотно охватившихъ ее тисковъ современнаго соціальнаго и экономическаго уклада, многоразличными цѣпями опутавшаго ее, эту многострадальную личность, по всѣмъ направленіямъ. Это могла бы сдѣлать только коллективная сила, сложенная изъ усилій отдѣльныхъ личностей, но для такого сложенія силъ мы не только не имѣемъ наличности подходящихъ условій, но даже напротивъ—множество самыхъ разнообразныхъ причинъ способствуютъ лишь разъединенію и разобщенію отдѣльныхъ личностей. Что прикажете дѣлать наблюдателю предъ зрѣлищемъ зла, нужды и страданій, радикально излѣчить или хотя бы даже облегчить которыя онъ не имѣетъ возможности? Стоять молча, со скрещенными руками, въ наблюдательной позѣ и спокойно-безучастно ожидать, что будетъ? Но вѣдь это ужасно—видѣть всѣ страданія и не чувствовать себя въ состояніи противопоставить имъ отпорную силу! Лучше отвернуться отъ этого страшнаго зрѣлища бездонныхъ страданій, лучше усыпить свой умъ и чувство, закрыть глаза и уши на происходящее передъ нами, чтобы не видѣть и не слышать ничего. Разумъ человѣческій, еще недавній богъ, очевидно, обманулъ, обѣщая радикальное улучшеніе судьбы человѣчества—долой обманщика! Наука не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ—прочь обольстительницу! Современное положеніе безвыходно—въ сторону всѣ усилія, направленныя къ улучшенію его! И вотъ провозглашается безсиліе разума, банкротство науки, безполезность общественныхъ идеаловъ... Въ такое удобное время къ человѣку, пребывающему въ безвыходно-трагическомъ положеніи существа, не находящаго нигдѣ почвы подъ ногами и ищущаго лишь какого-нибудь гашиша, чтобы «забыться и заснуть»,—мягко подкрадывается вдругъ ученіе и вкрадчиво излагаетъ ему принципы новаго откровенія: все, что возмущаетъ душу, отъ чего ищешь забвенія—суета суетъ и пустяки, на которые не стоитъ

и вниманія обращать; всѣ эти корявыя, мозолями покрытыя руки, испитыя, изможденныя лица,—вся эта сѣрая, страждущая толпа—совершено не заслуживаетъ того, чтобы о ней заботиться. Это, молъ, низшія существа, провиденціальная роль которыхъ исчерпывается лишь тѣмъ, что они своими соками, своимъ потомъ и кровью должны доставить питаніе немногимъ избраннымъ, сверхчеловѣкамъ, «висшім істотам», которые въ это время будутъ доводить себя до возможнаго совершенства, отшлифовывать для самыхъ утонченныхъ потребностей, наслаждаться красотой и предаваться утѣхамъ любви... Вотъ это—соль земли, это—настоящіе люди, а поэтому «станьмо ними, учім другихъ ставати ними», какъ приглашаетъ г-жа Кобылянская, а затѣмъ пойдемъ своею дорогою любви и наслажденій и не будемъ-те никакого вниманія обращать на эту копошащуюся у насъ подъ ногами, корчащуюся отъ боли и страданій толпу, оборванную, грязную, съ грубыми неизящными руками. Природа, красота, любовь—вотъ главное, а люди—это отвратительное вмѣстилище всѣхъ золъ и пороковъ,—итакъ плюнь на нихъ и «лови, лови моментъ любви». Чтобы не показать этого возмутительнаго ученія во всей его неприглядной наготѣ, творцы его,—можетъ быть, совершенно безсознательно—окутываютъ его темными, неясными покровами символовъ, мистицизма, отвлеченной самодовлѣющей красоты и въ такомъ прикровенномъ и, такъ сказать, облагороженномъ видѣ и преподносятъ нашему извѣрившемуся во все и вся наблюдателю. Ничего нѣтъ удивительнаго, если онъ съ жадностью хватается за этотъ гашишъ,—да, здѣсь и только здѣсь источникъ жизни, а прочее все—пустяки, вниманія не стоющіе. Зерно падаетъ на достойную, готовую къ воспріятію, жаждущую гашиша почву и приноситъ обильные плоды. Измочаленные нервы современнаго человѣчества уже не удовлетворяются здоровой умственной пищей, основанной на жизненной правдѣ; они требуютъ острыхъ приправъ и прянностей—и вотъ появляется декадентская литература съ ея черезчуръ темными намеками на то, чего не вѣдаетъ никто, и опять таки черезчуръ откровенными изображеніями всѣмъ извѣстнаго скотства, а читатель... Теперь мы перейдемъ къ читателю, но для

уясненія читательской психологіи позволимъ привести одинъ фактъ изъ нашихъ личныхъ воспоминаній. Дѣло происходило въ одной изъ нашихъ семинарій. Былъ въ ней, какъ по штату полагается, преподаватель философіи, усвоившій очень оригинальный пріемъ для уясненія своимъ слушателямъ смысла и значенія философіи. На первый урокъ онъ являлся обыкновенно вооруженный какой-нибудь самой что ни на есть философской книжкой и, не говоря ни слова, раскрывалъ ее въ наиболѣе темномъ мѣстѣ и заставлялъ одного изъ учениковъ читать. Читаетъ тотъ о всевозможныхъ «трансцедентахъ», «субстанціяхъ», «вещахъ въ себѣ», о конечныхъ началахъ и начальныхъ концахъ и тому подобныхъ мудростяхъ, а учитель, поглаживая самодовольно бороду, съ самымъ серьезнымъ видомъ расхаживаетъ по классу. Наконецъ, убѣдившись, что эффектъ произведенъ достаточный, онъ прерываетъ чтеніе вопросомъ, обращеннымъ ко всему классу: «поняли что-нибудь, господа?» Разумѣется, ученики со стыдомъ и огорченіемъ должны сознаться: нѣтъ, молъ, не поняли.—«Вотъ это и есть философія!»—изрекаетъ самодовольно учитель. Можно, конечно, сказать, что нашъ доморощенный философъ былъ просто неумный человѣкъ, такъ какъ, желая наилучше отрекомендовать свою науку, превознести ее предъ своими слушателями и внушить къ ней почтеніе и уваженіе, онъ избиралъ столь нелѣпое средство, что достигалъ прямо противоположныхъ результатовъ. Въ самомъ дѣлѣ—къ чему усиливаться, чтобы уразумѣть какую-то непонятную штуку, хотя-бы она носила и громкое названіе философіи? Къ чему, далѣе, и эта громкая философія, если она не умѣетъ отвѣтить на интересующіе меня и мнѣ дорогіе жизненные вопросы и, обременяя лишь память какими-то непонятными обрывками возвышенныхъ мыслей, претендуетъ еще на высшее для меня значеніе? Такъ въ дѣйствительности и относилось большинство учениковъ къ остроумному методу нашего философа: уразумѣвъ изъ его таинственнаго поведенія, что философія его есть нѣчто во всякомъ случаѣ непостижимое, они такъ и не пытались ее постигнуть, а для разрѣшенія возникающихъ вопросовъ обращались къ другимъ, менѣе таинственнымъ источ-

никамъ. Но находилось и не мало такихъ,—и эти вотъ послѣдніе для меня теперь наиболѣе интересны,—на которыхъ вся эта таинственность производила сильное впечатлѣніе, которымъ она импонировала; въ умахъ ихъ философія навсегда окружалась ореоломъ недоступности и величія и, ничего въ ней не понимая, они тѣмъ не менѣе проникались глубокимъ уваженіемъ и почтеніемъ къ этому непонятному: еще бы—философія!.. Не думайте, что такое идолопоклонственное почтеніе къ непонятному и таинственному можетъ зарождаться только въ нѣкоторыхъ болѣе слабыхъ головахъ среди слушателей нашего философа: подобные и философы, и почитатели среди всѣхъ слоевъ такъ называемаго образованнаго общества не только не исключительное явленіе, но даже вовсе не рѣдкость. Вся бѣда нашего философа состояла въ томъ, что онъ дѣйствовалъ слишкомъ напрямикъ, съ излишнею и черезчуръ наивною откровенностью обнаруживалъ свои карты и потому успѣхъ его былъ незначителенъ; другіе философы въ томъ же родѣ дѣйствуютъ болѣе искуссно, а потому и результаты получаютъ, съ своей точки зрѣнія, болѣе плодотворные. Мы, обыкновенные читатели, вообще слишкомъ робкій и пугливый народъ и къ каждой печатной строкѣ, а тѣмъ болѣе уснащенной невѣдомыми, таинственными терминами, чувствуемъ большое почтеніе; сужденія свои о литературѣ выражаемъ большею частью въ краткомъ и неопредѣленномъ видѣ: X пишетъ хорошо, Z—хуже или лучше, а въ пространныя разъясненія обыкновенно не вдаемся, подобно тому чиновнику у Успенскаго, которому разсуждать о Богѣ не было времени и потому онъ ограничивался лишь словами: «довольно будетъ знать и того, что мы его должны бояться». Вотъ этотъ недостатокъ критическаго отношенія къ ученіямъ, излагаемымъ съ нѣкоторымъ апломбомъ, преклоненіе и пугливость предъ непонятнымъ и таинственнымъ и составляютъ наиболѣе удобную почву для распространенія всякой темноты. Вообразите, что такому читателю преподносятъ какую-нибудь непонятную и даже совсѣмъ невозможную нелѣпость, сопровождая ее рекомендаціей, что вотъ это и есть философія или что-нибудь въ этакомъ же высокомъ родѣ—новая красота, что-ли. Пугливый

читатель нелѣпости, конечно, не пойметъ, потому что и понимать то тамъ въ большинствѣ случаевъ нечего, но его смутитъ рекомендація, выставляющая данную вещь, какъ перлъ созданія. А тутъ еще и то соображеніе, что я то, положимъ, не понялъ, но рекомендовавшій новую красоту въ качествѣ таковой ужъ навѣрное понимаетъ,—что же я долженъ казаться глупѣе его, что-ли? Стыдно вѣдь, да и при томъ же,—вездѣ въ Европѣ одобряютъ... И вотъ, не смотря на то, что рекомендовавшій тоже сплошь и рядомъ ничего не понимаетъ въ своей «новой красотѣ», а только, по выраженію Вознаго, болѣе или менѣе «искусстно удае»,—новый адептъ готовъ, и нашъ пугливый читатель уже преклоняется предъ символизмомъ, а при случаѣ готовъ даже распинаться за него предъ другими. Получается нѣчто въ высокой степени курьезное: поклонники новой красоты торопятся по поводу какого-нибудь «шедевра» произнести одобрительное «вѣрно» съ тѣмъ только, чтобы при настойчивыхъ вопросахъ какого-нибудь скептика сейчасъ же съ конфузнымъ видомъ писаря изъ «По-над Дніпром» сознаться: «но, правду сказать, еще не понялъ». И это не выдумка, не преувеличеніе съ нашей стороны. Мы неоднократно, напр., обращались ко многимъ поклонникамъ г-жи Кобылянской съ просьбой объяснить хотя бы вотъ окончаніе очерка «Під голим небом»,—въ концѣ концовъ, послѣ всевозможныхъ увертокъ и неопредѣленныхъ отвѣтовъ, оказывалось, что хотя поклонникъ и считаетъ разсказъ этотъ несомнѣннымъ шедевромъ, но, «правду сказать, еще не понялъ». Можно сомнѣваться, пойметъ-ли онъ и вообще хотя когда-нибудь, но что онъ будетъ восхищаться и рекомендовать свой шедевръ—это въ большинствѣ случаевъ не подлежитъ уже никакому сомнѣнію.

Вотъ на этихъ то основаніяхъ—на желаніи забыться, отвлечься отъ общественныхъ вопросовъ и на недостаткѣ критическаго отношенія къ предлагаемымъ ученіямъ и зиждется успѣхъ символизма и смежныхъ съ нимъ направленій. Подобно гашишу, они усыпляютъ болѣе искреннюю часть своихъ приверженцевъ, подходящихъ къ нимъ съ серьезными запросами, но не имѣющихъ смѣлости смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ищу-

щихъ только одного—забыться отъ тяжелыхъ вопросовъ современности; они щекочутъ самолюбіе другихъ, давая очень удобную возможность «совсѣмъ безъ драки попасть въ большіе забіяки» и считать себя передовыми, высшими людьми на основаніи чисто поверхностныхъ признаковъ; они, наконецъ, удовлетворяютъ стремленію большинства слѣдовать моднымъ теченіямъ, не задумываясь надъ ними глубоко и принимая ихъ на вѣру съ перваго, что называется, абцуга. Но каковы бы ни были причины успѣха символизма, одно для насъ внѣ всякаго сомнѣнія: въ лицѣ его мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ рѣшительно противообщественнымъ, разлагающимъ, свидѣтельствующимъ объ упадкѣ среди даннаго общества того живого, бодраго настроенія, которое является необходимымъ условіемъ движенія впередъ. А можетъ ли въ приглашеніи къ общественному квіэтизму заключаться какой-нибудь выигрышъ,—на это, полагаемъ, возможенъ лишь одинъ отвѣтъ.

Выше мы имѣли случай замѣтить, что наша литература своимъ направленіемъ не давала повода для возникновенія на нашей почвѣ символизма и хотя г-жа Л. Украинка и обвиняетъ галицкую критику въ увлеченіи принципами натурализма, но объ этомъ едва ли можно говорить серьезно. Какой ужъ тамъ натурализмъ, когда редакторы галицкихъ изданій сплошь и рядомъ «облагораживаютъ» и смягчаютъ, а то и совсѣмъ вычеркиваютъ просто жанровыя картинки, къ натурализму никакого касательства не имѣющія (см., напр., предисловіе къ кіевскому изданію повѣсти Свидницкаго «Люборацьки»); когда серьезно приходится доказывать, что упоминаніемъ, напр., о проституціи еще не оскорбляется общественная нравственность (см. «Листи з-над Полтви» въ Л.-Н. Вістн., 1899, кн. V). Натурализма, какъ особаго литературнаго направленія, у насъ, повторяемъ, не было; нѣтъ его и въ настоящее время, хотя нѣкоторые изъ служителей новаго искусства и старались это направленіе пропагандировать въ интересахъ нѣсколько своеобразно ими понимаемой красоты. Серьезнѣе другое обвиненіе, часто направленное по адресу нашихъ литературныхъ дѣятелей—что они до сихъ поръ ограничиваются лишь слащавымъ изображеніемъ идиллическихъ сценъ «кохання», возвеличеніемъ «народних

святоцiв», безсильнымъ нытьемъ по поводу маленькихъ непрiятностей и огорченій, или же, наоборотъ, выцвѣтшими и выдохшимися приглашеніями къ борьбѣ со зломъ; указывается часто, что назрѣла необходимость обновить нашу литературу, освободить ее отъ рабскаго подражанія выработаннымъ давно и утратившимъ уже свою свѣжесть шаблонамъ, и что въ этомъ отношеніи крупную услугу можетъ оказать новое направленіе, которое, дескать, «не пройдетъ безслѣдно» для нашей литературы. Насколько справедливы вообще указанныя нареканія—этотъ вопросъ слишкомъ большой и сложный, чтобы можно было отвѣтить на него въ немногихъ словахъ, но несомнѣнно одно—что всѣ эти «вышневі садочки», идиллическія сценки около «перелазів», «вечорныці» і т. п. аксессуары, которыми дѣйствительно и до сихъ поръ любятъ приправлять свои произведенія изъ народной жизни нѣкоторые наши писатели, уже дѣйствительно выдохлись, интересъ и вкусъ къ нимъ потерянъ и они теперь не въ состояніи уже властно захватить читателя и подчинить всецѣло своему обаянію. Да это и понятно: если во время романтической юности «вышневі садочки» и сцены возлѣ «перелазів» и играютъ, можетъ быть, большую роль, способны волновать кровь, и заставлять учащенно биться сердце, то для зрѣлаго возраста требуется уже болѣе серьезной и трезвой пищи. Такъ и въ литературѣ: юная литература обыкновенно обращаетъ вниманіе болѣе на внѣшнюю сторону жизни, но не достаточно вглубляется внутрь ея, чтобы вскрыть общественныя язвы, предложить то или иное ихъ объясненіе, натолкнуть на способы излѣченія и т. п. Это уже дѣло зрѣлаго періода и, намъ кажется, что для украинской литературы часъ такой сознательной зрѣлости уже пробилъ. Все рѣже и рѣже пали писатели обращаются къ узкимъ личнымъ мотивамъ и все ярче пробиваетъ струя интереса къ общечеловѣческимъ стремленіямъ и задачамъ. Что украинская литература уже безвозвратно покончила съ періодомъ романтической и мечтательной юности—въ этомъ, мы, думаемъ, сомнѣній быть не можетъ; но нѣтъ, полагаемъ, сомнѣній и относительно желательности такого порядка развитія, при которомъ была бы необходимость, миновавъ зрѣлый періодъ, пе-

рескочить прямо въ періодъ старчества, увяданія, упадка. А между тѣмъ именно это намъ и предлагаютъ сдѣлать поклонники символизма, да еще и обѣщаютъ при этомъ, что такой головокружительный salto mortale не пройдетъ безслѣдно для родной литературы. Что онъ дѣйствительно не пройдетъ безслѣдно, съ этимъ, пожалуй, и мы согласимся, но только слѣды-то эти рисуются намъ въ нѣсколько иномъ цвѣтѣ. Если вообще старчество страшно по своимъ послѣдствіямъ, какъ предтеча и провозвѣстникъ болѣе или менѣе близкой смерти, то тѣмъ ужаснѣе маразмъ,—старчество преждевременное и до извѣстной степени искусственное: это вѣдь не результатъ уже пережитой жизни, цѣлесообразнаго расходованія силъ и нормальнаго развитія общественнаго организма, а именно преждевременное истощеніе, упадокъ, растрата, если хотите, народныхъ силъ. Болѣе богатымъ и сильнымъ литературамъ эта растрата, можетъ быть, и не такъ страшна и опасна,—тамъ много работниковъ встанетъ на мѣсто безпечно зарывшихъ свой талантъ въ землю, или безразсудно размѣнявшихъ его на мелочи и потратившихъ на усилія объять необъятное. У насъ—другое дѣло. У насъ вѣдь во всѣхъ областяхъ интеллектуальной жизни работниковъ такъ мало, недостатокъ ихъ вездѣ и всюду чувствуется такъ сильно и настоятельно, что всякая потеря отзывается съ удвоенной силой на нашемъ народномъ организмѣ, а всякая намѣренная растрата, хотя бы и своихъ личныхъ силъ, есть уже не просто безразсудность и безпечность, а преступленіе предъ родной страной и народомъ. Пусть пріемы нашихъ предшественниковъ устарѣли; пусть кругозоръ ихъ былъ тѣсенъ, ограниченъ и исчерпывался лишь изображеніемъ внѣшней стороны жизни, не проникая вглубь ея; пусть, наконецъ, они дѣлали свое дѣло съ юношескимъ романтизмомъ,—все это такъ, но неужели изъ этого слѣдуетъ, что намъ необходимо отказаться отъ нормальной эволюціи и органическаго развитія, плюнуть на все выработанное предшественниками и сразу перейти къ старчеству. «Не тільки світа, що в вікні»—это вѣрно, такъ ищите его за окномъ, на широкомъ вольномъ просторѣ, но не утверждайте, что свѣта и совсѣмъ нѣтъ, а единое, что есть на потребу,—это поиски всевозможныхъ новыхъ

красоть. Есть онъ, этотъ свѣтъ, сколько угодно его имѣется, да только, вѣроятно, искать его не такъ то легко, какъ баловаться эстетическими бирюльками. Если возьмемъ хотя бы только одну сферу народной жизни, сколько увидимъ тутъ явленій, достойныхъ разработки и вниманія вдумчиваго художника, а между тѣмъ совсѣмъ незатронутыхъ литературой или до сихъ поръ мало притягивавшихъ интересъ ея дѣятелей:—вліяніе новыхъ экономическихъ условій, измѣненіе въ зависимости отъ этого умственнаго и нравственнаго облика нашей деревни, разложеніе старыхъ вѣрованій, нарожденіе новыхъ, отношеніе къ образованію, малоземелье, переселенческій вопросъ, явленія въ родѣ галицкихъ «страйків», въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ имѣвшія мѣсто и на Украинѣ, и т. д., и т. д. И болѣе вдумчивые писатели могутъ почерпать отсюда, изъ этого неисчерпаемаго источника, истинный свѣтъ, давая изображеніе *всѣхъ* сторонъ нашей народной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣческой природы вообще. Служители новой красоты, наоборотъ, надѣляютъ человѣка лишь однимъ, до громадныхъ размѣровъ разросшимся и поглотившимъ остальныя стороны человѣческой природы, эстетическимъ чувствомъ; они изображаютъ не человѣка, а какой-то эстетическій аппаратъ, приспособленный исключительно къ спеціальной и односторонней дѣятельности. Нечего и говорить, что это такъ же ложно и фальшиво, какъ и противоположная крайность, представляющая человѣка въ видѣ одного громаднаго желудка, поглотившаго всѣ остальные органы. Художникъ можетъ, конечно, съ восторгомъ, говоря словами поэта,

Дивитись на красу створіння,

но онъ долженъ кромѣ того умѣть—

Втішатись радістю правдивих діл,
Боліти й мучитись, неправду зрячи,

или, употребляя выраженіе Наталки Верковичъ, «любити світ Божий в цілій його величі», безъ всякаго ограниченія, не отыскивая въ немъ исключительно «чудесних і гарних об'яв». Если же передъ нами художественное направленіе, ради рискованныхъ

порывовъ въ туманную высь, закрывающее глаза на такія явленія нашей жизни, при одномъ воспоминаніи о которыхъ кровь буквально стынетъ въ жилахъ; если оно проповѣдуетъ презрѣніе къ живому человѣку ради любви къ мертвой природѣ; если ради блаженства нѣсколькихъ сверхчеловѣковъ оно готово принести въ жертву интересы массъ народныхъ; если, наконецъ, оно возводитъ въ перлъ созданія отвратительнѣйшія проявленія извращенной человѣческой природы,—то мы къ нему иначе не можемъ относиться, какъ къ явленію глубоко отрицательному, признаку упадка и національнаго маразма, грозящаго литературѣ нашей неисчислимыми потерями и вредомъ. Судъ нашъ не можетъ измѣниться отъ того, что среди представителей этого направленія можетъ оказаться человѣкъ съ талантомъ,—напротивъ, онъ долженъ быть строже, ибо, во-первыхъ, кому много дано, съ того много и взыщется, а во-вторыхъ, талантъ во вредномъ дѣлѣ гораздо вредоноснѣе, а потому и отвѣтственнѣе, чѣмъ бездарность. На человѣконенавистничество г. Хоткевича можно смотрѣть лишь съ улыбкой, а къ той же чертѣ г-жи Кобылянской было бы большою неосторожностью относиться такъ же легко. Это потому, что г. Хоткевичъ едва ли кого-нибудь соблазнитъ, тогда какъ г-жа Кобылянская большой грѣхъ на душу беретъ, создавая вредное, противообщественное, развращающее нетвердые умы направленіе въ литературѣ, которое дѣйствительно не пройдетъ, да и не проходитъ уже безслѣдно. А вотъ радоваться ли намъ или же скорбѣть по поводу этихъ слѣдовъ, а значитъ и причины ихъ—пусть на этотъ вопросъ отвѣтитъ самъ читатель...

Сергій Ефремовъ.

Мнимый бунтъ на Волыни въ 1789 г.

(Архивъ Юзападной Россіи. издаваемый Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Часть 3-я, томъ V. Акты о мнимомъ крестьянскомъ возстаніи въ Юзап. краѣ въ 1789 г. Кіевъ, 1902).

(Окончаніе [1]).

Перейдемъ къ дѣятельности Кременецкаго гродскаго суда.

Въ Кременцѣ относились къ обвиняемымъ еще суровѣе, чѣмъ въ Луцкѣ. Здѣсь гродскій судъ не всегда даже допрашивалъ свидѣтелей, ограничиваясь часто допросами, произведенными офицерами и помѣщиками. Арестованныхъ морили въ тюрьмѣ голодомъ и на ночь забивали имъ ноги въ деревянныя колодки. Иные изъ обвиняемыхъ умерли въ тюрьмѣ, иные взводили на себя напраслину, чтобы только избавиться отъ заключенія. Арестовывали на основаніи болѣе чѣмъ сомнительныхъ уликъ. Такъ, священника с. Нижнихъ Дедеркалъ Матвѣя Хращевскаго начальникъ милиціи арестовалъ только на томъ основаніи, что до него дошелъ слухъ, будто дьякъ въ ссорѣ назвалъ Хращевскаго гайдамакою. Священникъ сначала показалъ, что у крестьянина Драпалюка ночевали 3 маркетана и онъ, священникъ, купилъ у нихъ 2 платка и кусокъ ситца и никакихъ разговоровъ не велъ, но на другой день, подъ вліяніемъ обѣщанія начальника, что за от-

[1]) См. Кіев. Ст. № 11.

кровенность онъ получитъ свободу, Хращевскій показалъ, что маркетаны дали ему и Драпалюку по 200 р. на вербовку бунтовщиковъ. Показанія свои Хращевскій мѣнялъ 4 раза. Его отправили въ Кременецъ. И здѣсь онъ мѣнялъ показанія. Драпалюкъ и свидѣтели изъ крестьянъ утверждали, что, хотя маркетаны ночевали въ ихъ селѣ, но къ бунту никого не возбуждали. Судъ приговорилъ Хращевскаго къ смертной казни, но епископъ отказался снять съ него санъ по незаконности приговора; дѣло передано было въ Луцкій трибуналъ, который освободилъ, по недоказанности обвиненія, и Хращевскаго и Драпалюка, присужденнаго къ шестилѣтнему заключенію въ крѣпости, и выразилъ гродскому суду порицаніе за незаконныя дѣйствія.

Другой случай былъ еще характернѣе. На кременецкаго благочиннаго Павла Громачевскаго, человѣка образованнаго и пользовавшагося уваженіемъ, поступилъ доносъ отъ судовыхъ канцеляристовъ, бывавшихъ въ его домѣ. Громачевскаго отправили въ Дубенскую крѣпость. Комендантъ кн. Любомирскій, лично знавшій Громачевскаго, велѣлъ освободить его и сдѣлалъ выговоръ арестовавшему его офицеру. Это вызвало въ Кременцѣ раздраженіе и Любомирскаго стали обвинять даже въ полученіи взятки. Тогда Любомирскій отправилъ Громачевскаго въ Варшаву. Сеймовая депутація, разсмотрѣвъ дѣло, выдала Громачевскому отъ имени сейма дипломъ, удостовѣряющій его невинность, и золотую медаль, но, несмотря на это, въ Кременцѣ такъ злобствовали на благочиннаго, что онъ долженъ былъ выселиться оттуда.

Когда, спустя мѣсяца два, паника немного улеглась, суды стали относиться къ обвиняемымъ мягче и въ Луцкѣ освободили нѣсколькихъ священниковъ, арестованныхъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ, напр. за то, что разновременно покупали платки у пилипоновъ, за выѣздъ въ тревожное время изъ дома и т. п. Интересна причина ареста двоихъ изъ нихъ. Арендаторъ с. Шапра дворянинъ Соболевскій арестовалъ шестерыхъ священниковъ и подъ конвоемъ привезъ въ Луцкъ; на рынкѣ онъ предложилъ имъ откупиться, четверо изъ нихъ воспользовались предложеніемъ и были отпущены, а двое не имѣли денегъ и попали въ тюрьму.

Смягчился и кремепецкій судъ и сталъ давать обвиняемымъ возможность представлять доказательства своей невинности. Такъ, свящ. Подчашинскому, обвиненному въ сношеніяхъ съ маркетанами, заготовленіи оружія и подстрекательствѣ къ бунту, удалось доказать, что онъ виновенъ только въ произнесеніи угрозъ противъ евреевъ; его посадили на мѣсяцъ въ тюрьму. На мѣсяцъ же посадили и свящ. Мартыновича за приглашеніе францисканцевъ перейти въ унію и неприличное поведеніе у нихъ въ гостяхъ. Свящ. Долинскаго и трехъ крестьянъ обвиняли въ произнесеніи угрозъ противъ поляковъ и евреевъ, но свидѣтели не подтвердили обвиненія и подсудимые были освобождены, впрочемъ, двоимъ крестьянамъ дали по 50 ударовъ за дерзкій нравъ вообще. Освободили двухъ священниковъ, содержавшихся въ тюрьмѣ за неясныя выраженія въ письмѣ, когда они доказали, что выраженія эти относились къ производившемуся въ консисторіи дѣлу. Освободили также двухъ священниковъ и сыновей одного изъ нихъ, такъ какъ не было заявлено никакого обвиненія.

Когда возбужденіе, охватившее шляхетское общество, стало уже прекращаться, новыя обстоятельства, вызванныя въ значительной степени тревогой, дали новую пищу безпокойству. Обстановка, при которой совершалось усмиреніе фантастическаго бунта, породила рядъ небылицъ и наговоровъ. Какой то нищій объявилъ, будто разносилъ записки отъ маркетановъ къ священникамъ и оставшіяся воззванія спряталъ въ крышѣ на своей родинѣ, въ с. Торчинѣ. Слѣдствіе обнаружило, что указанные имъ священники никогда его не видали, въ Торчинѣ онъ никогда не жилъ и его тамъ не знаютъ, въ указанной крышѣ ничего не было, а самъ доносчикъ страдаетъ помѣшательствомъ. Его все таки повѣсили.

Другой случай гораздо серьезнѣе и, повидимому, могъ способствовать раскрытію заговора. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось слѣдователямъ. Въ с. Рабіевкѣ, на границѣ Подольскаго воеводства, помѣщикъ Ястржембскій арестовалъ крестьянина Кирилла Пундыка, принимая его за переодѣтаго запорожца. При допросѣ, оказалось, что арестованный—крестьянинъ, жившій работникомъ

на мельницахъ. Ястржембскій пустилъ въ ходъ розги и Пундыкъ далъ подробное показаніе о заговорѣ, къ которому, по его словамъ, принадлежало до 5000 чел., имѣвшихъ главою гетмана—попа изъ с. Карповецъ, заговорщики дѣлились на 8 дивизій, которыми начальствовали коменданты—священники или крестьяне. По памяти Пундыкъ оговорилъ до 500 лицъ, жившихъ въ 80 селахъ и мѣстечкахъ. Относительно оговоренныхъ онъ чаще всего давалъ неопредѣленныя указанія, не сообщая даже фамилій. Ястржембскій отправилъ показанія вмѣстѣ съ арестантомъ въ ближайшую военную команду, въ м. Базалію, откуда его препроводили въ Волынскую порядковую коммиссію. Послѣ допроса, коммиссія увѣдомила объ окончательномъ раскрытіи заговора, какъ сеймовую депутацію, такъ и коммиссіи сосѣднихъ воеводствъ, а самого Пундыка предоставила въ распоряженіе Кременецкаго гродскаго суда. Началось слѣдствіе; Пундыка пересылали то въ Варшаву, то въ Каменецъ и Летичевъ. При новыхъ допросахъ Пундыкъ присоединялъ къ своему показанію все новыя и новыя подробности и создалъ цѣлую фантастическую повѣсть, гдѣ фигурировали маркетаны, раздающіе деньги, описывались тайныя собранія заговорщиковъ, принесеніе присяги, разсказывалось объ ожиданіи сына Гонты съ 14000 козаковъ. Себѣ Пундыкъ приписалъ роль агента, разносившаго прокламаціи и такимъ образомъ познакомившагося съ главами заговора. Открылся рядъ процессовъ. Особенное усердіе обнаружилъ Кременецкій гродскій судъ. Оговоренныхъ доставляли въ с. Святецъ въ воинскую команду и здѣсь сѣкли, пока не добивались признанія, тогда отсылали въ Кременецъ, гдѣ безъ новаго допроса постановляли приговоръ. Факты вымучиванія показаній розгами, извращенія показаній судомъ, отсутствія свидѣтелей, недостовѣрность показаній Пундыка, на которыхъ основывался судъ,—все это установлено Люблинскимъ трибуналомъ, пересматривавшимъ нѣкоторые процессы. Всѣхъ подсудимыхъ обвиняли въ сношеніяхъ съ маркетанами, полученіи отъ нихъ денегъ, подготовкѣ бунта и т. п. Степень наказанія зависѣла отъ значенія лица въ организаціи заговора по показанію Пундыка. Кременецкій судъ приговорилъ по этому

дѣлу: 12 чел. къ смертной казни, 43--къ арестантскимъ работамъ въ Каменецкой крѣпости на 1—6 лѣтъ и 21 къ тѣлесному наказанію. Только два священника спаслись отъ смерти, благодаря тому, что епископъ протестовалъ противъ приговора и перенесъ ихъ дѣла въ Люблинскій трибуналъ, отмѣнившій рѣшеніе суда и оправдавшій подсудимыхъ. Надъ прочими обвиняемыми приговоръ былъ исполненъ.

Подольская порядковая коммиссія отнеслась къ данному ей порученію спокойнѣе и безпристрастнѣе Волынской, хотя и подвергалась сильному давленію, какъ со стороны мѣстнаго дворянства, такъ и со стороны Волынской комиссіи. Принимая мѣры къ предупрежденію бунта, она предложила дворянамъ слѣдить за настроеніемъ крестьянъ, препровождать подозрительныхъ въ коммиссію и кроткимъ обращеніемъ съ крестьянами смягчать ихъ раздраженіе, естественное при господствѣ крѣпостного права. Потомъ были приняты еще нѣкоторыя мѣры: заведены въ селахъ десятники изъ шляхтичей, крестьяне обезоружены, маркетаны и безпаспортные отосланы въ Каменецкую крѣпость. Въ коммиссію поступилъ рядъ заявленій отъ дворянъ о тревожномъ настроеніи крестьянъ и требованій о присылкѣ войска. Коммиссія стала посылать въ разъѣзды кавалерійскіе отряды. Обращалась она за содѣйствіемъ и къ уніатскому духовенству. Судебной власти она себѣ не присваивала и, послѣ обстоятельнаго разслѣдованія, дѣла по маловажнымъ обвиненіямъ прекращала, а болѣе серьезныя передавала въ Каменецкій и Летичевскій гродскіе суды.

Помѣщики доставляли въ Каменецъ огромное число арестованныхъ и скоро крѣпость и тюрьмы были такъ переполнены, что комендантъ высказалъ опасеніе на счетъ возможности для гарнизона справиться съ заключенными, если-бы они вздумали силой вырваться на свободу. Магистратъ, съ своей стороны, указывалъ на вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ, вслѣдствіе скопленія арестованныхъ, на возможность возникновенія эпидемій и опасность бунта и предлагалъ казнить всѣхъ подсудимыхъ. Коммиссія указала магистрату на незаконность его требованія и предложила организовать мѣщанскую стражу въ помощь гарнизону.

Какъ ни старалась коммиссія ускорить производство разслѣдованій, число арестантовъ не уменьшалось и въ концѣ мая ихъ было еще 70, въ томъ числѣ 14 священниковъ. Большая часть разсмотрѣнныхъ коммиссіею дѣлъ была поднята по пустякамъ. Чаще всего обвинялись крестьяне, произносившіе съ-пьяна, въ шутку или съ досады угрозы противъ поляковъ и евреевъ, да и то доносы нерѣдко оказывались ложными; иногда арестовывали за двусмысленныя выраженія, за бродяжничество, за дозволеніе пилипону переночевать въ домѣ, а иногда причина ареста оказывалась вовсе неизвѣстной. Такихъ арестантовъ коммиссія освобождала. Она нашла только нѣсколько дѣлъ болѣе сложныхъ и пришла къ убѣжденію, что, хотя крестьяне и настроены враждебно противъ помѣщиковъ и евреевъ, но признаковъ заговора никакихъ нѣтъ. Въ этомъ отношеніи взгляды коммиссіи совпали со взглядами, высказанными ген. Феликсомъ Потоцкимъ и командовавшимъ разъѣздами офицеромъ Мадейскимъ.

Однимъ изъ болѣе серьезныхъ дѣлъ было дѣло свящ. Котельскаго, котораго арестовалъ арендаторъ м. Лянцкоруня Игн. Маршицкій на томъ основаніи, будто Котельскій совѣтовалъ на исповѣди слугѣ Маршицкаго Андрею Ватылюку не ночевать на панскомъ дворѣ въ виду ожидаемаго избіенія поляковъ и евреевъ. При допросѣ оказалось, что къ священнику заходили проѣзжавшіе пилипоны. Котельскій отрицалъ оба обвиненія. Свидѣтели дали благопріятныя для него показанія. Дѣло дошло до сейма. Священнику удалось доказать, что Ватылюкъ пользуется дурною репутаціей и сеймъ разрѣшилъ прекратить дѣло.

Нечаянно попалъ подъ судъ и свящ. Горецкій. Черезъ с. Монастырку проѣзжалъ дворянинъ Радецкій и остановился у одной хаты напиться воды. Въ хатѣ въ это время былъ поминальный обѣдъ. Одинъ изъ гостей крестьянинъ Колесникъ, будучи пьянъ, сталъ придираться къ Радецкому. Крестьяне связали его и отвели во дворъ, откуда онъ былъ отосланъ въ с. Свинное, гдѣ были управляющій и начальникъ военной команды. Допросивъ его съ употребленіемъ розогъ и нагаекъ и сказавъ ему, что священникъ во всемъ сознался, слѣдователи добились отъ Колес-

ника показанія, будто священникъ приводилъ его и 8 другихъ крестьянъ къ присягѣ въ томъ, что они будутъ ему повиноваться, совѣтовалъ потомъ помнить обѣщаніе и держаться стойко и дружно, а также, что священникъ куда то уѣзжалъ, разсказывалъ объ ожидаемомъ приходѣ Гонты и хвалился, что будетъ тогда офицеромъ. Каменецкій и Летичевскій суды допросили около 40 свидѣтелей изъ шляхтичей и крестьянъ-католиковъ и оказалось, что лѣтъ 5 назадъ священникъ для усиленія церковныхъ средствъ основалъ братство и привелъ къ присягѣ 9 братчиковъ, которымъ и совѣтовалъ держаться дружно, уѣзжалъ къ родственникамъ, объ ожиданіи Гонты узналъ отъ сына, учившагося въ Барской школѣ и, шутя, говорилъ объ этомъ шляхтичамъ, прибавляя, что не будетъ брить бороды, дабы его не приняли за ксендза, а когда придутъ поляки, то сейчасъ побрѣется. Три мѣсяца просидѣлъ Горецкій въ тюрьмѣ и, по рѣшенію суда, былъ освобожденъ вмѣстѣ съ Колесникомъ.

Свящ. с. Карабчіевки Прокоповича обвинили въ сношеніяхъ съ маркетанами, подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту и произнесеніи хулы на католическую церковь. Свидѣтели показали, что маркетановъ въ Карабчіевкѣ никогда не бывало, къ бунту Прокоповичъ никого не подстрекалъ и только разъ на крестинахъ доказывалъ какому то шляхтичу, что русская вѣра старѣе римской; все же дѣло возникло по доносу враждовавшаго съ Прокоповичемъ шляхтича Бѣневскаго. Священника оправдали.

Въ м. Солобковцахъ доносчиками выступили евреи. Они обвинили 8 крестьянъ въ томъ, что тѣ грозили евреямъ рѣзнею, враждебно отзывались о войскѣ, называли имя Гонты, а одинъ парубокъ хвалился, будто утаилъ при обыскѣ ножъ и носитъ его въ голенищѣ. Обвиняемыхъ допрашивали въ коммиссіи и въ гродскомъ судѣ, свидѣтелями были шляхтичи, жившіе въ Солобковцахъ. Оказалось, что одинъ крестьянинъ, у котораго солдаты опустошили садъ, высказалъ пожеланіе, «чтобы всѣ они пропали», другой нѣсколько лѣтъ назадъ покушался украсть деньги у господина, прочіе ссорились по разнымъ поводамъ съ евреями, но угрозъ не произносили. Шляхтичи-свидѣтели дали о подсудимыхъ

хорошіе отзывы и крестьянъ освободили, засчитавъ въ наказаніе предварительную высидку. Евреи же донесли на семерыхъ крестьянъ въ м. Шаравкѣ, но и тѣ оказались виновными только въ ссорахъ съ евреями, да одинъ изъ обвиняемыхъ въ шутку предлагалъ евреямъ креститься и вызывался поучить ихъ христіанскимъ молитвамъ. Всѣхъ подсудимыхъ оправдали.

Въ Подольскомъ воеводствѣ былъ только одинъ обвинительный приговоръ. Крестьянина Павла Цызара осудили на годичное заключеніе въ Каменецкой крѣпости за то, что Цызаръ, человѣкъ буйный и драчливый, часто похвалялся готовностью пристать къ бунту, сочувственно говорилъ объ ожидаемомъ приходѣ Гонты и пугалъ угрозами чиншевую шляхту.

Въ дѣлахъ, производившихся въ подольскихъ судахъ, часто крестьяне обвинялись въ произнесеніи имени сына Гонты и въ ожиданіи прибытія его съ войскомъ, послѣ чего начнется будто бы избіеніе дворянъ и евреевъ.

Этотъ разсказъ о сынѣ Гонты представляетъ легенду, созданную народной фантазіей. У Гонты, дѣйствительно, былъ молодой сынъ, котораго послѣ казни отца увезъ съ собою одинъ изъ сотниковъ, бѣжавшій, какъ говорили, въ Молдавію. О дальнѣйшей судьбѣ мальчика ничего не извѣстно. На этой основѣ и создалась народная легенда. Въ распространеніи слуховъ о Гонтѣ былъ обвиненъ дьячекъ с. Мартынковцевъ Степанъ Лобоцкій. И Лобоцкаго и болѣе десятка привлеченныхъ по этому дѣлу лицъ изъ крестьянъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и женщинъ допрашивали подъ пыткой въ Сатановскомъ магистратѣ; они ссылались, что слышали разсказъ друга отъ друга, но въ ихъ передачѣ можно было прослѣдить, какъ разсказчики при пересказѣ создавали новыя и новыя подробности. Первоисточника такъ и не удалось открыть. Въ наиболѣе полномъ варіантѣ легенда передавалась такъ: «Вскорѣ придетъ Гонта, будетъ отбирать куколь отъ пшеницы и произойдетъ великая «руина». Этотъ сынъ Гонты—«великій рыцарь». Онъ обратился къ императрицѣ съ просьбой, чтобы она разрѣшила ему отправиться въ Польшу, отомстить за смерть отца, устроить по немъ поминальный обѣдъ и отдѣлить куколь отъ пшеницы.

Императрица поставила ему на видъ, что онъ слишкомъ молодъ, не сумѣетъ исполнить своего предпріятія и напрасно погибнетъ. Гонта тогда предложилъ доказательства своей удали и умѣнья; по его просьбѣ, зарядили пушку цѣпью и выстрѣлили въ него, но онъ цѣпь поймалъ на лету и положилъ у ногъ императрицы; затѣмъ выстроили полкъ кавалеріи съ поднятыми вверхъ копьями, и Гонта пробѣжалъ по остріямъ копій вдоль полка. Тогда императрица разрѣшила ему выступить въ походъ. Онъ уже стоитъ у границы, укрѣпившись засѣками въ лѣсу, собралъ 5000 козаковъ, намѣренъ ихъ направить пятью различными путями, самъ же будетъ двигаться по серединѣ».

Объективность Подольской порядковой коммиссіи оказалась и въ дѣлахъ, начавшихся по оговору извѣстнаго уже намъ Кирила Пундыка. Сначала коммиссія придала оговору серьезное значеніе, дважды требовала самого Пундыка и произвела тщательное разслѣдованіе. На первыхъ порахъ было арестовано нѣсколько сотъ крестьянъ и болѣе 20 священниковъ. Между крестьянами эти аресты произвели переполохъ и многіе стали бѣжать за Днѣпръ, такъ что пришлось просить о присылкѣ войскъ для удержанія бѣглецовъ.

Слѣдствіе началось съ священника с. Карповецъ Іосифа Михневича, на котораго Пундыкъ указывалъ, какъ на «гетмана» заговорщиковъ. Изъ показаній свидѣтелей выяснилось, что пилипоны только разъ были въ домѣ Михневича, который купилъ у нихъ два платка и сейчасъ ушелъ въ церковь, не вступая съ ними въ разговоры, что Михневичъ по селамъ не разъѣзжалъ, пропаганды не велъ и только разъ ѣздилъ въ Летичевъ по судебному дѣлу. Самого Пундыка въ Карповцахъ никто не видалъ. Михневичъ былъ оправданъ. Два мельника, тоже оговоренные Пундыкомъ, оказались поляками и католиками, такъ что ихъ и не призывали къ допросу. Священники Бѣлецкій и Ролинскій, которыхъ Пундыкъ называлъ «комендантами», т. е. начальниками дивизій, точно также оказались ни въ чемъ неповинными и были освобождены. Ложными оказались извѣты Пундыка и относительно крестьянъ.

Впрочемъ, при допросахъ съ пристрастіемъ, нѣкоторые, ради прекращенія пытки, взводили на себя небывалыя преступленія. Такъ, крестьянинъ Бондарь показалъ, что двое ночевавшихъ у него пилипоновъ уговорили его участвовать въ предстоящемъ избіеніи дворянъ и евреевъ, привели его къ присягѣ и дали 6 руб., платокъ, замокъ и ножъ; эти пилипоны будто бы утверждали, что возстаніе начнется въ день Пасхи и заговорщики соберутся у Гонты, живущаго въ какомъ-то селѣ около Херсона, откуда пойдутъ въ походъ. Бондаря отправили въ Варшаву и судьба его не извѣстна. Въ другомъ случаѣ дворянинъ Заремба-Целецкій арестовалъ въ с. Завалійкахъ бродягу крестьянина Бедрійчука. При допросѣ Бедрійчуку связывали руки и ноги, вѣшали его въ «дымарѣ» и потомъ сѣкли. Послѣ этого Бедрійчукъ показалъ, что онъ изъ с. Щеглевки, что свящ. Чернявскій уговорилъ его и троихъ другихъ парубковъ ходить по селамъ и склонять крестьянъ къ участію въ заговорѣ. Самъ Чернявскій отлучался на 3 недѣли и въ это время склонилъ къ бунту 8 селъ, а священникъ села Деркачей—9 селъ. Оба священника, уговаривая его, поили водкой, обѣщали ему денегъ и читали ему списокъ пановъ, которыхъ слѣдуетъ убить; другихъ подробностей онъ не могъ узнать, такъ какъ священники говорили по латыни, но ему извѣстно, что у священника спрятано въ скирдѣ соломы 15 рублей и 6 пистолетовъ. Когда отецъ Бедрійчука узналъ, что онъ присталъ къ заговору, то хотѣлъ донести объ этомъ помѣщику; Бедрійчукъ испугался и бѣжалъ. На допросѣ въ Тарнорудскомъ магистратѣ Бедрійчукъ назвалъ своей родиной с. Шумовцы, сказалъ, что къ заговору присталъ его отецъ съ двумя сыновьями, за что они получили по 8 злотыхъ, что у священника ночью былъ съѣздъ, на который пріѣхало 12 священниковъ изъ названныхъ имъ селъ, что священникъ изъ с. Западынецъ привезъ туда много денегъ и раздавалъ каждому по 18 червонцевъ. Въ Каменцѣ, въ коммиссіи Бедрійчукъ снова измѣнилъ показаніе. Теперь онъ говорилъ уже, что на съѣздѣ было 3 священника, но участвующихъ въ заговорѣ ему извѣстно 14, что священникъ заставилъ его присягнуть, не допуская до исповѣди и угрожая пистолетомъ, что Кирила

Пундыка онъ не знаетъ, но слыхалъ о немъ. Священникъ села Шумовецъ Кобрицкій показалъ, что въ этомъ селѣ Бедрійчуковъ вовсе нѣтъ, что доноситель жилъ нѣсколько недѣль въ Шумовцахъ и два дня молотилъ у него, Кобрицкаго, но никакихъ разговоровъ не велъ и больше онъ этого человѣка не видалъ, оружія у него нѣтъ и съѣзда въ его домѣ не было. Другіе оговоренные священники показали, что о бунтѣ не говорили, на съѣздахъ не бывали, Бедрійчука не видѣли и названныхъ имъ крестьянъ въ ихъ приходахъ нѣтъ. По произведенному въ Шумовцахъ розыску выяснилось, что называющій себя Бедрійчукомъ жилъ въ Шумовцахъ 9 недѣль у вдовы Павлихи, выдавая себя за католика Стаха, сваталъ ея дочь, и хвасталъ, что имѣетъ мѣшокъ денегъ, но въ мѣшкѣ оказались черепки, почему Стахъ-Бедрійчукъ позорно бѣжалъ изъ села. При новомъ допросѣ онъ показалъ правду: зовутъ его Онуфрій Трачъ, родомъ изъ с. Борышковецъ, а показанія его ложны, «меня мучили и били, говорилъ онъ, требуя показаній о пилипонахъ, священникахъ и крестьянахъ, и я отъ боли и страха утверждалъ все, что мнѣ подсказывали». Жители Борышковецъ признали Трача. Судьба его не извѣстна.

Кіевская порядковая коммиссія, подобно Подольской, отнеслась къ поднятой тревогѣ довольно спокойно. Мѣры предосторожности противъ предполагавшаго бунта были приняты и заключались въ слѣдующемъ: велѣно было отобрать оружіе у крестьянъ и запрещено кузнецамъ и слесарямъ заготовлять таковое, на каждые 10 дворовъ назначенъ десятникъ изъ лучшихъ хозяевъ, приказано задерживать подозрительныхъ лицъ, опрашивать паспорты у проходящихъ и проѣзжающихъ, запрещены были сходки крестьянъ и предписано арестовывать всѣхъ, замѣченныхъ въ наклонности къ бунту. Арестованныхъ сначала было довольно много, особенно въ Овручскомъ и Житомирскомъ повѣтахъ. Начальникъ житомирскаго гарнизона даже заявлялъ суду, что арестанты превосходятъ числомъ гарнизонъ и просилъ ускорить дѣлопроизводство. Но почти всѣ арестованные послѣ дознанія были освобождены и только 6—7 дѣлъ разсматривалось судомъ. Большинство подсудимыхъ были оправданы. Одно изъ дѣлъ было довольно ори-

гинально. Крестьянинъ Бурлаченко работалъ на поташномъ заводѣ, поспорилъ съ приказчикомъ изъ-за разсчета и хотѣлъ уйти съ завода, когда же ему было отказано въ выдачѣ проходного свидѣтельства, сказалъ, что вырубитъ въ лѣсу палку и съ нею отправится въ путь. Эти слова сочли за угрозу и Бурлаченка арестовали. Судъ оправдалъ обвиняемаго на томъ основаніи, что «палка, обыкновенный спутникъ пѣшехода, не можетъ быть разсматриваема, какъ оружіе, могущее нарушить общественное спокойствіе».

Въ Кіевскомъ повѣтѣ дѣла разбирались старостинскими или магистратскими урядами и почти всѣ окончились ничѣмъ.

Кіевская коммиссія только два дѣла признала серьезными. Одно было возбуждено помѣщикомъ Шашкевичемъ, который, узнавъ, что крестьянинъ Пиндюрукъ утаитъ во время разоруженія крестьянъ копье, вызвалъ въ свое имѣніе военный урядъ и вмѣстѣ съ его начальникомъ хорунжимъ Брезой произвелъ слѣдствіе. Послѣ троекратнаго сѣченія Пиндюрукъ оговорилъ до 20 человѣкъ, а тѣ, послѣ порки, подтвердили, хотя съ разногласіемъ въ подробностяхъ, показаніе Пиндюрука, что нѣкій Климъ вербовалъ заговорщиковъ. Во время слѣдствія одинъ изъ оговоренныхъ, Пушкарукъ, бѣжалъ и, будучи пойманъ, пытался зарѣзаться. Въ Житомирскомъ гродскомъ судѣ нашли, что показанія не заслуживаютъ довѣрія, въ виду ихъ вынужденности и противорѣчивости, и потребовали у Шашкевича болѣе серьезныхъ уликъ. Шашкевичъ представить такихъ доказательствъ не могъ. Подсудимые объявили свои первоначальныя показанія ложными. Пиндюрукъ же заявилъ, что онъ заслуживаетъ наказанія лишь за то, что впуталъ въ дѣло столько невинныхъ людей. Тѣмъ не менѣе судъ, въ виду тревожныхъ обстоятельствъ, приговорилъ 7 крестьянъ въ крѣпостныя арестантскія роты до успокоенія края и, кромѣ того, изъ нихъ Пиндюрука за ложныя показанія къ 200, а Пушкарука за покушеніе на самоубійство къ 100 ударамъ розгами, 10 крестьянъ сдали на 6 лѣтъ въ солдаты, съ Шашкевича взыскали судебныя издержки, а впутаннаго нечаянно въ процессъ

Клима заставили служить два года любому лицу за пищу и одежду.

Другое дѣло не имѣло непосредственной связи съ крестьянскимъ волненіемъ. Это было дѣло протоіерея Алексѣя Андріевскаго.

Андріевскій былъ рукоположенъ въ уніатскіе священники въ 1765 или 1766 г. Во время коліивщины въ 1768 г., онъ, вмѣстѣ со многими уніатскими священниками, присоединился къ православію, но когда, по усмиреніи возстанія, большинство этихъ священниковъ возвратилось въ унію, онъ остался православнымъ и былъ лишенъ прихода. 20 лѣтъ скитался онъ изъ села въ село, куда приглашали его державшіяся православія громады, но отовсюду его вытѣсняли то уніатскіе священники, то помѣщики. Только въ 1785 г. его пригласили въ с. Бабичи, имѣніе кн. Ксаверія Любомирскаго, человѣка гуманнаго и вѣротерпимаго, который отнесся къ Андріевскому весьма дружелюбно. Епархіальное начальство вскорѣ назначило Андріевскаго Мошнянскимъ благочиннымъ. Къ Андріевскому обращались за исполненіемъ требъ и жители сосѣдняго села Поповки, гдѣ былъ уніатскій священникъ. Въ 1788 г., по желанію громады, Андріевскій назначилъ въ Полтаву православнаго ставленника. Но въ это время Любомирскій продалъ свои имѣнія кн. Потемкину и, когда громада обратилась къ его управляющему за утвержденіемъ новаго священника, управляющій посовѣтовалъ ей обратиться къ игумену Мотронинскаго монастыря. Уніатскій священникъ Поповки, узнавъ объ этомъ, самъ поспѣшилъ въ монастырь и изъявилъ готовность перейти въ православіе, но такъ какъ онъ нѣсколько разъ переходилъ изъ уніи въ православіе и обратно, то ему на этотъ разъ отказали. Тогда онъ вернулся въ Полтаву и продолжалъ отправлять богослуженіе. Поповцы обратились къ благочинному и онъ посовѣтовалъ имъ до времени отправлять православное богослуженіе въ частномъ домѣ, взявъ необходимыя облаченія и книги изъ церкви, гдѣ ихъ имѣется достаточно для двухъ священниковъ, что крестьяне и сдѣлали. Между тѣмъ Потемкинъ отказался отъ вмѣшательства въ споръ и крестьяне должны были покориться уніатскому священнику.

Когда началась тревога по поводу предполагаемаго бунта, на Андріевскаго подан былъ доносъ. Узнавъ объ этомъ и ожидая ареста, онъ предложилъ крестьянамъ не выдавать его и, когда крестьяне отказались, мотивируя отказъ боязнью за себя, и совѣтовали ему бѣжать въ монастырь, сказалъ: «Никакой монастырь не охранитъ меня, вы же потеряли, какъ вижу, всякое мужество: не такъ поступали ваши предки въ славное время Хмельницкаго». На другой день Андріевскаго арестовали, нашли у него въ домѣ 4 ружья (онъ былъ охотникъ), два пистолета, кухонный ножъ и рукописную книгу на русскомъ языкѣ. Житомирскій гродскій судъ призналъ Андріевскаго виновнымъ въ оскорбительныхъ отзывахъ объ уніи, подговорѣ крестьянъ с. Поповки взять изъ церкви богослужебныя принадлежности и крестьянъ с. Бабичей оказать сопротивленіе при его арестѣ и, наконецъ, въ томъ, что онъ разсказывалъ крестьянамъ о бунтѣ Хмельницкаго и читалъ объ этомъ отрывки изъ найденной у него рукописи. Злополучную рукопись пробовали читать и члены коммиссіи и члены гродскаго суда, но не могли прочитать, такъ какъ она была написана по-русски. Сыскали какого-то канцеляриста, умѣвшаго читать по-русски, и онъ далъ такой отзывъ: «книга эта заключаетъ много ложныхъ разсказовъ о козакахъ и написана злостно, съ желаніемъ возбудить отвращеніе къ полякамъ». Книга эта, судя по нѣкоторымъ признакамъ, была лѣтописью Грабянки или Самовидца. Судъ призналъ свящ. Андріевскаго человѣкомъ вреднымъ для края и приговорилъ къ работамъ въ Каменецкой крѣпости на 12 лѣтъ.

Намъ остается еще ознакомиться съ дѣятельностью Брацлавской коммиссіи. Коммиссія эта нѣкоторое время колебалась въ виду, съ одной стороны, тревожныхъ извѣстій отъ Волынской коммиссіи, съ другой, успокоительныхъ заявленій самаго крупнаго брацлавскаго помѣщика Феликса Потоцкаго. Она издала универсалъ къ помѣщикамъ, въ которомъ рекомендуетъ имъ мѣры предосторожности, сходныя съ мѣрами, которыя рекомендовали и другія коммиссіи, и просила Фел. Потоцкаго прислать отрядъ войска. Потоцкій исполнилъ просьбу, хотя въ письмахъ, адресо-

ванныхъ въ коммиссію, отрицалъ существованіе заговора и рекомендовалъ при разслѣдованіяхъ большую осторожность. Коммиссія довольно тщательно допрашивала обвинявшихся крестьянъ, но кромѣ угрозъ, произнесенныхъ въ раздраженіи или въ цьяномъ видѣ, никакихъ признаковъ бунта не открыла. Задержанные маркетаны оказались всѣ людьми мирными и снабженными паспортами. Поручикъ Ястржембскій, командовавшій военнымъ разъѣздомъ по воеводству, также доносилъ, что вездѣ господствуетъ полное спокойствіе. Послѣ того всѣ арестанты были освобождены, и подкоморій Островскій созвалъ всѣхъ дворянъ на сеймикъ въ Винницу и здѣсь было рѣшено, что такъ какъ слухи о бунтѣ не основательны, то мѣръ, принятыхъ коммиссіею, совершенно достаточно. Объ этомъ коммиссія донесла въ Варшаву сейму и получила отъ него благодарность. Коммиссія снова издала универсалъ къ помѣщикамъ въ успокоительномъ тонѣ и въ такомъ же тонѣ сносилась съ Подольской и Волынской коммиссіями. Затѣмъ коммиссія озаботилась приведеніемъ въ исполненіе постановленія сейма о принесеніи православными священниками присяги на вѣрность королю и речи посполитой, но оказалось, что во всемъ Звенигородскомъ повѣтѣ только два безприходныхъ православныхъ священника, отъ которыхъ никто и не требовалъ присяги. 26 монаховъ въ м. Бершади отказались принести присягу и были высланы за границу. Засѣданія Винницкаго гродскаго суда хотя и были открыты, но о результатахъ его дѣятельности свѣдѣній нѣтъ. Дѣла объ арестованныхъ, производившіяся въ коммиссіи, были признаны пустячными или не имѣющими отношенія къ бунту. Такими же пустяками оказались и обвиненія, взведенныя на нѣсколькихъ священниковъ.

Е. Кивлицкій.

БИЛЯ МАШЫНЫ.

I.

Пивдня. Сонце пече, наче пидрядылось зробыть за сёгодня зъ земли перепичку. Де не станешъ, здается кругъ тебе и згоры, и знызу пала́ якась велетенська пичъ и шугае безъ перестанку пекельнымъ полумъямъ. Дыхаты важко.

У поли пусто вже. Не веселять очей густи, довги ряды кипъ, не луна у яру дзвинъ косы: голо и сумно; подыхае осинью.

По шляхахъ и по межахъ подекуды суне поважно гарба зъ снопамы. На пій, задравшы догоры голову, лежыть соби якый-небудь засмаленый зъ билымы плямамы хлопець и хлёска иноди згоры батижкомъ. Ёму сонце не вадыть. Часомъ, пидвившысь, винъ крыкне линыво «гей», плюне черезъ губу и зновъ розляжется и тягне безкраю писню свою.

Гинъ на трое видъ села Цурупалокъ иде машына пана Скшембжховського. Тутъ вже чысте пекло. Попадешъ сюды и зъ початку ничого не розумiешъ: стукъ, грякъ, гвалтъ, якыйсь ревъ, якыйсь свыстъ, чогось крычать, десь смiются, порохъ, полова, дымъ... Кризь туманъ, що стоить навкругы, выдно щось велыке й червоне, чуты, якъ сердыто гуде и грюкоче воно. Тилькы оговтавшысь трохы, почынаешъ розумыть сю просту картыну. Стоить соби добросердна ненажерлыва звирюка, гуде, грю-

котыть, а люде нхають ій въ пащу и не вспивають нагодуваты ій. Зъ радиснымъ ревомъ хапае вона снипъ за сноиомъ, трощыть ёго зализнымы зубамы своимы и зновъ голодно й жалибно реве та гуде. Не вспіють пьятнадцятеро засмаленыхъ, запорошеныхъ, жывыхъ истоть выгребты зъ пидъ неи, якъ треба зновъ нхаты ій въ пащу, бо сердыто гуде вже и клаца порожнимъ барабаномъ. Не вспіють всунуты снопа, якъ вже летыть полова, и солома пиднимается горою пидъ соломотрясомъ. И пьятнадцятеро прыслужныкивъ, гукаючы, поспишаючы, одкыдають, розмазують на-швыдку пить по лыци и зновъ пидхоплюють зъ пидъ неи и зновъ одкыдають до хлончыкивъ. А си тежъ не дримають: зачепывшы куну волокомъ, тягнуть до велыкыхъ, жовтыхъ ожередивъ, на якыхъ выдно тилькы брыли дядькивъ та довги вила. Робота кыпыть.

А машына гуде и наче ажъ ревне радисно, якъ попадае зразу добрый шматокъ. Въ такыхъ выпадкахъ машыныста Арсентій Трохымовычъ звычайно сердыться и щось крычыть до барабанщыкивъ: але ти нибы не дочувають. И цилисенькый день ій годують и пидбирають зъ пидъ неи. Визъ пидйизжае за возомъ, гарба за гарбою. Вже позвозылы зъ Розкопаного яру, вже почалы зъ Чортовои пасикы, а звирюка все реве и голодно клаца своимы колесамы, пасамы, соломотрясамы.

А сонце пече. Пить вже не вытырають и винъ вильнымы пляхамы розходыться по запорошеныхъ лыцяхъ, выбираючы де меньше пороху.

Молодый економъ, панъ Гудзыньскый, або, якъ звуть ёго селяне, Гудзыкъ, ходыть злый и темный, якъ хмара. Винъ то пидійде до паровыка, байдуже нибы подывыться на дорогу, що йде до села, то зновъ вертается назадъ злый и похмурый. На ёму черкасыновый, сталёвои масты пиджачокъ, высоки комирчыкы зъ червонымъ галстучкомъ, и рыженьки штанци въ чоботы. На голови ярусный, сыній картузъ зъ реминцемъ, на руци довгый, зложеный удвое, нагай.

Вси люде коло машыны непрымитно, але пыльно слидкують за нымъ. Вси бачать, якъ гостреньке, засмалене лычко ёго що

разу робыться гострише, губы тоньчають и вся невелычка постать ще бильше зменьшуется. Винъ се знае и се пиднимае у ёго тупу, глуху ненависть до ныхъ. Винъ знае, що имъ усимъ до о́дного видомо, кого винъ выглядае такъ пыльно и чого такъ выглядае. Винъ знае, що имъ навить видомо, колы винъ буде винчатысь зъ Глыкерею Парменовною; видомо, скилькы дае ёму батько ій монопольщыкъ выкупного за надзвычайно велыки зубы, за коси очи, за 28 годъ своеи дочкы, «модыскы». Видомо имъ и те, що винъ кожного дня прыймае ій биля машыны, прывча до хазяйства (бо вона була въ городи «модыскою»); видомо, що винъ зъ велыкою охотою замисць сёго запхнувъ бы ій въ пичъ паровыка, якъ бы дала впередъ гроши; видомо, що винъ ненавыдыть ій такъ, якъ ненавыдыть заразъ всихъ, що биля машыны.

А по дорози, що йде до села, а ни лялечкы. Гудзыкъ корчыть байдуже лыце, повертается и злистно накыдается на першого, хто попадается пидъ руку. Лается гостро, ехыдно и зъ ненавыстю.

— Ачъ, яка зъ неи робота!—зъ прызырствомъ тыкае винъ нагаемъ пидъ машыну.—То по твоёму робота? То робота, пытаю, кукла ты амерыканська?!

— Якъ грабли коротки...—почына дивчына и змовкае: панъ Гудзыкъ заразъ же выхоплюе у неи грабли, засовуе далеко пидъ машыну и выгортае купу половы.

— Кукла!—шыпыть винъ, кыдаючы на неи граблыщемъ. Дивчына вынувато ухыляется и ловыть грабли.

— Тоби до машыны ставаты? Дитей няньчыть у жыдивъ, жыдивська помыйныця ты!... Ачъ, яка красуля!... Куды-ы-ы жъ супешъ, герге-е-по!—зновъ хапа винъ грабли и поверта въ другый бикъ. Дивчына покирно посовуется за граблямы.

— Кукла йегыпетська!—злистно кыда винъ и одходыть.

На-а-а моды-ы-сци сарахв-а-анъ...
Биля неи Гудзыкъ панъ...

чуется десь за соломотрясамы и на всихъ лыяхъ зъявляетсця весела ўсмишка.

Добре, добре!—думае Гудзыкъ, идучы до паровыка. Заспиваете вы у мене не такъ! Я вамъ заспиваю. Що то вы заспиваете, якъ за гришмы прыйдете!..

И винъ выразно соби уявляе, якъ въ суботу прыйдуть «воны» за росчотомъ, а винъ нахылыть голову на бикъ и, нибы жалкуючы дуже, сумно одповисть имъ: «Бида, хлопци! Не прыславъ панъ грошей, визьмете вже мабуть въ ту суботу»...

И хоча воны добре знають, що се правдыва брехня, хоча знають, що винъ виддае имъ же ихни жъ гроши за проценты, що навить заразъ у ёго въ кышени йе гроны, постоять, погомонять, почухаются и пидуть соби зъ Богомъ до другои суботы. Бо не ихня тутъ сыла, а ёго, бо не винъ у ихнихъ рукахъ, а воны у ёго. И знае винъ, що ненавыдять воны ёго, що покирлывисть ся до часу до годыны, знае, що погано буде ёму, якъ и винъ попадется, але видъ сёго ще бильша ненависть закыпае до ныхъ.

По дорози ни души. Гудзыкъ зновъ робыть байдуже лыце и повагомъ иде до машыны. Писня ще дужчою хвылею несется зъ-за соломотрясу и жене кровъ Гудзыкови у голову. Настрій накыпае. Хочется когось ударыть, прыгнитыть, хочется чымъ-небудь выявыть накыпиле почуття.

— Карпо!—гукае винъ до прысадкуватого, шырокоплечого парубка въ сынихъ пукатыхъ окулярахъ, яки носять звычайно ти, що стоять биля соломотрясу.—Ты на гулянку прыйшовъ сюды? Забирайся на мисце!..

Карпо повертае до ёго запорошене лыце зъ шырокымъ носомъ и товстымы губамы и заразъ же зновъ нахыляется до парубка, що выгортавъ полову зъ-пидъ машыны.

— А якъ не схоче сёгодня заплатыть усимъ, кыдаты заразъ же всимъ роботу... До одного!—бурмоче винъ.—А якъ буде хто... тее... значыть, не прыставать до насъ, пидъ ребра и аминь...

— Карпо!!..

— И не зацепыть идолу!—усмихается Карпо, не дывлячысь на Гудзыка.—Гудзя проклята!.. Дакъ ты жъ гляды: якъ зъявыться модыска, заразъ же катай до мене...

Парубокъ пидводится, выправля спыну и вытера питъ.

— О, Гудзя вже бижыть сюды!—тыхо промовля винъ до Карпа и зновъ нахыляется пидъ машыну.

— Хай бижыть!—байдуже, кризь зубы, цидыть Карпо и тыхо йде соби до соломотрясу.

На модысци-и-и сарахва-а-нъ

—голосно заводыть винъ, проходячы повзъ Гудзыка, що вже наблызывся до ёго, и заклада рукы за спыну.

Коло неи Гудзя панъ...

— Карпо!!—вызвиряется Гудзыкъ,—ты на проходку прыйшовъ сюды? Мурляка чортова!

Гей, модыска моя, ты любезная моя!..

Биля машыны прокочуется регитъ и Карпо важно проходыть до соломотрясу, голосно выспивуючы.

— Н-ну!—дывлячысь ёму вслидъ, промовля Гудзыкъ и стыснувшы губы, йде за паровыкъ,—це тоби не мынется такъ!

Ненавысть давыть ёму груды до болю. Кожне засмалене лыце, кожный хрыплый голосъ робитныка дратуе ёго и выклыка бажання помстытысь, прыдавыты, показаты, що сыла ёго, а не ихня.

— Зновъ солому розкыдавъ, вахляяко!—зупыняется винъ биля паровыка и пыльно дывыться прямо въ лыце качагарови.— Зновъ тоби говорыты це, бодай зъ тобою лыхо говорыло, чорта дурного шматокъ!

Качагаръ, высокый, млявый Даныло, одводыть поглядъ видъ печи, мовчкы, понуро обдывляется навкругы и зновъ задумлыво дывыться въ червоне полумья.

— Та до кого жъ я говорю!?—вмыть скажено вырывается у Гудзыка фыстулою.—Солому мени!

Даныло мовчкы повертается и почына пидкыдаты солому ногамы.

— Ачъ, дурне быдло чымъ пидгортае.—Грабли. ёлопе, визьмы, грабли!..

Дапыло иде кудысь за граблямы.

— А ты жъ куды? куды бижышъ? —пакыдается Гудзыкъ на дивчыну, що вытыраючысь фартухомъ, наблыжалась до дижкы зъ водою.

— А вже жъ не выглядаты когось!—насмишкувато кыда та и пидставля рота пидъ чипъ. Гудзыку хочется кынутысь на неи, здавыты за горло, загрызты іи, але... дывится тилькы, якъ вода тонесенькою цивкою збигае зъ-пидъ чопа у вытянути губы дивчыны и почувае, якъ злисть наче грудкою важкою проходыть по ёго грудяхъ.

— Ху,—напывшысь, втырается дивчына и нибы до себе додае зъ дывуваннямъ:—И чого іи такъ довго немае? Кумедно!—И, зареготавшысь, хутко бижыть до машыны.

II.

А модыскы нема. Сонце, немовъ утомывшысь, стало сидаты и зъ поля повіяло свижымъ повитрямъ. Здавалось, робота повынна бъ йты жвавище, а тымъ часомъ биля машыны коилось щось чудне. Почынаючы зъ барабанщыка Андрона и кинчаючы погонычомъ Мыхалкомъ, всима опанувала якась млявисть и неохота. Биля ожередивъ стоялы навезени й не выкыдани копыци, коло соломотрясивъ иноди набиралось стилькы соломы, що треба було спыняты машыну, щобъ даты ій ходъ; полова пидпирала машыну и спыняла колеса, що черкалысь по ній; навить жыдкы биля віялокъ чымсь булы заклопотани и не зверталы увагы на роботу. Гудзыкъ не вспивавъ лаятысь. Кыне одного, треба бигты до другого; розигнавъ одну купку, що палко про щось говорыла, въ другому кутку вже держыть якусь промову Карпо. На барабани смихъ, регитъ, пидъ барабаномъ палки балачкы, всима опанувавъ якыйсь интересъ. Машына все частишъ и частишъ голодно гуде й гуркае, возіи все частище чогось барятся, а вси навить на се й не звертають увагы.

Гудзыкъ почына догадуватысь, почына розумить сей настрій и страхъ холодыть ёму серце. Зъ ненавыстю дывится винъ, якъ

настрій обхоплюе навить качагара Даныла, прымушуючы того жвавище сунуть солому и повертать здоровенною коцюбою.

«Ничого, ничого, я вамъ покажу, пидождить вы, мурлякы прокляти!»—думае винъ и ще енергійнище бига й лается.

— Чого жъ ставъ? Чого ставъ? Пидйизжай, пидйизжай!!—накыдается винъ на возія-парубка, що, балакаючы зъ дивчатамы, пидбиравъ вижкы и збирався пидйизжать до машыны. Парубокъ здрыгнувся и, поспишаючы, шарпнувъ й зацмокавъ на коней.

— Куды жъ ты? куды? Куды вернешъ, гаспыде? Въ ма-а-шыну, прóклятый, въ машыну, ироде, вйидешъ, бодай ты на могылкы выйихавъ! Собъ держы! Собъ, тоби говорю!!—скажено, несамовыто верещыть Гудзыкъ и пидбигае до коней. Схопывшы за вижкы, винъ круто повертае, визъ раптомъ перехыляется и въ куши зъ парубкомъ, пидъ акомпаниментъ крыкивъ й смиху, тыхо, поважно лягае на землю. Земля навкругы вкрывается снопамы.

— Ну, отъ!..—похмуро буркае парубокъ, встаючы зъ пидъ снопивъ и сердыто почынае шукать картуза. Гудзыкови и ніяково, и досадно за сю ніякивисть, и злисть ажъ кыпыть до «мурлякивъ», що прыкладуючы и глузуючы, регочутся зъ ёго.

— Бачъ, що наробывъ! бачъ, кукла амерыканська, що наробывъ! — шыпыть винъ до парубка.—Покорчыло бъ тоби, анафема!

— А чого жъ шарпалы...—не дывлячысь на ёго и выгрусюючы картуза, кыдае «анафема»!—Теперъ пиднимай...

— «Пиднима-а-й»!—перекрывляе Гудзыкъ,—за печинкы бъ тебе пидняло, ироде... Пиднимай же, чого жъ стоишъ, дубомъ бы тебе поставыло!..

— А що я самъ ёго буду пидниматы?—вмыть вызвиряется парубокъ и люто пхае ногою снипъ.—Та хай воно тоби сказыться!.. Самъ шарпнувъ, перекынувъ, ще й лается... Гроши дай, онъ що!..

Винъ скинчывъ поганою лайкою и нервово одійшовъ до коней. У Гудзыка ажъ серце замерло видъ «тоби», «самъ», «дай» и гыдкои лайкы. Що жъ це? Колы це було? Колы це було, щобъ якый-небудь хлопъ насмилывся сказать ёму, панови економови,

«ты»? Колы було, щобъ воны до того забулы свое становыще, що высловлювалы голосно свое незадоволення? Було жъ навить, що робылы ёму мало не задурно и то не казалы «гроши давай». Бувало не тыждень, а мисяци не бачылы зароблены хъ грошей, а все жъ не крычалы; мовчалы, чекалы и може и лаялысь, та все це нышкомъ. А теперъ?... И Гудзыкъ пыльно, зъ страхомъ обдывляется навкругы и... трохы заспокоюется. Лыця хоча и похмури, сердыти, але чого-небудь нового не выдно. Щобъ заховать свое ніякове мовчання писля парубковыхъ сливъ, винъ такъ само мовчкы одходыть.

Парубокъ же, постоявшы биля коней, повозывшысь тамъ, пидійшовъ зновъ до воза и суворо гукнувшы возівъ на допомогу, ставъ пидсовувать плече пидъ драбыну. Возіи позлизалы зъ возивъ и тежъ сталы ходыть и вышукувать мисця, де бъ зручнише пидмостыты спыну. Почалось пиднимання зъ лайкою, смихомъ, зъ одпочынкамы й балачкамы. А тымъ часомъ машына голодно ревла, лящала пасомъ и наче сердылась, що барабанщыкы стоять соби и весело балакають, подывляючысь на обыдва бокы у нызъ. И зъ другого боку тежъ щось трапылось, бо нихто й не гадавъ подаваты снопивъ. Вси спочывалы и зъ цикавистю слидкувалы за пидійманнямъ воза. За скыртамы лаявся Гудзыкъ.

— Ей, чорнява!.. Чорнява на три пальци пидъ носомъ, бодай ты выросла!—Чуется вмыть зъ барабана и пидъ машыну загляда запорошене зъ пукатымы, сынимы окулярамы на носи лыце барабанщыка Андрона. И кримъ сыхъ окуляривъ, чорныхъ якыхъ-сь купокъ на мисци вусивъ и носа ничого за порохомъ не выдко. Губы зложени зовсимъ серьёзно, тилькы куточкы зрдыгуются посмишкою.

Дуже высока, зовсимъ билява дивчына, до котрои гука винъ, навить не поворухнется, задывышысь на воза.

— Ей, ты! Чорнява!.. Била хустына!.. Тю! Федоська!

Федоська здрыгуется, повертается и почынае шукаты очыма.

— Сюды! сюды лупны!

Федоська пиднима голову и, забачывшы Андрона, усмихается.

— Иды сюды...—кывае той головою. Дивчата кругъ ёго весело посмихаются и напередъ почувають задоволення.

— Чого?

— Та йды, дурна!.. Иды,—я тебе спонаравывъ... Иды, мое серце...

Дивчата сміются, а зъ пымы й Федоська.

— Та йды, не бійсь: я мнякый..., якъ вискъ на морози. Ну?.. Воды прынесешъ...—додае винъ, пиднимаючы видро.

Дивка неймовирно дывыться на дивчатъ, на видро й рушае. Черезъ хвылыну голова ій зъявляется на барабани.

— Ты выросты хочешъ?—вмыть серьёзно повертается до неи Андронъ и пыльно дывыться въ лыце.

Дивчата, що дывылысь на ёго, и соби поробылы серьёзни облычя, вмыть пырскають зо смиху и чекають одповиди видъ сторопилои Федоськы.

— Ну, выдно, що хоче,—не посмихаючысь навить, провадыть дали Андронъ и бере Федоську за кинець хусткы.

— Такъ колы на це вже йде дило,—говорыть винъ,—то ты зробы отъ що... Та стій дурна! Чого жъ тутъ соромыться? Хочешъ выросты, то росты, Богъ зъ тобою... Що жъ тутъ? Такъ, значыть, зробышъ такъ...

— А, та ну васъ! Сміются!.. Пустить...—вырывается Федоська и хоче злазыты внызъ.

— Стопъ, стопъ! Пидожды... Я маю справди сказаты тоби де-що. Чекай-но!.. Карпо говорывъ тамъ у васъ, щобъ завтра не йты на роботу?..

— Говорывъ... И про модыску...

— Усимъ?

— А я знаю? Чула, якъ казавъ...

— Дакъ отъ що: пиды заразъ найды Карпа и скажы ёму такъ: колы буде вже усе гаразды, хай прыйде на барабанъ. Треба, щобъ почыналось у насъ... Розуміешъ?—нахылывся винъ до Федоськы и несподивано зробывъ ій по губахъ «тпрунькы». Федоська ажъ одкынулась назадъ й плюнула, колы тымъ часомъ дивчата весело реготалысь.

— Скажешъ же?

— Та скажу.... А якъ модыска прыйде?

— Тоди все буде... Ну, рушай... Высока росты!

— Етъ!—соромливо махнула Федоська рукою й зныкла. Але не встыгла ще зовсимъ сховатысь ии хустка, якъ заразъ же зачувся голосъ Гудзыка:

— Чого... треба... Лазыла?...

— О, Гудзя вже!—ненавыстно муркнула одна зъ дивчатъ и стала готуватысь, щобъ прыйматы снопы видъ парубка, що вылазывъ уже на поставленый визъ.

— А ты, Андроне, замисць того, щобъ згребты та податы въ барабанъ смиття, регитъ зъ нымы заводышъ?—почувся черезъ пивъ хвылыны незадоволеный, але здержаный голосъ Гудзыка и на барабани зъявылась его голова.—Такъ робыты не можна!

— А якого жъ биса не даютъ снопивъ?—похмуро кынувъ Андронъ, дывлячысь кудысь у бикъ.—Пальци жъ свои не посуну. Я те-жъ не каторжный... Хочъ бы ще знавъ, що гроши матыму й за таку роботу, а то робышъ за панське спасыби...

Гудзыкъ нибы не дочувъ и злизъ зъ барабана, ничого не одповидаючы. Винъ зна, що зъ барабанщыкомъ поводытысь, якъ зъ простымъ робитныкомъ, не можна. «Въ барабанъ даваты,—не въ соломи спаты», кожный скаже и кожный барабанщыка поважае.

— Та й зъ смиттямъ для тебе возытысь не буду,—додае Андронъ, дывлячысь Гудзыкови вслидъ.—Хиба цей снипъ укынуть? Ухъ!—вмыть повертается винъ и робыть рукамы, нибы згортае снипъ и хапае тымъ часомъ одну зъ дивчатъ за ногы. Та злякано одскакуе и, регочучысь за всима, пидхоплюе снопы, що якъ груши сыплятся видъ сердытого парубка. Машына реве, дзыжчыть и вкрывается зъ горы до нызу туманомъ пороху й половы. И вси за нею, хочъ и мляво, нибы ожывають. Дивчата, перегукуючысь и иноди лаючысь, тягаютъ лантухы зъ зерномъ зъ-пидъ машыны до велыкого вороху. Хлопчыкы, похлёскуючы зъ затурбованымы и поважнымы пычкамы, не вспиваютъ тягаты купу за купою жовтои, побытои соломы. Соломотрясы, половотрясы зъ сту-

комъ, зъ грякомъ, безъ перестану выкыдають солому й полову и сирымъ шаромъ пороху вкрывають лыця робитныкивъ, що, якъ комашня, обсилы навкругы машыну. Навить Андронъ затыхъ. Мицно насунувшы на лобъ картуза, розставывшы ликти, винъ зъ запаломъ якымсь хапае снипъ за снопомъ и майстерно розистлавшы ёго, суне въ зализную пашу машыни. Разъ за разомъ чуется дзыжчання й ревиння машыны-звирюкы, котру все бильше и бильше роспалюе Даныло. До сёго прылучается жалистна писня жыдкивъ-млынщыкивъ биля вороха зерна и стукотиння вiялокъ и решетъ. На рядахъ лантухивъ, що въ тры поверха наложени биля ныхъ, сыдять замурзани жыденятка, зъ лушпайкамы изъ дыни въ рукахъ и традицыйнымы хвостыкамы зъ-заду.

Одынъ тилькы Карпо не бере участы въ сёму концерти. Не вважаючы Гудзыка. винъ похожае соби мижъ робитныкамы, зупыняется, балакае и пробирается дали. Писля ёго, розмовы стають жывищи, а робота бильше млявою.

— Плачешъ?—протыскуючысь помижъ граблямы, що нымы дивчата одгорталы полову, нибы байдуже кыдае винъ до дивчыны въ чорнiй хустци и зупыняется. Та швыдко пидводится й дывыться на ёго.

— Еге! драстуйте, Хымо!—иронычно уклоняется винъ.— Нибы не розумiе... Черезъ мисяць Гудзыне весилля жъ...

— Ну, то що?

Карпо трохы одходыть на-бикъ видъ купы половы, що суне якась жиночa постать и нациляется говорыты.

— Ну та що, що женыться?

— Байдужé?

— Iхи!—хыта зъ прызырствомъ головою Хыма и зновъ нахыляется, але заразъ же пидвившыся, додае:—не бачыла твого Гудзи!.. От-то! пхи! Винъ мени потрибный!..

Але Карпо по очахъ, по занадто байдужому голоси бачыть, що iй не зовсимъ вже такъ байдуже, якъ бы iй бажалось вдаты. И ревныстъ ущыплыво пронызуе груды и крывыть товсти ёго губы злою посмишкою. Винъ скыда сыни окуляры й почына для чого сь мняты ихъ въ рукахъ. Маленьки сири очи

ёго якось чудно биліють своимы чыстымы викамы середъ запорошеныхъ щокъ и пыльно розглядають шнурокъ зъ окуляръ.

— То бъ то тоби ажъ ницъ-ничогисинько?—яко мога байдуже и навить насмишкувато зновъ кыдае винъ.

Хыма не одповидае и старанно выгорта зъ-пидъ машыны полову.

— И вчора може, скажешъ, того до мене не выйшла, що зновъ батько не пустывъ?

— А вже жъ...

— Хм... А кого жъ то вчора Сыдиръ бачывъ биля економовои кухни?

— И-и-и!!—сплеснувшы рукамы, пидвелась зразу Хыма и такъ подывылась розкрытымы очыма на Карпа, що кожный, глянувшы на неи, зразу сказавъ бы, що ін и здывувала, и образыла така брехня. Але Карпо по оцёму саме й побачывъ, що вона тилькы вжывае дуже знаёмого ёму засобу брехни.

— То бъ то такъ не було?

— Отъ нехай мене Господь побье, колы я вчора бачыла ту кухню и того економа, хай винъ сказытся! Винъ мени потрибный, якъ сыроти трясця... Ото прычепывся! Не бачыла якогось економа... Яке счастя, пхи!

— А де жъ у тебе взялася зъ кытыцямы хустка?

— О!.. Хустка... Титка прыйизжала й купыла...

— А Гудзя казавъ, що купывъ и ще самъ показувавъ Сыдорови...

— О!.. Сыдорови?.. Такъ...—змишалась Хыма и скорище нагнулась до половы.

— Ага, піймалась!..

— Пхи! піймалась... Ніякои я хусткы видъ ёго не брала. Ты разъ-у-разъ чипляешся... Якъ батько не пускалы, то чымъ я выння?.. Потрибный винъ мени... Мале, погане...

И, похмурывшы лыце, Карпо одійшовъ до соломотрясу.

— Зновъ зъ Карпомъ?—пропустывшы зъ суворымъ поглядомъ повзъ себе Карпа и зупыняючысь биля Хымы, промовывъ Гудзыкъ.

— О! «Зъ Карпомъ!» Винъ мени потрибный!.. То винъ грабли мени набывъ, бо усе чогось спадають... «Зъ Карпомъ»!

И ображена Хыма енергично засунула грабли пидъ машыну.

— Що жъ винъ тоби тутъ говорывъ таке, що ты такъ рукамы плескала?

— «Що говорывъ»... Говорывъ, що... А вы на що усимъ розсказуете, що подарувалы мени хустку... Уси парубкы вже знають... Гарно якъ!

— Хто розсказувавъ?—здывувався Гудзыкъ.

— Ум... ще й нибы не знають!

— Та йды къ чорту! Що я дурный розсказувать?

— Ну-да... А Карпо казавъ, що вы казалы Сыдору...

— Бреше! То винъ выпытать у тебе хотивъ... А ты й перелякалась свого коханого та й плетешъ чортъ-зна-що...

— Эге, «коханого»! Такъ... Потрибный винъ мени... Пхи!..

— Брешешъ!

— О! «Брешешъ»!..

— А вже жъ брешешъ, бо Мошко самъ тебе бачывъ зъ нымъ за старымъ млыномъ...

— И-и-и!—сплеснула рукамы Хыма и шыроко-росплющенымы очыма подывылась на Гудзыка. Але той подывывсь ій въ вичи, плюнувъ и одійшовъ. Хыма зъ прызырствомъ подывылась ёму вслидъ, хытнула головою и зновъ нахылылась пидъ машыну.

— Ни, цей Карпо щось такы зативае,—думавъ Гудзыкъ, идучы повагомъ до свого доглядного пункта,—тутъ щось... Хм...

Нехай, нехай... Онъ навить и цей щось коверзуе... Ачъ... прóкляти мурлякы!

— Чого жъ рота роззявывъ? Поганяй!—накынувсь винъ на хлопчыка въ картузи по сами вуха, що стырчалы, якъ у мышы, и билыхъ штанцяхъ на одній шлейци.

— Та волокъ одчепы, мацапуро!... Повылазыло?

Хлопчыкъ перелякано сёрбнувъ носомъ, спынывъ конячынку, що вивъ за недоуздокъ, и ставъ возытысь биля канату.

— У-у, куклы!—муркнувъ зъ невымовною злистю Гудзыкъ и, одійшовшы трохы, ставъ дывытысь на шляхъ. Биля самого села по дорози ворушылось щось чорне. Черезъ хвылыну воно було вже бильше, черезъ дви—ще бильше, выдко, що наблыжалося дуже хутко.

Нибы верхы, нибы пишкы...—дывувався Гудзыкъ, прыставывшы руку до козырка зъ реминцемъ.—Бижыть швыдко .. А-а-а! Панъ Янъ на велосипеди!

И Гудзыкъ зъ досадою згадавъ, що винъ на сёгодня обицявъ пану Яну послать до двору гарненьку дивчыну видъ машыны. Не послать не можна, тымъ паче теперъ, колы винъ гадае видходыть и пожывыться на шлюбъ у старого Скшембжховського; послать же нема кого, бо теперъ, мабуть, ни одна не пиде. И дывлячысь, якъ чорне все побильшувалось, винъ хутко ставъ перебираты въдумци всихъ дивчатъ, що булы биля машыны.

— Ага!.. Хыма!.. Послухаемъ, що тепéръ Карпо заспивае... Хм...

И навить дуже задоволеный, винъ ставъ нетерпляче чекаты Скшембжховського. Черезъ хвылыну вже можна було разибраты гарненьке, биленьке лычко пана Яна зъ блакытнымы, невыннымы, велыкымы оычма й свижымы, пухкымы, румъянымы губкамы, надъ котрымы ледве прымитно чорнилы маленьки вуса; можна було навить побачыть на сёму дытячому лыци якусь тупысть, сухисть и надзвычайну чваньковытисть.

Зстрыбнувшы зъ велосипеда, винъ обережно сперъ ёго на лантухы зъ зерномъ и недбало тыкнувъ Гудзыкови руку. Той, звычайно, удавъ дуже задоволеного зъ сёго.

— Proszę pana, сёгодня зовсимъ мало гарненькыхъ. Але я пану покажу, proszę pana...—пидморгнувъ винъ па-пивъ по-прыятельскы на-пивъ по-рабськы, але зъ тымъ колёромъ що, бувае у кимнатныхъ рабивъ.—Дивчынка... Але панъ самъ зобачыть...

Але панъ тилькы холодно дывывся своимы яснымы, дытячымы очима и, прямуючы до машыны, сылкувався пронызаты окомъ туманъ половы и навить хусткы, котрымы дивчата й молодыци захыщалы свои лыця видъ пороху й сонця. Биля машыны замовкло. Парубкы ще бильше нахмурылысь и люто махалы граблямы и выламы, мовъ уявляючы па ныхъ що инше замисць половы та соломы. Навить и дивчата не прояснилы, що бувало разъ-у-разъ, якъ зъявлявся «панычъ». Тилькы де-яки, не втерпившы, бигалы нибы за диломъ то Гудзыка и кыдалы въ «Янека» гострымъ, меткымъ, якъ блыскавка, поглядомъ. Зъ барабана чувся веселый смихъ и голосъ Андрона.

Карцо стежывъ за Хымою и злисть все бильше розлывалась ёму по грудяхъ.

— Ачъ! ачъ!—думавъ винъ, дывлячысь, якъ та то зазырала пидъ машыну, то забигала на другый бикъ и весь часъ мала такый выглядъ, нибы бигала за диломъ и не знала навить, що прыйшовъ «панекъ-Янекъ».

Слидкувавъ винъ и за Гудзыкомъ, слидкувавъ за ёго злорадною, злою усмишкою, зъ якою винъ, нибы жартуючы, хлёскавъ дивчатъ нагаёмъ, показувавъ ихъ Скшембжховскому; слидкувавъ за ёго поглядамы, яки кыдавъ той на всихъ, нибы бажаючы сказаты: «отъ же вамъ! отъ же вамъ»!

Але до смаку «Янека» не знаходылось. Та занадто тонка була, та высока, та велыки зубы мала. «Янекъ» тилькы мовчкы одвертався и рушавъ дали. Вси мовчкы дывылысь просто передъ себе и колы-не-колы перекыдався дэ-хто словомъ.

— А ну, ты!.. Повернысь!—хлёснувъ Гудзыкъ нагаёмъ товсту дивчыну въ билій сорочци и зъ червонымы, товстымы лыткамы, що ажъ «вылыскувалысь» зъ пидъ короткои спидныци.—Ты зъ Цурупалокъ?

Дивка повернулась и, соромлячысь, засміялась.

— Ну?

— Ба ни...

— А звидкы жъ?

— Хи-хи-хи!...

«Янекъ» рушывъ.

— Це погана, prozsę pana...—йдучы позаду зъ ніяковистю промовывъ Гудзыкъ—Ось... Горпыно, Горпыно!

Высока, чорнява дивчына поважно повернулась и зырнула у ихъ бикъ.

— Иды сюды!..

— Чого ще тамъ?

— Та йды... Треба...

Дивка знехотя сперла грабли на машыну и не поспишаючы стала наблыжатысь до ныхъ. Гарни ій очи дывылысь спокійно и холодно.

— Ты тамъ... е... е... Ты одгортаешъ полову?

—А-то-жъ...

— Ну, такъ... той... А чы не багато тамъ дивчатъ? Може... е... е... зайва котра?..

— А я знаю?

— Ну-да... але... Ты отъ що... Передасы комусь грабли и пидешъ до двору... Тамъ панычъ передадуть тобою квыткы... Бо мени сёгодня на вокзалъ треба...

Дивчына подывылась на ёго и зъ прызырствомъ, и зъ насмишкою и мовчкы пишла назадъ.

— Co ż to?—здывовано пиднявъ бровкы панъ Янъ и подывывся непорозумило на Гудзыка.

— Не хоче, хлопка!—злистно кынувъ Гудзыкъ и рушывъ дали. «Панекъ-Янекъ» ще разъ озырнувся на высоку, поважну постать Горпыны й пишовъ за Гудзыкомъ. Перейшлы на другый бикъ машыны. Гудзыкъ ще отвертище ставъ показувать Янкови вси вдачи дивчатъ, ще злораднище повертавъ ихъ на вси боки передъ нымъ и наумысне хлёскавъ нагаёмъ, якъ коровъ на базари.

— Прошу пана, можна мени грабли набыты, бо чысто злазять,—пидбигла вмыть до ныхъ Хыма и кынула гострымъ, палкымъ поглядомъ на «Янека». Гарненьке іи лычыко було вытерте видъ пороху и прываблювало здоровымъ и свижымъ румъянцемъ.

— Грабли?—спытавъ Гудзыкъ и подывывся на Янка, котрый заразъ же вйився въ Хыму очыма, озыраючы іи зъ ныгъ до головы.

— А ся пиде?—спытавъ винъ по-лядськы у Гудзыка.

— Пиде, пиде, proszę pana... Зъ тобою тамъ хто одгортае?

— Федоська, Кылына Галасенкова...

— Ну то отъ-що: кыдай грабли, хай тамъ хтось за тебе одгортае, пидешъ у двиръ...

— Заразъ?

— А вже жъ!..

— Чого?

— Тамъ панычъ дадуть тоби квыткы...

Хыма замнялась.

— Ну?

— Не хочу...

— Що? Що жъ тебе прохаты, чы що? Не базикай же, забирайсь!... Ничого...

— Я до двору не пиду!—твердо промовыла Хыма и повернулась иты.

— Якъ не пидешъ?—скрыкнувъ Гудзыкъ—значыть...

— Хиба я такый страшный—перебывъ его Янъ холодно усмихаючысь до Хымы.—Я не кусаюсь...

Хыма кынула на ёго поглядомъ, трохы подержала ёго въ невынныхъ та ясныхъ очахъ ёго и повернулась до Гудзыка:

— Ну-да, щобъ выгадалы що-небудь...

— Дурна!—нихто ничого не выгадае...

— Еге, не выгадае... Ось и теперъ уси дывляться сюды...

— Та хай дывляться, може повылазыть... А панычъ дадуть тоби тамъ заразомъ и росчотъ за той тыждень... Тоби жъ грошей треба?

— А-то-жъ...

— Ну, отъ... Proszę pana, ій за тыждень рубъ висимдесятъ.

Янекъ хытнувъ головою, глянувъ ще разъ на Хыму и рушывъ до велосыпеду.

— Вона пиде, proszę pana, тилькы такъ... гедзькается... Пиде...

Янекъ ткнувъ ёму руку, стрыбнувъ на велосыпеда и торкнувшысь злегка до кругленького картузыка, хутко задриботивъ ступырямы. Гудзыкъ ще трохы постоявъ, подывывся на дорогу, чы не выдко часомъ «модыскы» и тыхо пишовъ назадъ.

— Ху! Отъ нема чогось модыскы!—крыкнувъ Карпо, кыдаючы вила и дывлячысь на Гудзыка, що проходывъ биля ёго.— Пошыла бъ мени пальчатки... А я бъ ій зубы вставывъ зъ оцыхъ вылокъ... Однакъ рыжки выпадають!..

У модыскы кинськи зубы
На модысци гарни шубы,
Гей, модыска моя, розлюбезная моя!—

—на весь голосъ узявъ винъ и цилый гуртъ заразъ же пидхопывъ твиръ Карпа, що спивавсь на голосъ «Барыни».—

Гвдзыкъ, нибы не чуючы ничого, але укусывшы трохы губы, пройшовъ трохы и заразъ же гукнувъ:

— Хымо! Кыдай грабли, йды до двору!

— Я не пиду-у-у!—почувся голосъ Хымы и зъ-за машыны выступыла ій постать зъ граблямы.

— Гаврыло! А ты знаешъ, скилькы ряботыння у модыскы?— гукнувъ Карпо до высокого, тонкого парубка, що стоявъ недалеко видъ Гудзыка биля воза зъ снопамы.

— А я кому кажу йты?! Заразъ же мени ступай... Визьмешъ квыткы и квытанцыю на вокзалъ... Чуешъ?

— Ну-да-а-а!—плаксыво крыкнула Хыма.—Я не хо-о-чу, нехай хтось другый пиде...

— Такъ не знаешъ? Мыліёнъ та ще й двадцять та пидъ носомъ висимнадцять. А прыданого знаешъ скилькы?.. Пъятьсотъ!

— Карпо!!—ледве здержуючысь, скрыкнувъ Гудзыкъ.—Якъ хочешъ робыты, такъ робы, а не хочешъ, такъ забирайсь къ чортовій матери!

— Хе?—Насмишкувато скрывывъ губы Карпо.—Скажить, яки воны сердыти... Не люблять...

Винъ пиднявъ выла и, схопывшы нымы навыльныкъ соломы, далеко шпурнувъ ии видъ себе.

— Хымко!—вмыть заревивъ Гудзыкъ,—довго ты тамъ будешъ копатысь, закопало бъ тебе въ сыру землю, кукла амерыканьська! Що я жартую зъ тобою, чы якого чорта! Ступай мени заразъ!!

— Ну-да-а, якъ дале-е-ко...—зновъ плаксыво скрывыла губы Хыма.

— Еть!—ришучо пидбигъ до неи Гудзыкъ и, схопывшы грабли, далеко шпурнувъ до лантухивъ зъ пшеныцею.—Забирайсь!

Хыма хмыкнула ще разъ, накынула краще хустку й тыхо пишла видъ машыны. Де-хто гукнувъ ий вслидъ погану лайку, де-хто мовчкы вткнувся въ роботу, а Карпо тилькы сципывъ зубы и навить не подывывся на неи.

Замовкло коло машыны, якъ замовкае, бува, середъ бури й негоды.

Робылы тыхо, не спиваючы, безъ смиху й жартивъ, немовъ чекаючы чого. Навить Гудзыкъ не ходывъ за паровыкъ, а понуро й суворо сыдивъ на лантухахъ, зъ-пидъ лоба позыраючы иноди по робитныкахъ.

Чуты було тилькы ревиння й гудиння машыны, выгукы хлопчыкивъ-погонычивъ та тарахкотиння млынкивъ.

Пройшовъ ще де-якый часъ. Зъ-за паровыка, трохы задыхавшысь, зъявылася румъяна, здорова Хыма. Пошукавшы очыма й забачывшы економа, вона зъ диловытымъ, поважнымъ выглядомъ пидійшла до ёго.

— Казалы панычъ, щобъ вы ввечери зайшлы до ныхъ, щось мають казать вамъ,—вымовыла вона, подаючы якыйсь пакуночокъ, загорнутый въ папиръ.

— Не казавъ про що?—не дывлячысь на неи, спытавъ Гудзыкъ, беручы пакуночокъ и ховаючы ёго въ кышеню.

— Ни; казалы тилькы, щобъ зайшлы.

— Добре.

— Хыма повернулась и такъ саме диловыто почала шукать своихъ грабель.

— Ось! — хытнула головою Федоська на землю биля себе, де лежалы Хымчыни грабли. Хыма пидняла й заняла свое мисце, маючы все такы такый выглядъ, нибы ничого не трапылось и все йде, якъ и слидъ ёму йты. Дивчата мовчалы.

Карпо зразу-жъ побачывъ по ій лыци, по знаёмому ёму дуже вырази въ очахъ и въ куточкахъ губивъ, навить по тому, якъ вона ступала, що не дурно «Янекъ» прыйиздывъ...

Винъ ще мицнище стулывъ губы, нахмурывся и ще зъ бильшымъ запаломъ замахавъ выламы. Солома далеко летила черезъ головы товарышивъ, котри иноди поглядалы на ёго, те-жъ похмури й сувори.

— Кыдайте за мене!—вмыть зупынывся винъ и, кынувшы вила, пишовъ повзъ машыну до дижкы зъ водою. Напывшысь, винъ утерся, пиднявъ окуляры на лоба й тыхо пишовъ побиля дивчатъ, иноди зупыняючысь коло де-кого зъ ныхъ. Гудзыкъ пыльно слидкувавъ за нымъ, не встаючы зъ лантухивъ и похлёскуючы нагаёмъ себе по чоботи. Вси скоса поглядалы на ныхъ кризь порохъ и полову. Машына ревла.

— Федоську!—гукнувъ Карпо, зупыняючысь межъ Федоською и Хымою и скоса подывывся на Хыму. Та те жъ кынула въ ёго поглядомъ и заразъ же одвернулась. Федоська пидвелась и озырнулась на ёго.

— Тоби Гудзя не дарувавъ хустокъ?

— Ни... А що?

— А отъ нашій Хыми не накупыться ніякъ...

Хыма, зачувшы свое имъя, озырнулась до ныхъ, але не розибравшы за галасомъ, незрозумило подывылась на Карпа и Федоську. Карпо, нибы ухыляючысь видъ воза, що саме пидйизжавъ до машыны, пидійшовъ зовсимъ блызько до неи.

— Бидна Хымка вже й не знае, куды ихъ ховаты. То мае хустку за Гудзю, то за паныка-Яныка, то за паныча Станыка.... Клопитъ!

Федоська засміялась и посунула полову до волока.

— Брешы-ы-ы!—зъ призырствомъ кынула Хыма, засовуючы грабли пидъ машыну.

— А що́ давъ панькъ-Яныкъ, чы сережкы, чы хустку?

— И сережкы, и хустку! Ну, то що? боюся тебе, чы що?— повернулась вона раптомъ до ёго и прямо подывылася въ вичи.— Ихи! злякалася!...

Карпо трохы змишався, не чекавшы сёго, але злисть заразъ же ще дужче закыпила и здавыла ёму груды.

— А вже жъ! Поганому выду не бувае стыду!

— Увва! Ты хорошый!... Знаемо!

— Що жъ ты знаешъ?

— Ничого... Знаемо...

— Що жъ ты знаешъ?... У-у-у, паршыва!—злистно штовхнувъ винъ ïи ногою и повернувся йты.

— Ну, ты! халамыдро́!.. Чого бьешся?—скрыкнула Хыма,— бо заразъ скажу панови, якъ ты пидмовляешъ...

Карпо мовчкы повернувся и, не давшы навить скынчыть, зновъ ще дужче пацнувъ ïи ногою.

— Па-а-а-не!—жалибно закрычала Хыма, одсовуючысь видъ ёго.—Халамыдро́!

— Ой, Хымко, гляды!—ледве здержуючысь, проскрыпивъ зубамы Карпо, ненавыстно дывлячысь на неи,—бо и твоёму панови буде, и тоби перепаде...

— А чого жъ бьешся?.. Я тебе зачипала?

— Ты чого чипляешся до дивкы?—вмыть почувся за нымы голосъ Гудзыка.—Иды на мисце!

— Я не подывлюсь ни на твого батька, ни на паршывого Гудзыка, а такъ дамъ, що знатымешъ!—не вважаючы на Гудзыка и не повертаючысь, промовывъ Карпо.—Я тоби покажу, якый я халамыдро, лядська помыйныця!

— Карпо, ступай до соломотрясу!—И мижъ Хымою и Карномъ зъявылась постать Гудзыка. Вси покынулы роботу и, то посхылявшысь, то выступывшы зъ-за машыны, пыльно дывылысь до ныхъ. Тилькы машына ревла и торохкотила порожнимъ барабаномъ.

Карпо мовчкы подывывся на Гудзыка и, повертаючысь иты, кынувъ до Хымы:

— Я тоби покажу, паскудо, пидожды!

— Самъ ты паскуда... Халамыдро!

Карпо вмыть скажено сипнувся и кынувся до Хымы.

— Па-ане!—заверещала та перелякано и, якъ опечена, зирвалася зъ мисця.

— Карпо!—погрозливо крыкнувъ Гудзыкъ, перепыняючы ёму дорогу.—Не смій іи быты!

— А тоби яке дило?—раптомъ спыняючысь, люто повернувся до ёго Карпо.—Ты якого биса лизешъ? Тоби яке дило? Га?

— Я тутъ хазяинъ!

— Плювать я на тебе хотивъ!

— Я тебе плюну!

— Ты?—змирявъ ёго зъ прызырствомъ зъ нигъ до головы Карпо и зареготався.—А ну, попробуй!

— Попробуешъ!

— А ну-жъ, ну, попробуй!—насуваючысь на ёго, пидставлявъ ёму бикъ Карпо.—Ну, быйже, бый!..

— Забирайсь къ чорту, мурло!... Чого лизешъ?..

— Та чого ты дывышся на ёго, Карпо?—почулось десь изъ купы робитныкивъ, що почалы збигатысь звидусюды.—Быйёго, жыройида проклятого!.. Гроши хай дае... Быйёго!..

Гудзыкъ зблидъ и, якъ, бувае, маленькый, завзятый цуцыкъ, що попавъ на чужу улыцю мижъ чужыхъ псивъ, озырнувся на вси бокы. И побачывъ—въ той саме часъ, манирно пидтрымуючы подилъ сытцёвои, билои сукни, жахливо мовъ по багнюци ступаючы по розкыданій полови, зъ-за паровыка наблыжалась «модыска».

— Гу-у-у! гу-у-у! го-о-о! тю-у-у! тю-ю! Моды-ы-с-с-ка, моды-ы-с-с-ска!—вмыть заревлы, зашышилы, засычалы въ валци.—Тю-у-у! тю! Учга-а! тю!

«Модыска» здывовано-перелякано зупынылась и незрозумило стала дывытысь въ ихъ бикъ. Зъ-за скырдъ, видъ возивъ, одъ волокивъ, зачувшы крыкъ и галасъ, збигалысь дивчата, хлопци и поважни навить дядькы.

— Ну, чого жъ ты не бьешъ? Ну, ты! Быйже, бый! Онъ и модыска твоя прыйшла... Та быйже!—ще блыжче насунувся Карпо.

Гудзыкъ блидый весь—тилькы одсувався потроху и, сцыпывшы губы, важко сопивъ носомъ.

— Та вдарь же хочъ разъ... Онъ же и гарапныкъ маешъ!—хытнувъ головою Карпо и, раптомъ зигнувшысь, схопывсь за нагай. Гудзыкъ перелякано сыпнувся назадъ и, шарпнувшы рукою, вперищывъ Карпа нагаёмъ.

— А-а, такъ онъ якъ!—заревивъ несамовыто Карпо и увсимъ тиломъ кынувся на Гудзыка. Той побачывъ тильки, якъ била сытцёва сукня вмыть повернулась назадъ и замыготила за паровыкомъ, почувъ якъ ёго зимняла якась сыла и не вспивъ оглянутысь, якъ опынывся на земли. Потимъ щось дуже гостро вдарыло по зубахъ, по носи, въ роти зробылось солоно-солоно, потимъ почувся якыйсь крыкъ, ёго чого-сь возылы по земли и нарешти винъ опынывся на ногахъ. По лыци й по грудяхъ текла кровъ и въ ухахъ гукало такъ, нибы туды уставлено паровыка. Карпо червоный, зъ розбытымы окулярамы на грудяхъ, стоявъ середъ купы робитныкивъ и палко говорывъ щось, повертаючысь до всихъ. Де-хто тежъ крычавъ щось, де-хто похмуро слухавъ, а де-хто и сміявся. Машына вже не гудила, стояла, такъ що чуть було все.

— Та плювать я на ёго хотивъ!—крычавъ Карпо.—Хай гроши виддасть за роботу! Що? Та я й на суди це саме скажу... Проценты зъ насъ дере за наши жъ гроши, а мы мовчы?.. Ого!.. У ёго нема грошей? Ну-ну! Та заразъ обшукайте ёго та й знайдете... Гроши давай!!—вмыть скажено сыпнувся винъ до Гудзыка, що обтырався мокрою хусткою, яку намочывъ ему машыныстъ. Карпа здержалы.

— Я тоби покажу грошй, нидожды!—промовывъ понуро Гудзыкъ, держучы хустку коло носа.—Ты у мене ще побачышъ, якъ людей убываты...

Винъ уставъ и пишовъ до дижкы зъ водою. Постоявшы трохы биля неи, винъ мовчкы вмывсь и тыхо вернувся до купы. Нисъ ёму розпухъ, почервонивъ и блыщавъ, якъ намазаный саломъ. Подъ ливымъ окомъ свитывъ сынякъ.

— Пускайте машыну!—повернувся винъ до машыныста, що балакавъ зъ Андрономъ.—А вы идить по мисцяхъ!..—кынувъ винъ до робитныкивъ, не дывлячысь на ныхъ.

— У суботу розсчотъ буде...

Всихъ нибы щось пидпалыло. Пиднявся галасъ, крыкы, замахалы рукамы, загомонилы, забалакалы навить ти, що перше ховалысь за другихъ, кожный хотивъ вылыть те, що накыпило за день. Гудзыкъ пригниченный ходывъ видъ паровыка до машыны, заговорювавъ то до одного, то до другого, але, почувшы гыдку лайку, або смихъ, одходывъ и зъ жахомъ дывывся, якъ вси до одного збиралы свыткы, торбы и вси свои манаткы. Ёму не вирылось, що воны покынуть роботу и лышать ёго тутъ самого зъ машыныстою; ёму не вирылось, що машына стане и винъ не встыгне на пислязавтра доставыть на вокзалъ уже продану пшеныцю. Ёму не хотилось вирыты, що воны повсталы проты ёго и вже бильше не послухають ёго.

А робитныкы вже рушалы видъ машыны, дивчата навить и писни затягнулы. И ніякои надіи не лышалося Гудзыку. Лыця булы серьёзни, зъ твердымъ и ришучымъ выразомъ, въ очахъ просвичувала зненавысть до ёго.

— Андроне!—гукнувъ Гудзыкъ.

Вси разомъ зупынылысь, и зъ купы выйшовъ Андронъ.

— Я дамъ заразъ всимъ розсчотъ!—похмуро кынувъ Гудзыкъ и ставъ выймать зъ боковои кышени якусь невелычку кныжечку. Почався розсчотъ.

Колы черезъ якый-сь часъ до машыны, засапавшысь, прыбигла «модыска» зъ своимъ батькомъ и якый-сь ще сыненькый ляшокъ. Гудзыкъ, сыдячы на лантухахъ, вже доличувавъ останнимъ робитныкамъ грошы. Нись ёму рознесло, одне око заплыло и обвелося сынёю смугою, а на губахъ ще лышылася суха, запекла кровъ.

Машына вже ревла, гудила, вкрывала порохомъ усе навкругы и нибы аккомпонувала гучній писни дивчатъ.

Скинчывшы розсчотъ, Гудзыкъ, «модыска», іи батько и сыненькый ляшокъ почалы радытысь...

В. Винниченко.

Ф. С. Морачевскій и его литературная дѣятельность [1]

Малорусское писательство Ф. С. Морачевскаго, какъ было сказано, началось въ 50-хъ годахъ, послѣ переѣзда его въ Нѣжинъ; по крайней мѣрѣ первое изъ извѣстныхъ намъ датированныхъ его стихотвореній относится къ 1854 году. Въ тѣ годы, подъ вліяніемъ политическихъ событій, совершавшихся предъ Крымской кампаніей, муза украинская очень часто являла себя въ печати, патріотически потрясая мечомъ и угрожая врагу—Европѣ полнымъ сокрушеніемъ ея. Недавно мы перепечатали [2] одно такое стихотвореніе изъ Кіев. Губерн. Вѣдом. 1854 г., принадлежащее перу неизвѣстнаго намъ автора, скрытаго подъ иниціалами *Ос. М.*, и начинающееся словами: «Чы вы чулы те, громадо, що Француз изновъ здуривъ» и оканчивающееся угрозою: «Наши шабли гостри дуже,—ще гострійши одъ косы». Такимъ-же воинственнымъ духомъ проникнуто и другое извѣстное намъ стихотвореніе «Дадимо прочухана», напечатанное въ «Московск. Вѣдомост.» 1854 года Ваненкомъ. Совершенно въ такомъ-же направленіи обнаружилась и муза Ф. С. Морачевскаго, напечатавшаго въ «Кіевск. Губерн. Вѣдомост.» 1854 г. (№ 28) [3] свое

---

[1]) См. № 11.

[2]) Кіев. Стар. 1902 г. № 10, отд. 2-й, стр. 15.

[3]) Перепечатано потомъ въ отдѣльной книжечкѣ «До чумака». Кіевъ, 1855 г.

стихотвореніе «Велыкому цареви нашому». Поставивъ рядъ вопросовъ: «за що свитъ нависный» злится на русскаго царя?— авторъ заканчиваетъ стихотвореніе воинственными строками:

Не турбуйсь, нашъ сызый орле,
Тилькы стрепенысь!
Не такіи тучи-хмары
Йшлы на насъ колысь;
Але сонечка не вкрылы
Нашого на мыгъ:
Ще яснійше, ще краснійше
Сяло промежъ ихъ.
Тежъ саме теперъ чекае
Зъ супостатомъ насъ:
Цилый свитъ нехай рушае.—
Справымось заразъ.
Йе въ насъ де гостей незванныхъ,
Йе чимъ частувать,
Нагодуемъ и напоимъ
И положымъ спать!

Достаточно прочесть приведенныя строки, чтобы рѣшить, насколько неудаченъ былъ у Морачевскаго этотъ стиль его украинской поэзіи. А между тѣмъ, увлекаясь духомъ времени, онъ не покидалъ этого стиля и въ 1855 году издалъ въ Кіевѣ цѣлую книжечку своихъ патріотическихъ стиховъ подъ заглавіемъ «До чумака, або война ягло-хранцузо-турецька у 1853 и 54 рокахъ», скрывши свое произведеніе подъ иниціалами *Ф. М.* [1]) По до-

[1]) Въ первомъ изданіи (1900 года) малорусской антологіи «Викъ (1798—1898)» на стр. 188—191-й напечатанъ отрывокъ изъ поэмы «До чумака», приписанный издателями Морачевскому. Мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ произошла ошибка, т. к. нигдѣ не нашли мы никакихъ указаній, чтобъ эта поэма «До чумака», ничего общаго не имѣющая съ тою, о которой мы говоримъ, принадлежала перу Морачевскаго.

стоинству своему это произведеніе не стоитъ особенно выше стихотворенія, напечатаннаго въ «Кіевск. Губерн. Вѣдом.», и единственной защитой его является то обстоятельство, что оно издано «въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ героевъ, защитниковъ Севастополя», какъ это обозначено въ началѣ книжечки. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что стихъ здѣсь гораздо глаже и свободнѣе, рѣчь непринужденнѣе и характеръ изложенія очень напоминаетъ «Энеиду» Котляревскаго: тотъ-же пріемъ юмористическаго разсказа, даже во многихъ мѣстахъ тѣ-же выраженія. Вся поэма построена такъ, что отмѣчаются важнѣйшіе моменты военныхъ дѣйствій, конечно, съ изображеніемъ боевой отваги русскихъ войскъ и ихъ предводителей, и съ неудачами противниковъ. Общій тонъ опредѣляется тѣми строками, которыя находятся въ началѣ разсказа, какъ обращеніе къ французамъ и англичанамъ:

Адзусь, заморськи гольтяпакы!
Забулы, що було колысь?
Такои вамъ втремо кабакы
И пиднесемъ пидъ самый нисъ,
Якои й дядько вашъ не нюхавъ,
Хочъ довго-довго плечи чухавъ,
Зъ горы скотывшыся на нызъ.

Въ этой части поэмы «До чумака», датированной январемъ 1855 года, отмѣчены моменты войны на Дунаѣ, подъ Синопомъ, на Кавказѣ, подъ Кронштадтомъ, подъ Одессой, подъ Соловецкимъ монастыремъ, въ Камчаткѣ и наконецъ въ Крыму. Не станемъ приводить выдержекъ изъ этой напечатанной части, такъ-какъ съ характеромъ этого рода поэзіи Морачевскаго можно вполнѣ ознакомиться по той части ея, которая имѣется у насъ въ рукописи и которая приготовлена была авторомъ для печати въ томъ-же 1855 году (датирована—Нѣжинъ, 20 іюля), но почему-то въ свѣтъ не появилась. Печатать теперь цѣликомъ эту часть мы не считаемъ нужнымъ, т. к. поэзія такого рода имѣетъ временное значеніе, а характеръ ея вполнѣ опредѣлится тѣми отрывками,

которые мы приведемъ ниже, чтобы освѣтить и этотъ періодъ въ литературной дѣятельности Морачевскаго.

Вторая часть поэмы «До чумака» начинается, какъ и первая, обращеніемъ къ чумаку съ сѣтованіями, что онъ опять куда-то запропастился, а между тѣмъ есть о чемъ ему разсказать:

Якъ *Пальмерстонъ* въ своимъ газарти
Русь поража *перстомъ на карти*;
А тутъ *хранцузъ* за нымъ туда-жъ,
Здывованый ёго одвагой,
Махае дядькивською шпагой
И верещыть: *allons*! *courage*!

Содержаніе этой части—отдѣльные моменты осады Севастополя:

Гай-гай! Не хмары небо вкрылы,
Не гримъ кризь тучи гуркотыть,—
То супостативъ нашихъ сылы
На край нашъ рыдный навалылы,
Земля пидъ нымы стугоныть.
Трёхъ царствъ війська, та ще й якіи,
На берегъ Крымськый наляглы—
Мовъ бы не зналы ще Россіи,
Мовъ въ першый разъ до насъ прыйшлы,
Мовъ бы не бачылы й не чулы,
Або сердешныи забулы,
Що наша славная земля
Костямы предкивъ ихъ укрыта
И кровью ихъ уся залыта—
Видъ *Кракова* ажъ до *Кремля*,
Видъ *Балаклавы* до *Олонця*...
Що не таки зъ заходу жъ сонця
На насъ страшенни тучи йшлы,
И не таки *Наполіоны*,
Омеръ-паши та *Палмерстоны*
На насъ въ газарти ихъ велы—

Та й ти... могылы въ насъ знайшлы!
Знайдуть и си... постійте трохы!
Шатры розпьявшы, мовъ Волохы,
На Крымськимъ берези у насъ,
Вже девьять мисяцивъ штурмують
Нашъ *Севастополь*, и працюють,
Здается щиро кожный часъ...
И день и ничъ ревуть гарматы,
Клыкоче пекло кругъ ёго,
И стилькы сылы, стилькы рати
Зъ усихъ киньцивъ на одного!!!

Встрѣчаемъ здѣсь и лирическія мѣста, когда поэтъ размышляетъ объ этомъ страшномъ кровопролитіи:

Надъ Севастополемъ зійшовъ
Въ тумани мисяць зъ зиронькамы,
И надъ окружнымы полямы
По небу дымному пишовъ.
О, подывыся, мисяченьку,
На Севастопольски поля!
Ты ходышъ всюды потыхеньку,
Глядышъ на земли, на моря:
Чи бачивъ ты на Божимъ свити,
Щобъ стилькы крови де лылось,
Щобъ стилькы у однимъ повити
Могылъ высокыхъ пиднялось,
Що бъ такъ земля була изрыта
И трупамы людськимы вкрыта—
Мовъ зъ свиту цилого зійшлысь
Велыки тысячи народу,
И, *голови одній* въ угоду,
Край Севастополя вляглысь?!!
А хто жъ заздалегидь намъ скаже,
Ще скилькы тысячъ тутъ поляже?

Не мало тутъ и батальныхъ картинъ, особенно, когда идетъ рѣчь о подвигахъ кн. Горчакова или Хрулева:

А тутъ и соколомъ литае
По полю хвацькій нашъ *Хрулёвъ*...
«Бый супостативъ! промовляе:
«Поганыхъ не жалій головъ»!
Ёго палашъ надъ ворогамы,
Мовъ зъ тучи блыскавка, блысь-блысь,
Та такъ и косыть ихъ рядамы...
Не хочешъ згинуть, такъ не лизь!
И батарея наша славна,
Що вже була у ихъ рукахъ,
Зновъ наша, зновъ колотыть справно
Ягло-Хранцузыкивъ на прахъ!
Бижать воны що мають сылы...
А скилькы тысячъ тутъ лягло,
И въ Севастопольськи могылы
На покій кости занесло!..

Тутъ-же есть строки, посвященныя поминкѣ трехъ знаменитыхъ адмираловъ—Нахимова, Корнилова и Истомина:

Такъ и *Нахимовъ* нашъ... о брате!
Хутчій чумацькый брыль здымай!
Зихны, перехрестысь трикраты,
Й козацьку душу въ свитлый рай
На вичный покій провожай,
И помолысь... нашъ сокилъ ясный,
Сынопськый дыво-богатыръ,
Що славою, якъ мисяць красный,
Свитывъ на ввесь хрещеный мыръ,
Що стилькы кругъ Севастополя,
Зложывъ въ могыли ворогивъ,
И середъ моря й середъ поля
Надъ нымы громомъ гуркотивъ,

Нашъ адмиралъ, отаманъ хвацькій
И винъ найшовъ конець козацькій
Тамъ, де *Корниловъ* нашъ торикъ
Схилывъ головоньку навикъ,
Да й нашъ *Истоминъ* зъ свиту зныкъ!

Заканчивается поэма признаніемъ своихъ слабыхъ силъ воспѣть достойнымъ образомъ эти славныя имена:

О годи! буде вже, мій брате!
Не намъ зъ тобою, чумакамъ,
Мовъ нашимъ сильськимъ кобзарямъ,
Цю славу на бандури граты!
Йе въ насъ и Глинка, и Гулакъ,
И Вьяземській--сниваки хвацьки;
Воны гукнуть намъ по-козацьки
На цилый Божій свитъ не такъ!

Начало 50-хъ годовъ, какъ видимъ, было посвящено Морачевскимъ творчеству особаго склада, которое, также какъ и отмѣченныя раньше его произведенія на русскомъ языкѣ, нисколько не выдѣлило-бы имени его изъ ряда посредственности: ни широты воззрѣній, ни оригинальности, ни выдающейся художественности--ничего этого нельзя замѣтить въ его поэзіи. Не выше поставитъ его имя и небольшой запасъ извѣстныхъ намъ въ рукописи его украинскихъ стихотвореній, которыя писаны на другія темы и которыя трудно опредѣлить, къ какому времени относятся: и здѣсь истинной поэзіи нѣтъ, хотя идейнаго содержанія обнаруживается значительно больше. [1]) Образцовъ приводить не станемъ, т. к. считаемъ эти стихотворенія очень слабыми.

---

[1]) Въ «Покажчикѣ украинской литературы» М. Комарова (Кіевъ, 1883 г.) приписаны Морачевскому стихотворенія въ книжкѣ «Мова

Все разсмотрѣнное нами до сихъ поръ въ литературной дѣятельности Ф. С. Морачевскаго свидѣтельствуетъ ясно, что поэзія совсѣмъ не была его удѣломъ ни въ русскомъ, ни въ малорусскомъ писательствѣ; а между тѣмъ годы шли за годами, не выдвигая его на иную дорогу въ творческой работѣ. Впрочемъ, есть свѣдѣнія о томъ, что уже въ началѣ 50-хъ годовъ Морачевскій сталъ заниматься научнымъ изученіемъ малорусскаго языка; по крайней мѣрѣ въ отчетѣ Императ. Акад. Наукъ по отдѣленію русск. яз. и словесн. за 1853 годъ сказано: «Инспекторъ лицея кн. Безбородка Ф. С. Морачевскій препроводилъ на разсмотрѣніе отдѣленія начало составляемаго имъ *Словаря малороссійскаго языка* по полтавскому нарѣчію. Въ собраніи онъ помѣстилъ всѣ употребительныя слова, не исключая иностранныхъ и русскихъ, когда они усвоены народомъ; значеніе-же чисто малороссійскихъ словъ онъ подкрѣпляетъ выраженіями, заимствованными изъ древнихъ и новыхъ памятниковъ народной поэзіи, изъ сочиненій Котляревскаго, Основьяненка, Гулака-Артемовскаго и изъ живой народной рѣчи». [1]) Какая судьба постигла эту работу Морачевскаго, намъ не извѣстно: насколько знаемъ, въ печати объ этомъ Словарѣ никакихъ указаній больше не было. Во всякомъ случаѣ, можно думать, что работа по составленію малорусскаго словаря была тѣмъ моментомъ въ жизни Морачевскаго, который вывелъ его на другой путь въ писательствѣ, именно—переводы на малорусскій языкъ книгъ священнаго писанія. Болѣе вдумчивое отношеніе къ малорус. языку, болѣе близкое соприкосновеніе съ лексическимъ матеріаломъ этого языка легко могли навести на мысль о возможности передачи на немъ такихъ высокихъ понятый, какія

зъ Украины». Думаемъ, что это ошибка, т. к. намъ извѣстны двѣ книжки подъ этимъ заглавіемъ, но одна изъ нихъ издана въ Кіевѣ въ 1858 г. и заключаетъ въ себѣ «зложеня С. М. Родыны», не имѣющія никакого отношенія къ Морачевскому, а другая, изданная въ Полтавѣ въ 1864 г., содержитъ «зложення М. Макаровского: Полтавська ризанына и Полтавська могыла».

[1]) См. Лицей кн. Безбородка, 2-ое изд., стр. 291.

заключаются въ евангельскомъ ученіи; въ необходимости-же такого перевода, конечно, у него сомнѣній быть не могло, такъ-какъ то были годы всеобщаго въ Россіи оживленія всѣхъ лучшихъ надеждъ и настроеній,—вспомнимъ, что это былъ конецъ 50-хъ годовъ.

Въ какомъ году началъ Ф. С. Морачевскимъ его трудъ по переводу четвероевангелія и другихъ священныхъ книгъ, установить точно мы пока не можемъ; [1]) знаемъ только съ достовѣрностью, что въ сентябрѣ 1860 года у него былъ готовъ вполнѣ переводъ евангелія отъ Матѳея и Іоанна и почти готово вчернѣ евангеліе отъ Луки. Извѣстіе это мы почерпаемъ изъ копіи съ письма Морачевскаго къ Исидору, митрополиту с.-петербургскому и новгородскому. Письмо это, нигдѣ до сихъ поръ ненапечатанное, настолько интересно и такъ много проливаетъ свѣта на всю исторію этого перевода Морачевскаго, что мы приведемъ его цѣликомъ.

Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнѣйшему Исидору, Митрополиту Санктпетербургскому и Новгородскому.

Въ собственныя руки.

Ваше Высокопреосвященство

Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь!

На всѣхъ языкахъ, словесно и письменно, проповѣдуется слово Божіе; исповѣдники Христа Спасителя имѣютъ Библію на своихъ языкахъ; а Малороссія, которой языкомъ говоритъ около 12 милліоновъ православныхъ христіанъ, не имѣетъ на своемъ языкѣ даже Евангелія.

Хотя церковно-славянскій языкъ и родной малороссамъ, также точно какъ и великороссамъ; но онъ нашему простона-

[1]) Въ сохранившихся черновыхъ рукописяхъ перевода четвероевангелія есть помѣтка, изъ которой можно думать, что началъ переводъ 14 марта 1860 г. евангеліемъ отъ Іоанна, а оконченъ 16 ноября того-же года евангеліемъ отъ Марка (см. Кіев. Стар. 1902 г. № 9, стр. 94, отд., Документы, извѣстія и замѣтки».

родію, составляющему главную, по своей численности, основу нашего населенія, мало понятенъ: и потому, особливо при нынѣшнемъ быстромъ распространеніи у насъ грамотности, чему весьма способствуютъ повсемѣстно наши сельскія и воскресныя школы, переводъ на малороссійскій языкъ Евангелія несомнѣнно принесъ бы весьма важную пользу нашему религіозному народу.

Высокія Божественныя истины, со всею простотою, ясностью и теплотою Евангельскаго ученія выраженныя на природномъ, совершенно понятномъ каждому языкѣ, съ которымъ сливаются всѣ идеи и понятія народа, озарили бы темный умъ самымъ яснымъ и душеспасительнымъ свѣтомъ Вѣры и очистили бы колеблющуюся нравственность народную гораздо скорѣе, вѣрнѣе и глубже, нежели всѣ ученыя толкованія.

Съ этою цѣлью я приступилъ къ переводу Евангелія на малороссійскій языкъ, сличая славянскій текстъ съ текстомъ русскимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ и польскимъ. И вотъ, съ Божьею помощью, половина труда моего уже кончена, переведены два Евангелія, отъ Матѳея и отъ Іоанна. Знаю, какой великости дѣло—переводъ Евангелія; знаю также, что безъ особеннаго покровительства изданіе и самаго удовлетворительнаго перевода можетъ встрѣтить сильныя препятствія. При мысли, у кого искать мнѣ и совѣта, и покровительства моему дѣлу, Ваше В. П. представились моему уму въ самомъ благотворномъ для надеждъ моихъ свѣтѣ, и я крайне жалѣю только, что въ проѣздъ Вашъ черезъ Нѣжинъ, имѣвши честь представляться В. В. П., я не рѣшился лично просить по этому предмету Вашего совѣта и благословенія.

Теперь, представляя на благоразсмотрѣніе В. В. П. переводъ мой двухъ Евангелій, всепокорнѣйше прошу удостоить оный Вашимъ Святительскимъ вниманіемъ, а меня—совѣтомъ и благословеніемъ на продолженіе моего труда, которому я предался со всею любовію моей души, и который надѣюсь окончить къ будущему году (такъ какъ и Евангеліе отъ Луки почти готово уже у меня вчернѣ), и, если позволите, представить тоже В. В. П. Пусть Евангеліе на малороссійскомъ языкѣ, содѣйствіемъ В. В. П. изданное

въ свѣтъ, будетъ достойною памятью, хотя недолгаго, но приснопамятнаго для нашего края Архипастырскаго пребыванія. В. В. П. въ странѣ, говорящей языкомъ малороссійскимъ:—и Малороссія благословитъ В. В. П.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и совершенной преданности, вручая и себя и переводъ мой Вашему Архипастырскому вниманію, имѣю честь быть В. В. П. покорнѣйшій слуга.

Нѣжинъ 28-го сент. 1860 г.

Какъ отнесся самъ Высокопреосвященный Исидоръ къ факту перевода евангелія на малорусскій языкъ и какъ оцѣнилъ онъ качество его, мы не знаемъ; знаемъ только, что очень скоро (14 октября 1860 года) митрополитъ отвѣтилъ на письмо Морачевскаго слѣдующимъ извѣщеніемъ:

Милостивый Государь Филиппъ Семеновичъ!

Препровожденный при письмѣ Вашемъ отъ 28 сентября переводъ двухъ Евангелій на Малороссійскій языкъ мною полученъ.

По частномъ совѣщаніи съ Святѣйшимъ Синодомъ, увѣдомляю Васъ, что переводъ Евангелій, сдѣланный Вами или другимъ кѣмъ-либо, не можетъ быть допущенъ къ печатанію.

Вашего Высокоблагородія усерднѣйшій слуга Исидоръ Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

Октября 14. 1860. *С.-П.-Бургъ.*

Этотъ неутѣшительный для переводчика отвѣтъ, конечно, долженъ былъ тяжело отозваться на немъ, такъ-какъ онъ видѣлъ теперь, съ одной стороны, неосуществившимися свои завѣтныя мечты, а съ другой—понапрасну затраченный трудъ. Впрочемъ, изъ письма Морачевскаго къ митрополиту Исидору въ отвѣтъ на его нерадостное извѣщеніе, видно, что онъ не оставляетъ мысли работать дальше надъ переводомъ священнаго писанія и только утѣшается надеждой «оставить его дѣтямъ своимъ на память, какъ видимый знакъ своего благословенія». Письмо это, помѣченное 14 ноября 1860 г., слѣдующее.

В. В—ство В—шій А—тырь!

Удостоенный отвѣтомъ В. В. П. отъ 14-го минувшаго октября, на письмо мое, имѣю честь утруждать В. В. вторичною покорнѣйшею моею просьбою: представленный мною на благоразсмотрѣніе В. В. переводъ мой на малороссійскій языкъ двухъ Евангелій возвратить мнѣ въ городъ Нѣжинъ. Такъ какъ переводъ и двухъ прочихъ Евангелій у меня уже конченъ, и я началъ было даже переводить Дѣянія Апостольскія, предполагая современемъ перевесть и самыя посланія: то мнѣ крайне хотѣлось бы имѣть у себя всѣ Евангелія. Этотъ трудъ мой я считалъ дѣломъ столько полезнымъ, сколько и богоугоднымъ: и потому мнѣ пріятно будетъ, по крайней мѣрѣ, оставить его дѣтямъ моимъ—на память обо мнѣ, какъ видимый знакъ моего благословенія, которымъ буду просить имъ благословенія Божьяго.

14 ноябр. 1860 г.

Просьба Морачевскаго о возвращеніи рукописи двухъ евангелій была исполнена митрополитомъ Исидоромъ въ апрѣлѣ 1861 года, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее коротенькое письмо м. Исидора.

Милостивый Государь!

Возвращая Вамъ переводъ двухъ евангелій на малороссійскій языкъ и призывая на Васъ и семейство Ваше благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ къ Вамъ пребываю.

Исидоръ, митроп. Новгородскій и С.-Петербургскій.

СПБ. апрѣля 4, 1861 г. [1])

Такъ закончилась первая попытка Ф. С. Морачевскаго провести въ жизнь свой переводъ четвероевангелія на малорусскій языкъ. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, переводчикъ въ томъ-же 1861

---

[1]) На этомъ письмѣ сдѣлана помѣтка рукою Ф. С. Морачевскаго: «получено 15 апрѣля 1861 г., въ день, часъ и даже минуту смерти земного ангела-хранителя души и жизни семьи моей».

году пробуетъ свой трудъ представить на усмотрѣніе высшаго ученаго учрежденія въ Россіи, въ Академію Наукъ. Свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ протоколахъ Императорской Академіи Наукъ [1]), а также и въ нѣкоторыхъ газетныхъ сообщеніяхъ 1862 года [2]). Въ первый разъ о рукописи Морачевскаго доложено было въ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Акад. Наукъ 11 января 1862 г., при чемъ отдѣленію не видно было изъ представленія переводчика, съ какою цѣлью препровождена эта рукопись, почему и поручено было «предсѣдательствующему снестись предварительно съ переводчикомъ, какое движеніе по желанію его должно быть дано труду, столь замѣчательному». Очевидно изъ дальнѣйшихъ протоколовъ, что въ отвѣтъ на запросъ *отдѣленія* переводчикъ просилъ, подвергнувъ его трудъ разсмотрѣнію, въ случаѣ одобренія его Академіей, исходатайствовать разрѣшеніе его напечатать. По крайней мѣрѣ въ протоколѣ засѣданія 8 февраля 1862 года сказано, что «академикъ Срезневскій читалъ записку по поводу перевода г. Морачевского на малороссійскій языкъ евангелія. Эта записка, заключающая въ себѣ взглядъ на отношеніе разныхъ славянскихъ нарѣчій къ языку русскому, а вслѣдъ за тѣмъ и одобреніе академикомъ труда г. Морачевскаго, принята отдѣленіемъ съ полнымъ одобреніемъ, что-же касается до отдѣльной записки о переводѣ г. Морачевскаго, которую надобно приложить къ представленію отдѣленія Г. Президенту Академіи Наукъ, то отдѣленіе поручило составить ее совокупно тремъ знатокамъ малороссійскаго языка А. Х. Востокову, А. В. Никитенку и И. И. Срезневскому».

Объ этомъ моментѣ въ судьбѣ рукописи Ф. С. Морачевскаго мы получили нѣкоторыя интересныя подробности отъ родственника его С. И. К—скаго, которыя и сообщимъ здѣсь. С. И. К—скій, живя въ началѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ, познакомился съ

---

[1]) Пользуемся выписками изъ протоколовъ Императ. Акад. Наукъ, хранящимися въ Музеѣ покойнаго В. В. Тарновскаго, нынѣ принадлежащемъ Черниговскому земству.

[2]) См., напр., «Сынъ Отечества» отъ 20 дек. 1862 г. № 304.

семьей И. И. Срезневскаго. Узнавши, что въ Академіи Наукъ полученъ переводъ евангелія на малорусскій языкъ, онъ отправился къ И. И. Срезневскому и отъ него узналъ, что для разсмотрѣнія перевода назначена особая коммиссія. Срезневскій восхищался переводомъ и утверждалъ, что это положительно одинъ изъ лучшихъ переводовъ евангелія на славянскія нарѣчія. Онъ же сообщилъ, что Академія трудъ Морачевскаго передала въ Св. Синодъ. Синодъ переслалъ переводъ Калужскому архіепископу Григорію (въ мірѣ Николай Миткевичъ), уроженцу черниговской губ. При посредствѣ знакомыхъ, С. И. К– скому удалось узнать отъ домашняго врача архіепископа Григорія, какое впечатлѣніе на него произвелъ переданный ему на разсмотрѣніе трудъ Ф. С. Морачевскаго. Оказалось, что архіеп. Григорій, много лѣтъ не слышавшій родной рѣчи, начавши читать евангеліе въ переводѣ на малорусскій языкъ, расплакался отъ радости и со слезами встрѣтилъ врача, своего земляка: «ось идить подывиться, яку Богъ послявъ мени радисть на чужыни!» Они вмѣстѣ читали этотъ переводъ и восхищались имъ. Переводъ возвращенъ былъ въ Св. Синодъ съ самымъ прекраснымъ отзывомъ, какъ свидѣтельствуетъ С. И. К—скій со словъ врача».

Изъ этихъ сообщеній видно, какъ удачны были начальные ходы черезъ Академію Наукъ въ судьбѣ рукописи Ф. С. Морачевскаго. Особенное значеніе имѣютъ для насъ тѣ отзывы почтенныхъ академиковъ, которые были составлены ими по порученію отдѣленія русскаго языка и словесности. Пользуясь музеемъ В. В. Тарновскаго, гдѣ, какъ было сказано, хранятся матеріалы къ исторіи рукописи Ф. С. Морачевскаго, мы выписали оттуда болѣе интересные документы и теперь, при случаѣ, считаемъ умѣстнымъ подѣлиться ими съ читателями.

И. И. Срезневскій въ своей запискѣ, читанной въ засѣданіи отдѣленія 8 февраля, далъ такой отзывъ о трудѣ Морачевскаго.

«Въ Галиціи съ радостію принята была вѣсть, что переводъ евангелія на малороссійское нарѣчіе, предпринятый отличнымъ его знатокомъ г. Морачевскимъ, уже оконченъ. Въ извѣщеніи объ этомъ, полученномъ изъ Праги, также выразилось теплое со-

чувствіе къ этому доброму дѣлу, достойному благодарности и памяти въ числѣ другихъ подвиговъ славянъ для народнаго образованія. По крайней мѣрѣ не съ меньшимъ сочувствіемъ должны и мы, русскіе, принять вѣсть о добромъ дѣлѣ г. Морачевскаго, внесшаго въ малорусскую словесность книгу, безъ которой ни одна христіанская словесность не можетъ считаться достойною своего назначенія, ни достигать его.

Что дѣйствительно ни одна словесность какого бы то ни было христіанскаго народа не достойна своего назначенія и не можетъ достигать безъ книги, въ которыя святыя истины Христа Спасителя завѣщаны міру словами близкихъ Его учениковъ, Его Апостоловъ, безъ книги, заключающей въ себѣ основанія христіанской образованности,—этого оспаривать, конечно, никто не станетъ. Поэтому, если есть только на свѣтѣ малорусскій народъ, и есть у него свой языкъ и возможна своя словесность, то должно быть у него и Евангеліе.

А что и малорусскій народъ, и малорусская словесность существуютъ на бѣломъ свѣтѣ, этого тоже никто отвергать не можетъ.

Свидѣтельствованія особаго малорусскаго нарѣчія можно привести изъ памятниковъ даже XIV вѣка, а свидѣтельства о его литературномъ употребленіи съ XVII вѣка составляютъ такой значительный рядъ данныхъ, который по самому разнообразію своему удостоенъ вниманія по крайней мѣрѣ ближайшихъ сонисьменниковъ...

Если и не измѣрять значеніе малорусской словесности числомъ народа, говорящаго малорусскимъ нарѣчіемъ; если даже и не считать ея существованіе однимъ изъ очень замѣчательныхъ явленій въ судьбахъ славянскаго племени, то все же нельзя отвергнуть, какъ несуществующее, то, что дѣйствительно существуетъ. А если сочувствіе къ образованію народа есть нравственный долгъ каждаго образованнаго христіанина, то нельзя не сочувствовать малорусской словесности, вообще какъ орудію народообразовательному и тому новому явленію, которымъ она одолжена г. Морачевскому...

...Пусть существуетъ у малоруссовъ—скажутъ иные—своя, особенная, мѣстная словесность, словесность легкая; изъ этого всетаки можетъ не слѣдовать, что для малороссовъ нуженъ особый переводъ Евангелія, когда есть уже переводъ славянскій, употребляемый въ церкви, и переводъ обще-русскій, годный для домашняго чтенія и малоруссовъ такъ же, какъ и великоруссовъ. Особый малорусскій переводъ Евангелія—могутъ сказать—вовсе не нуженъ. Въ какой мѣрѣ недостаточно одного славянскаго перевода Евангелія для русскихъ, это уже доказано признаніемъ необходимости русскаго перевода. И необходимость эта признана не теперь только: уже въ XVI и XVII вв. она была чувствительна, и вслѣдствіе этого Евангельскія чтенія на западно-русскомъ нарѣчіи были читаемы народу при поученіяхъ, на нихъ основанныхъ. Это западно-русское нарѣчіе отличается отъ малорусскаго—болѣе литературными замашками своего времени, чѣмъ главными характеристическими чертами, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ заимствованій изъ языка польскаго. Это нарѣчіе было для простого малоруса понятнѣе, чѣмъ нынѣшній литературный русскій языкъ. Онъ (литературный языкъ), конечно, кажется очень простымъ для того, кто къ нему привыкъ, но для простого малоруса найдется въ немъ не мало такого, что его остановитъ, и что онъ можетъ понять не такъ, какъ должно. Для отвращенія то недоразумѣній и существуютъ и необходимы переводы Евангелія на языки, вполнѣ понятные народу.

Для предотвращенія-то недоразумѣній при чтеніи Евангелія малорусскимъ народомъ нельзя не желать, чтобы былъ такой ихъ переводъ, который былъ бы малоруссу совершенно понятенъ, не вводя его ни въ какія недоразумѣнія. Это вызывается важностью послѣдствій. Кому не будетъ нуженъ этотъ переводъ, тотъ за него и не возьмется; если же онъ окажется нужнымъ хоть одному человѣку, то и этого достаточно, чтобы ему быть... Тѣмъ менѣе возможенъ приговоръ противъ перевода книги Евангелій на какой бы то ни было языкъ, когда безпрерывно приготовляются и распространяются переводы ея на всѣ существующіе языки, на

языки даже такихъ дикарей, у которыхъ не достаетъ и нѣкоторыхъ словъ для выраженія нѣкоторыхъ изъ ея образовъ...

Въ отношеніи къ малорусскому переводу книги Евангельской, мнѣ кажется, слѣдуетъ допустить не вопросъ, нуженъ ли онъ, или не нуженъ; а вопросъ, вѣренъ-ли онъ подлиннику и сообразенъ-ли по достоинству языка съ величіемъ содержанія? Само собою разумѣется, что если судъ о вѣрности перевода принадлежитъ знающимъ богословамъ, то съ другой стороны приговоръ о достоинствѣ языка перевода долженъ быть предоставленъ знатокамъ народнаго малорусскаго нарѣчія, умѣющимъ отличать въ немъ выраженія приличныя отъ низшихъ, умѣющимъ чувствовать въ немъ силу и простоту выразительности и не помутившимъ своего чутья языка никакими придуманными теоріями. Иначе легко можно порицать содержаніе такого перевода, который достоинъ только сочувствія и похвалы».

Еще болѣе силы и значенія имѣетъ мнѣніе о качествѣ перевода Ф. С. Морачевскаго такихъ авторитетовъ, какъ академики Востоковъ, Никитенко и Срезневскій, составившихъ общую записку объ этомъ трудѣ и представившихъ ее отдѣленію русскаго языка и словесности. Вотъ эта записка.

«Евангеліе, переведенное на малороссійское нарѣчіе г. Морачевскимъ, есть въ высшей степени трудъ замѣчательный и съ учено-филологической стороны, и со стороны религіозно-нравственной. Въ первомъ отношеніи прежде всего представляется вопросъ: способно-ли малороссійское нарѣчіе, на настоящей степени своего литературнаго развитія и разработки, къ внушенію тѣхъ божественныхъ и величайшихъ истинъ, какія содержитъ въ себѣ Евангеліе? Вопросъ этотъ переводомъ, по нашему мнѣнію, разрѣшенъ, какъ нельзя болѣе удовлетворительно. Малороссійское нарѣчіе въ немъ, можно сказать, блистательно выдерживаетъ испытаніе этого рода и уничтожаетъ всякое сомнѣніе, многими питаемое, въ возможности выразить возвышенныя идеи разума, возвышенныя чувства сердца, не впадая въ вульгарность, не огрубляя ихъ, не парализируя. Переводъ Морачевскаго удостовѣряетъ вполнѣ, что и качество или характеръ словъ, и качество слово-

сочетаній малороссійскихъ нигдѣ не измѣняютъ ни достоинству, ни смыслу излагаемыхъ мыслей. Напротивъ, оказывается, что изящная простота этихъ мыслей особенно легко совпадаетъ съ простотою тѣхъ и другихъ, не теряя высшаго своего значенія. Нѣтъ сомнѣнія, что переводъ Евангелія Морачевскаго долженъ сдѣлать эпоху въ литературномъ образованіи малороссійскаго нарѣчія. Что же касается религіозно-нравственной стороны этого перевода, то въ важности его еще менѣе можно сомнѣваться. Если племена полудикія или вовсе дикія обладаютъ счастьемъ имѣть на своихъ языкахъ слово Божіе, то почему малороссіянамъ не желать просвѣщаться и назидаться на родномъ своемъ нарѣчіи? Для этого, вѣроятно скажутъ намъ, есть Евангеліе на русскомъ языкѣ, понятномъ и для малороссіянъ. Но это слово «понятность» не такъ удовлетворительно, какъ оно кажется съ перваго взгляда. Во 1-хъ, для массы простого народа въ русскомъ языкѣ далеко не все удобопонятно, а во 2-хъ, кому неизвѣстно, что истины, преподаваемыя намъ на языкѣ, на которомъ мы мыслимъ и говоримъ отъ самой колыбели, на языкѣ, полученномъ нами вмѣстѣ съ кровью отъ нашихъ предковъ, дѣйствуютъ на насъ несравненно живѣе, побудительнѣе, чѣмъ выраженныя на языкѣ, хотя и близкомъ намъ и понятномъ намъ, но лишенномъ для насъ этого родственнаго значенія. Посему мы полагаемъ, что Евангеліе на народномъ нарѣчіи малороссіянъ весьма много содѣйствовало бы ихъ религіозно-нравственному образованію. За симъ полагаемъ мы, что переводъ Морачевскаго слѣдуетъ съ одобрительнымъ отзывомъ Академіи представить на благоуваженіе Святѣйшаго Сѵнода и просить его, по разсмотрѣніи съ богословской точки зрѣнія, разрѣшить оный къ напечатанію».

Отдѣленіе, выслушавъ такой отзывъ спеціалистовъ и вполнѣ раздѣляя ихъ взглядъ, сдѣлало слѣдующее постановленіе:

«По предварительномъ тщательномъ разсмотрѣніи этого перевода назначенными для того Академиками, отдѣленіе убѣдилось, что переводчикъ выполнилъ съ блистательнымъ успѣхомъ свою важную задачу, не смотря на трудность ея. Трудность эта болѣе всего заключается въ томъ, что нарѣчіе малороссійское, обращав-

шееся въ кругу ежедневныхъ потребностей, или мыслей и чувствованій, тѣсно связанныхъ съ бытомъ простонароднымъ, не представляетъ такихъ опытовъ, которые могли бы служить образцами и указаніями для выраженія идей, принадлежащихъ къ высшей умственной средѣ. Переводчикъ, однако, такъ сказать, въ самой простотѣ величія божественныхъ истинъ успѣлъ найти для себя пособіе, а съ другой стороны, какъ глубокій знатокъ малороссійскаго нарѣчія, онъ успѣлъ извлечь изъ него такія выраженія и обороты, которые при всей своей общеупотребительности совершенно согласуются съ возвышеннымъ значеніемъ предлагаемыхъ имъ мыслей. Отдѣленіе, увѣренное въ несомнѣнной духовно-нравственной пользѣ этого перевода для края, для коего онъ назначается, просило своего президента употребить ходатайство предъ Святѣйшимъ Сунодомъ о дозволеніи напечатать переводъ г. Морачевскаго, если Синодъ удостоитъ оный своего святительскаго одобренія. Вслѣдствіе этого рукопись препровождена въ Святѣйшій Сунодъ».

Какова была дальнѣйшая судьба этого труда Ф. С. Морачевскаго, мы документально опредѣлить не можемъ, но изъ тѣхъ-же протоколовъ отдѣленія Академіи Наукъ видимъ, что еще въ декабрѣ 1862 года судьба рукописи, направленной въ Св. Синодъ, не была рѣшена, т. к. на запросъ Морачевскаго по поводу своего перевода, къ которому за это время прибавился еще и переводъ «Дѣяній Апостольскихъ», отдѣленіе просило г. Президента Академіи о содѣйствіи къ ускоренію сего дѣла въ Св. Синодѣ. Самый фактъ непоявленія перевода въ печати свидѣтельствуетъ о неудачѣ ходатайства, о чемъ, конечно, переводчикъ былъ извѣщенъ въ свое время. Текста этого извѣщенія мы не имѣемъ, но изъ протоколовъ Академіи видно, что въ началѣ 1864 года вопросъ уже былъ рѣшенъ, такъ-какъ Ф. С. Морачевскій просилъ прислать ему временно неразрѣшенный къ печати переводъ Евангелія и Дѣяній Апостольскихъ, обѣщая доставить, взамѣнъ этой рукописи, другой полный экземпляръ перевода всего Новаго Завѣта, который уже оконченъ. Обѣщаніе свое Морачевскій исполнилъ въ концѣ 1864 года, препроводивъ

новый списокъ сдѣланнаго имъ перевода Новаго Завѣта для храненія въ библіотекѣ Академіи Наукъ съ просьбою подвергнуть этотъ исправленный списокъ новому разсмотрѣнію. Изъ тѣхъ-же протоколовъ видно, что къ переводамъ Евангелій и Дѣяній Апостольскихъ прибавились въ эти годы (до начала 1865 г.) еще переводы Апокалипсиса и Псалтири, т. е., что труды переводчика на этомъ поприщѣ не ослабѣвали, пока онъ питалъ себя надеждой на возможность увидѣть свою работу примѣненной къ дѣлу. Есть даже еще одно указаніе, что въ концѣ 1862 года Ф. С. Морачевскимъ былъ посланъ въ Академію Наукъ составленный имъ на малороссійскомъ языкѣ курсъ «Священной исторіи» для училищъ и простонароднаго чтенія. Отдѣленіе русскаго языка и словесности, хотя и находило, что книга подобнаго содержанія подлежитъ разсмотрѣнію церковнаго и учебнаго вѣдомства, однако, уважая трудъ Морачевскаго, просило академика А. В. Никитека доставить отдѣленію свой отзывъ о литературномъ достоинствѣ учебника. Содержанія этого отзыва мы не знаемъ, но изъ протоколовъ видимъ, что, по мнѣнію отдѣленія, Священная исторія «не есть переводъ, подобно Евангелію, которое усвоивается всѣмъ языкамъ и народамъ въ мірѣ, а самостоятельное сочиненіе», вслѣдствіе чего отдѣленіе не нашло возможнымъ ходатайствовать о напечатаніи его, по примѣру того, какъ оно поступило относительно перевода Евангелія.

Такимъ образомъ, Ф. С. Морачевскій, начавшій свою литературную дѣятельность малосодержательными стихотвореніями на русскомъ языкѣ и перешедшій затѣмъ къ писательству тоже не особенно блистательныхъ малорусскихъ стиховъ, закончилъ ее тѣми капитальными трудами, которые увѣнчаны если не плодами, осязаемыми въ современной намъ жизни, то во всякомъ случаѣ похвалами, создавшими ему неувядаемую славу, такъ-какъ немногимъ лицамъ достаются въ удѣлъ такіе авторитетные похвальные отзывы, какъ приведенные нами записки нашихъ почтенныхъ академиковъ. Если мы начали свою статью о Ф. С. Морачевскомъ словами «habent

sua fata libelli», то читатели теперь ясно видятъ, что, дѣйствительно, странная бываетъ судьба книгъ. Трудно повѣрить, чтобъ такъ блистательно исполненная работа, вызвавшая на первыхъ порахъ такіе оживленные толки, черезъ нѣсколько лѣтъ была позабыта, и теперь, черезъ 40 лѣтъ, приходится говорить о ней почти какъ о новомъ фактѣ, имѣющемъ всѣ права занять почетное мѣсто въ исторіи украинской письменности.

В. Науменко.

Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ.

(Окончаніе [1]).

Прошлый разъ, говоря о выставкахъ при съѣздѣ, мы не совсѣмъ закончили обзоръ этой части дѣятельности съѣзда, не упомянувъ еще о каталогѣ выставки. Безъ каталога, выставка потеряла-бы часть своего значенія, поэтому для всѣхъ выставокъ прежнихъ съѣздовъ составлялись каталоги, но, въ виду грамаднаго числа выставленныхъ предметовъ на выставкѣ Харьковскаго съѣзда, каталогъ этой послѣдней разросся въ очень объемистый томъ. Много потрудился при составленіи каталога проф. Рѣдинъ, которому принадлежитъ общая редакція почти всѣхъ отдѣловъ, кромѣ того, имъ составлены описанія отдѣловъ церковнаго и историческаго. Другіе отдѣлы составлены разными лицами, принимавшими участіе въ устройствѣ отдѣловъ, или доставившими предметы на выставку. Описанія предметовъ составлены зачастую очень подробно, научнымъ образомъ; укажемъ для примѣра на каталоги отдѣловъ церковныхъ древностей или старопечатныхъ книгъ, заключающіе, помимо точного описанія, еще ссылки на однородные памятники или различныя библіографическія указанія. Въ общемъ, каталогъ выставки Харьковскаго съѣзда, закрѣпляя, такъ сказать, содержимое выставки и заключая массу фактическаго матеріала, является цѣннымъ справочнымъ изданіемъ.

Переходя теперь къ самой сути съѣзда, къ занятіямъ его членовъ, нужно отмѣтить, что общій характеръ съѣзда, его на-

строеніе, указывали на большой интересъ, поднятый съѣздомъ и царившій во все время продолженія съѣзда. Всѣхъ членовъ, какъ мѣстныхъ, такъ и пріѣзжихъ, собралось болѣе 400-тъ; рефератовъ представленныхъ на съѣздъ, было гораздо больше, чѣмъ позволяло время, и все таки, въ теченіи менѣе чѣмъ десяти дней, ихъ было доложено болѣе 90-та,—по этому одному можно судить о томъ оживленіи, которое господствовало на съѣздѣ.

По тѣмъ отдѣламъ, на которые были распрѣдѣлены засѣданія съѣзда, число рефератовъ, какъ того и нужно было ожидать, распредѣлилось неравномѣрно. Самыми продуктивными въ этомъ отношеніи оказались отдѣлы древностей первобытныхъ и древностей историко-географическихъ и этнографическихъ. Если первый отдѣлъ почти всегда и раньше изобиловалъ рефератами, то новинкой является многочисленность рефератовъ этнографической секціи, обыкновенно отходившей на самый задній планъ,—это обстоятельство, въ связи съ этнографической выставкой, также придало извѣстный колоритъ съѣзду, давъ возможность его членамъ ближе стать къ народу, къ его быту, какъ духовному, такъ и матеріальному.

Большое количество рефератовъ, посвященныхъ доисторическому прошлому, объясняется многочисленными раскопками произведенными въ Харьковщинѣ. Но, помимо отчетовъ о такихъ раскопкахъ, были рефераты и обобщающаго характера. Какъ и на прежнихъ съѣздахъ, такъ и здѣсь, вниманію членовъ были представлены областныя археологическія карты. Одно уже составленіе такихъ картъ къ съѣздамъ составляетъ большую заслугу этихъ послѣднихъ,—это одинъ изъ результатовъ счастливой мысли иниціатора съѣздовъ гр. А. С. Уварова; пройдетъ, конечно, еще много лѣтъ, но, въ концѣ концовъ, памятники старины всей Россіи будутъ зарегистрированы на картахъ, давъ изслѣдователю въ руки громадный матеріалъ; для юга Россіи это время уже и не такъ отдаленно. На Харьковскомъ съѣздѣ археологическая карта была представлена проф. Багалѣемъ по Харьковской губерніи; она является переработкой такой-же карты, составленной авторомъ еще десять лѣтъ назадъ и доставленной

въ Московское Археологическое Общество. Всѣхъ указаній на картѣ отмѣчено 645, и онѣ распредѣляются по уѣздамъ не равномѣрно—слѣдствіе недостаточности свѣдѣній, а также и имѣющагося матеріала, но вѣдь Харьковская губернія лишь только тронута археологическими изслѣдованіями—дальнѣйшія пополненія составляютъ уже болѣе легкую работу и необходимы для каждой карты. Карту сопровождаетъ обширный объяснительный текстъ. Карта вызвала всеобщее одобреніе членовъ, такъ какъ всѣмъ была очевидна трудность ея составленія именно вслѣдствіе малой разработанности древностей Харьковщины. По поводу этой карты проф. Веселовскимъ было высказано пожеланіе составленія, помимо общихъ, еще спеціальныхъ археологическихъ картъ, по различнымъ видамъ древностей. Мысль эта заслуживаетъ полнаго вниманія, но пока, за отсутствіемъ, главнымъ образомъ, средствъ для такого рода изданій, стоющихъ очень дорого, она еще трудно осуществима. Другая карта составлена В. Л. Перелешинымъ для Воронежской губерніи. Карта еще лишь начата, на ней нанесены только курганы и городища.

Большой интересъ возбуждало заглавіе реферата В. В. Хвойки—«Городища средняго Приднѣпровья ихъ народность, древность и національность». Матеріаломъ для реферата послужили раскопки нѣсколькихъ (если не ошибаемся всего 5-ти) городищъ. Древнѣйшія изъ нихъ относятся къ V—IV в. до Р. Х., позднѣйшія—къ великокняжеской эпохѣ. По мнѣнію г. Хвойки, народностью, занимавшей городища вътеченіе всего этого времени, были наши предки славяне. Намъ кажется, что вообще рискованно, пока данныхъ немного, вводить въ вопросы чисто археологическіе элементъ національный, и если мы, благодаря цѣннымъ работамъ проф. Антоновича, изъ всей массы городищъ можемъ выдѣлить несомнѣнно славянскія, но уже значительно позднія, то вопросъ о національности другихъ, еще остается открытымъ. Данный рефератъ находится въ тѣсной связи съ болѣе обширной теоріей г. Хвойки, не сомнѣвающагося въ томъ, что и племена каменнаго и бронзоваго вѣковъ, населявшіе теперешній югъ Россіи, и скифы—все это славяне. Большое развлеченіе присутство-

вавшимъ на чтеніи этого реферата доставилъ г. Стовикъ, пошедшій по стопамъ Тредьяковскаго съ братіей и расширившій предѣлы обитанія славянскаго племени на всю Западную Европу; вѣдь, напр., говорилъ г. Стовикъ, что такое Друиды? Это—дароиды,—дармоѣды...

Вопросъ о каменныхъ бабахъ, какъ извѣстно, старый вопросъ. Но, повидимому, на Харьковскомъ съѣздѣ ему положенъ конецъ. Проф. Н. И. Веселовскій, обративъ вниманіе на новый типъ бабъ—лежачихъ, попутно приводитъ очень вѣскія доказательства того, что каменныя бабы являются надгробными памятниками и принадлежатъ народамъ тюркскаго племени. Для рѣшенія вопроса большую службу сослужили знаменитыя орхонскія надписи (въ сѣверной Монголіи, въ долинѣ р. Орхона), относящіяся къ VIII в. нашей эры. Здѣсь часто упоминаются надгробныя сооруженія подъ именемъ «балбаловъ»; тутъ же, среди орхонскихъ древностей, нашлись и самые «балбалы»—наши каменныя бабы. Такимъ образомъ подтверждается извѣстіе и Рубруквиса, что половцы ставили на курганахъ такія изваянія. Находки нѣкоторыхъ предметовъ, между прочимъ самого референта въ Кубанской области и г. Трифильева въ Купянскомъ у. Харьковской губ., даютъ полную аналогію съ тѣми, какія помѣщены на каменныхъ бабахъ; предметы эти кочевническаго быта, и, такимъ образомъ, служатъ подтвержденіемъ высказанной теоріи.

Преобладающее количество другихъ рефератовъ, доложенныхъ первобытной секціи, имѣло характеръ отчетовъ о произведенныхъ раскопкахъ, главнымъ образомъ, кургановъ. Большое количество вскрытыхъ могилъ дало возможность установить цѣлый рядъ погребальныхъ типовъ, какъ уже извѣстныхъ, такъ и дающихъ нѣчто новое.

Въ отчетѣ В. А. Городцова о раскопкахъ въ изюмскомъ у., помимо изслѣдованія стоянокъ неолитической эпохи, докладчикомъ было сообщено о находкѣ 264-хъ погребеній, относящихся *къ бронзовому вѣку*—открыта, т. о., цѣлая новая картина доисторическаго прошлаго, до сихъ поръ едва уловимая въ изслѣдованіяхъ

другихъ частей юга. Е. Н. Мельникъ, въ докладѣ «Археологическія раскопки въ Ахтырскомъ и Купянскомъ уѣздахъ», кромѣ описанія погребеній каменнаго вѣка и славянской эпохи, представила возбудившія всеобщій интересъ раскопки могилъ, въ которыхъ при скорченныхъ скелетахъ встрѣчаются предметы уже скифской эпохи, т. е. здѣсь найденъ переходъ отъ болѣе древней культуры къ болѣе новой, пополнено недостающее звено—фактъ первостепеннаго значенія. Докладъ Е. П. Трифильева—«Археологическая экскурсія въ Купянскій уѣздъ» также освѣщаетъ намъ страничку прошлаго; въ немъ даны свѣдѣнія о погребеніяхъ каменнаго вѣка, римской эпохи и кочевническихъ. Погребенія второго типа въ нѣкоторыхъ случаяхъ отличались богатствомъ найденныхъ украшеній, кочевническое же погребеніе обнаружено въ курганѣ съ каменной бабой и служитъ солиднымъ фактомъ въ вопросѣ объ этихъ изваяніяхъ. Того же доисторическаго прошлаго касались рефераты А. М. Покровскаго—О раскопкахъ въ Зміевскомъ и Изюмскомъ уѣздахъ, и В. Е. Данилевича—Раскопки около селъ Будъ и Березовки. Съ совершенно новымъ типомъ погребенія познакомилъ членовъ съѣзда докладъ А. М. Покровскаго—Верхне-Салтовскій могильникъ. Этотъ могильникъ заключаетъ погребенія въ искусственныхъ пещерахъ и составляетъ новость для обширнаго раіона юга Россіи; аналогичныя погребенія встрѣчены лишь на сѣверномъ Кавказѣ. Эта однородность типовъ позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя сближенія и вводитъ въ область изслѣдованія рядъ фактовъ, связь между которыми до настоящихъ раскопокъ отсутствовала. Обстановка погребенія, инвентарь могилъ указываютъ на неславянское, полукочевое племя, а найденныя монеты датируютъ могильникъ VII—IX вв. Докладъ г. Покровскаго вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній; было высказано, между прочимъ, предположеніе о принадлежности этихъ пещерныхъ могилъ Хазаромъ. Указанные выше разнообразные типы погребеній еще не исчерпываютъ всего матеріала, добытаго раскопками. Нужно еще упомянуть о погребеніяхъ съ конемъ, также обнаруженныхъ на территоріи Харьковской губерніи,—имъ былъ посвященъ докладъ В. А. Городцова, въ которомъ докладчикъ

обобщилъ свѣдѣнія, имѣющіяся по данному вопросу. Дополненіемъ къ изслѣдованіямъ погребальныхъ типовъ и инвентаря служитъ докладъ проф. Анучина—Черепа изъ доисторическихъ могилъ изюмскаго у., въ которомъ были указаны краніологическія особенности череповъ, относящихся къ тремъ разнымъ эпохамъ: бронзовому вѣку, желѣзному вѣку и VIII—XII вв. Характерными черепами первой группы являются длинноголовые, сюда же примыкаетъ и черепъ желѣзнаго вѣка, черепа же послѣдней группы принадлежатъ народамъ тюркскаго племени.

До сихъ поръ рѣчь шла, главнымъ образомъ, о курганахъ и могилахъ. Но остается еще одинъ, очень распространенный, видъ древнихъ сооруженій—городища. Они пока еще мало изслѣдованы (говоримъ о Харьковской губерніи), и на съѣздѣ было трактовано лишь одно городище—Донецкое, которому посвятили свои доклады В. А. Городцовъ, производившій на немъ раскопки, и Д. Я. Самоквасовъ. Время городища—XII в., что же касается народности, то мнѣнія здѣсь раздѣлились,—одни считали его принадлежавшимъ славянамъ, другіе—татарамъ.

Мы пока не вышли еще за предѣлы Харьковской губерніи. Рефератовъ, касавшихся древностей другихъ областей юга, было несравненно меньше. На первомъ мѣстѣ нужно поставить докладъ проф. фонъ-Штерна—Раскопки въ сѣверной Бессарабіи въ связи съ вопросомъ о неолитическихъ поселеніяхъ съ керамикой домикенскаго типа. Раскопки обнаружили культуру, одинаковую съ культурой такихъ же находокъ въ Кіевской губерніи (раскопки гл. обр. Хвойки), въ Галичинѣ, Румыніи, Босніи и Каппадокіи. Референтъ, въ вопросѣ о назначеніи этихъ, т. н., площадокъ, не соглашается съ мнѣніями гг. Хвойки и Волкова, считавшими ихъ мѣстами погребеній, и скорѣе допускаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ остатками жилищъ. Затронувъ вопросъ о народности, проф. фонъ-Штернъ также не находитъ возможнымъ принять мнѣніе г. Хвойки о принадлежности этихъ памятниковъ славянамъ, но, оставляя вопросъ открытымъ и основываясь на томъ фактѣ, что мы имѣемъ здѣсь культуру, шедшую съ сѣвера, проникшую затѣмъ на югъ, вплоть до Малой Азіи, культуру, явля-

ющуюся предшествующей микенской, высказываетъ предположеніе о принадлежности ея греческому племени. Этой же, пока все еще загадочной, культуры касалось сообщеніе г-жи А. А. Скриленко—О глиняныхъ статуэткахъ изъ Триполья. Описавъ статуэтки, г-жа Скриленко коснулась ихъ назначенія, признавъ за ними роль идоловъ.

Проф. Н. И. Веселовскій познакомилъ членовъ съѣзда съ очень интересной культурой, сообщивъ докладъ—Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на сѣверномъ Кавказѣ. Указаннымъ раіономъ находки этой культуры не исчерпываются—онѣ были сдѣланы и въ Харьковской и въ Курской губ. По времени могилы этого рода относятся ко II—III в. по Р. Х.; масса предметовъ указываетъ на римское вліяніе и вліяніе довольно глубокое и распространенное; предметы зачастую носятъ художественный характеръ и отличаются богатствомъ. Л. М. Савеловъ, въ докладѣ Коротоякскій уѣздъ (Воронежск. губ.) въ археологическомъ отношеніи, представилъ сжатый обзоръ имѣющихся въ этомъ раіонѣ памятниковъ древности, съ нанесеніемъ ихъ на карту. Намъ остается упомянуть еще объ одномъ рефератѣ—проф. В. З. Завиткевича—О культурномъ вліяніи Византіи на бытъ русскихъ славянъ курганнаго періода. Сравнивая предметы изъ раскопокъ Херсонеса Таврическаго и славянскихъ кургановъ, референтъ обнаружилъ во многихъ случаяхъ полную аналогію. Это сравненіе даетъ возможность заключить, что уже въ эту эпоху существовали торговыя сношенія между восточными славянами и Византіей.

Этотъ краткій перечень рефератовъ, доложенныхъ секціи первобытныхъ древностей, не исчерпываетъ всей дѣятельности этой секціи,—каждый рефератъ поднималъ обмѣнъ мнѣній, затрогивались новые вопросы и т. д., но и по этому перечню можно судить, какъ много новаго, интереснаго въ области отдаленнаго прошлаго далъ Харьковскій съѣздъ.

Цѣлый рядъ весьма содержательныхъ докладовъ дала секція быта хозяйственнаго и домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго. Мы отмѣтимъ лишь нѣкоторые. Л. В. Падалка под-

нялъ кардинальный вопросъ въ рефератѣ—Историческая обстановка формированія стараго народнаго быта въ Полтавщинѣ. Хотя рефератъ вызвалъ много возраженій, но тезисы его въ общемъ были признаны вѣрными. Началомъ формировки быта г. Падалка считаетъ XVI вѣкъ, когда на данной территоріи традиція прежней жизни почти совсѣмъ прервалась и когда здѣсь выступаютъ три основные племенные элементы: элементъ старорусскій, элементъ потомковъ тюркскихъ степняковъ и элементъ Пятигорскихъ Черкасъ. Совершенно резонно однимъ изъ оппонентовъ было замѣчено, что докладчикомъ упущенъ еще одинъ, очень важный элеиентъ—переселенцы изъ другихъ областей правобережной и лѣвобережной Украины.

Быту юридическому были посвящены два цѣнныхъ доклада: П. А. Максимейко—Русская Правда и обычное право Литовско-русскаго государства до изданія Статута, гдѣ авторъ, пользуясь сравнительнымъ методомъ, опредѣляетъ территорію распространенія дѣйствія Русской Правды, и А. Я. Ефименко—Литовско-русскіе данники и ихъ дани, гдѣ почтенная изслѣдовательница даетъ полную характеристику этого класса древняго населенія. Результатомъ разработки обширнаго матеріала явился рефератъ В. В. Иванова—Изъ внутренней жизни Слободской Украины. Здѣсь авторъ, беря эпоху XVIII в., остановился на характерныхъ особенностяхъ землевладѣнія войсковыхъ обитателей и на развитіи въ эту эпоху кустарныхъ ремеслъ. Г-жа Ефименко доложила съѣзду еще вторую работу—Къ вопросу о братствахъ. Путемъ сравнительнаго метода, принимая во вниманіе русское и вообще славянское обычное право, въ связи съ результатами германской научной литературы по этому предмету, г-жа Ефименко пришла къ заключенію, что разнообразныя формы братской организаціи играли въ эволюціи человѣчества роль переходной ступени, чрезъ которую архаическій строй жизни, державшійся на правахъ родовой связи, переходилъ къ позднѣйшимъ. Пользуясь интересными документами Архива Министерства Юстиціи, Е. А. Альбовскій имѣлъ возможность въ рефератѣ—Къ первоначальной исторіи города Харькова, представить вниманію членовъ любопытныя черты изъ жизни г. Харь-

кова въ первый періодъ его существованія, т. е. въ половинѣ XVII столѣтія.

Въ секціи языка и письма, наряду съ рефератами болѣе спеціальнаго характера, какъ напр. г. Лопатинскаго—Нѣкоторые суффиксы русскаго языка, образовавшіеся подъ вліяніемъ кавказскихъ языковъ, проф. Карскаго—Къ вопросу о разграниченіи русскихъ нарѣчій, Ю. И. Тиховскаго—Малорусскія и западно-русскія учительныя евангелія XVI—XVII в., А. П. Кадлубовскаго—О старопечатныхъ южно-русскихъ тріодяхъ, и др., отмѣтимъ рефератъ на болѣе общую тему, именно рефератъ проф. Бороздина—О задачахъ изученія древне-русской литературы. Основное положеніе референта заключается въ слѣдующемъ: такъ какъ литературное творчество есть фактъ не только индивидуальной психологіи, но, въ значительной мѣрѣ, фактъ соціальный, то задача вообще науки состоитъ въ томъ, чтобы ввести изслѣдованіе литературы въ общее изученіе соціальнаго процесса.

Секція древностей славянскихъ не отличалась обиліемъ рефератовъ, да и прочитанные рефераты можно было съ успѣхомъ отнести къ какой нибудь другой секціи. Укажемъ въ этой секціи на два реферата А. Л. Липовскаго. Первый озаглавленъ—Можно-ли, по филологическимъ соображеніямъ, приписывать городища на Приднѣпровьѣ славянамъ? А. Л. Липовскій на этотъ вопросъ даетъ отрицательный отвѣтъ, основываясь, главнымъ образомъ, на анализѣ заимствованныхъ словъ въ славянскихъ языкахъ. Среди словъ, опредѣляющихъ культурныя понятія славянъ, совсѣмъ не встрѣчается греческихъ словъ, и эти послѣднія появляются лишь послѣ принятія славянами христіанства. Это—еще одно очень вѣское мнѣніе противъ теоріи В. В. Хвойки о славянской народности приднѣпровскихъ городищъ. Въ другомъ рефератѣ г. Липовскій приводитъ параллель козачеству изъ исторіи южныхъ славянъ.

Нѣкоторыя засѣданія археографической секціи носили очень оживленный характеръ благодаря докладамъ проф. Д. Я. Самоквасова—Русское архивное законодательство и О будущей архивной реформѣ въ Россіи. Сущность этихъ докладовъ уже извѣстна

по кіевскому съѣзду, останавливаться на нихъ мы не будемъ, отмѣтимъ лишь постановленіе по этому предмету совѣта съѣзда: ходатайствовать объ оказаніи покровительства охранѣ архивовъ, составляющихъ драгоцѣннѣйшее научное сокровище русскаго государства и народа, и о дальнѣйшемъ движеніи организаціи архивнаго дѣла, согласно съ ходатайствомъ о томъ кіевскаго археологическаго съѣзда 1899 г. Обзору мѣстнаго архивнаго матеріала было посвящено нѣсколько докладовъ, между прочимъ, В. В. Иванова—объ архивныхъ матеріалахъ по Слободской Украинѣ, и Д. П. Миллера—Архивы харьковской губерніи.

Въ секціи памятниковъ искусствъ и художествъ отмѣтимъ два очень цѣнныхъ реферата. Проф. Д. В. Айналовъ взялъ матеріаломъ для своего доклада детальное изученіе сохранившихся мраморовъ и инкрустацій Десятинной церкви и Кіево-Софійскаго собора. Докладчикъ указалъ сначала, что древніе архитектурные памятники Кіева въ общемъ еще мало изучены, тогда какъ даже архитектурныя детали—облицовка и инкрустація заслуживаютъ полнаго вниманія. Изученіе этихъ деталей привело референта къ очень интереснымъ выводамъ, напр., имъ констатированъ фактъ облицовки стѣнъ Софійскаго собора мраморомъ. Второй докладъ, проф. Е. К. Рѣдина,—Религіозные памятники искусствъ харьковской губерніи, явился результатомъ научныхъ экскурсій по харьковской губерніи. Въ рефератѣ была дана характеристика какъ архитектуры деревянныхъ церквей XVII—XVIII ст., такъ и церковной живописи, съ подраздѣленіемъ послѣдней на образцы, выработанные мѣстной жизнью и на заимствованія съ запада. Крымѣ того, докладчикъ обратилъ вниманіе и на другіе виды церковной утвари, главнымъ образомъ, металлической.

Одной изъ самыхъ дѣятельныхъ была секція историко-географическая и этнографическая. По первому отдѣлу укажемъ на рефератъ проф. Д. И. Багалѣя—Основаніе города Харькова, представляющій первую главу изъ обширной работы—Исторія г. Харькова, предпринятой референтомъ, при сотрудничествѣ Д. П. Миллера, по порученію харьковскаго городского управленія. Первоначальной исторіи другого города—Азова касался рефератъ

проф. Ковалевскаго. Интересную тему для доклада избралъ Л. В. Падалка—Что сказало населеніе полтавской губерніи о своемъ бытѣ. Основой заключеній послужили сообщенія многочисленныхъ корреспондентовъ изъ разныхъ слоевъ населенія. Сообщенія эти касаются какъ опредѣленія племеннаго состава, такъ и разныхъ сторонъ быта. По второму отдѣлу, чисто этнографическому, представлено очень много рефератовъ. Общаго положенія дѣла касался рефератъ В. И. Василенка—Къ вопросу объ областной этнографіи, гдѣ референтъ, выяснивъ нужды систематическаго обслѣдованія народнаго быта, выразилъ желательность учрежденія областныхъ ученыхъ обществъ и музеевъ. Остальные доклады касались различныхъ сторонъ народной жизни и, особенно, различныхъ ремеслъ. Здѣсь имѣются рефераты: проф. А. П Краснова—Эволюція жилища и одежды крестьянъ ближайшихъ окрестностей г. Харькова, Е. П. Радаковой—Этнографическая экскурсія по екатеринославской губерніи, В. М. Василенко—О ткачествѣ въ полтавской губ. въ этнографическомъ отношеніи, А. М. Покровскаго—О золотарствѣ въ харьковской губерніи, А. И. Зарѣцкаго—О гончарномъ производствѣ въ полтавской губ. и орнаментъ на гончарныхъ издѣліяхъ, В. А. Бабенко—Кацарство въ харьковской губерніи, и др. Особенной теплотой отличался, затѣмъ, рефератъ проф. В. П. Мочульскаго—Смерть козака по малороссійскимъ пѣснямъ и думамъ.

Одно изъ засѣданій этнографической секціи было устроено при совершенно особенной обстановкѣ—устроителями съѣзда были приглашены изъ черниговской, полтавской и харьковской губерній кобзари лирники, и засѣданіе состоялось съ ихъ участіемъ. Исполненіе многочисленными народными пѣвцами думъ, духовныхъ стиховъ, пѣсенъ и т. п. оставило послѣ себя неизгладимое впечатлѣніе

Кромѣ засѣданій, по установившемуся обычаю, членами съѣзда были совершены археологическія экскурсіи: одна на Донецкое городище, другая—въ имѣніе П. И. Харитоненко у с. Ницахи, ахтырскаго у. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ были произведены раскопки—городища и у Ницахи—славянскаго могильника.

Въ заключеніе, приводимъ тѣ пожеланія съѣзда, которыя явились, будучи вызваны ходомъ занятій съѣзда. О ходатайствѣ объ упорядоченіи архивнаго дѣла мы уже упомянули, затѣмъ идутъ еще слѣдующія: 1) Выразить отъ имени съѣзда принципіальное сочувствіе учрежденіямъ и ученымъ обществамъ для изученія губерній и просить о скорѣйшемъ разрѣшеніи ходатайства объ открытіи Общества любителей изученія полтавской губерніи, 2) обратиться къ г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ просьбой оказать покровительство кобзарямъ и лирникамъ, такъ какъ они не являются нищими, но, будучи слѣпцами, зарабатываютъ хлѣбъ исполненіемъ пѣсенъ религіознаго, историческаго и бытового характера, 3) просить членовъ XII археологическаго съѣзда оказать свое содѣйствіе Московскому археологическому обществу въ дѣлѣ составленія археологическаго словаря и 4) ходатайствовать о скорѣйшемъ изданіи закона, воспрещающаго вывозъ древностей изъ предѣловъ Россіи.

Мѣстомъ слѣдующаго, XIII-го, археологическаго съѣзда, въ 1905 году, избранъ г. Екатеринославъ. Такимъ образомъ, работа будущаго съѣзда станетъ продолженіемъ работъ харьковскаго, и отъ такой послѣдовательности дѣло изученія памятниковъ старины только лишь выиграетъ. Пожелаемъ-же молодому Екатеринославскому научному обществу и вообще Екатеринославскому обществу такъ же успѣшно справиться съ задачей устройства съѣзда, какъ справился съ ней Харьковъ.

Н. Б.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи заточенія кошевого П. Калнышевскаго въ Соловецкомъ монастырѣ. 28 іюня 1787 года, по случаю исполнившагося 25-лѣтія царствованія императрицы Екатерины II, изданъ былъ манифестъ «о разныхъ дарованныхъ народу милостяхъ» (Полн. собр. зак. т. XXII, № 16551). Въ числѣ другихъ лицъ, этимъ манифестомъ оказаны были милости и различнаго рода уголовнымъ преступникамъ, при чемъ относительно тѣхъ изъ нихъ, которые по производящимся о нихъ дѣламъ содержались болѣе 10 лѣтъ, повелѣно было «не мѣшкая освободить». 4 августа этотъ манифестъ полученъ былъ въ Соловецкомъ монастырѣ при указѣ свят. Синода съ предписаніемъ представить въ Синодъ вѣдомость о томъ, кто изъ содержащихся въ монастырѣ арестантовъ можетъ быть освобожденъ во исполненіе высочайшаго повелѣнія. Въ виду того, что находившіеся въ то время въ монастырѣ „колодники“ содержались по именнымъ повелѣніямъ ея имп. величества, а о такого рода колодникахъ ничего не говорилось въ присланномъ манифестѣ, Соловецкій архимандритъ Іеронимъ, затрудняясь исполненіемъ указа Синода, препроводилъ въ Архангельское намѣстническое правленіе именную вѣдомость содержавшихся въ монастырѣ арестантовъ съ просьбой разъяснить, какъ поступить ему въ данномъ случаѣ. Въ присланной вѣдомости обозначено было 13 арестантовъ, въ числѣ ихъ подъ № 7 значится: «*бывшей Сѣчи Запорожской кошевой Петръ Калнышевскій* (въ графѣ: съ котораго времени) съ 29 іюля 1776 г. (въ графѣ—откуда, по какимъ повелѣніямъ присланы и какъ содержать велѣно) по указу свят. пр. Синода во исполненіе высочайшей ея имп. величества на всеподданнѣйшемъ генералъ-

аншефа военной коллегіи вице-президента астраханской, азовской и новороссійской губ. генералъ-губернатора и кавалера Григорія Александровича Потемкина докладѣ конфирмаціи, для содержанія безвыпускно изъ монастыря и удаленія не токмо отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія, за неослабнымъ карауломъ обрѣтающихся въ монастырѣ солдатъ».

Исправлявшій въ то время должность олонецкаго и архангельскаго генералъ-губернатора Тутолминъ, разсмотрѣвъ присланный архимандритомъ списокъ, увѣдомилъ его, что указанные въ спискѣ колодники, по его, ген.-губернатора, мнѣнію, не подходятъ подъ дѣйствіе манифеста 28 іюня 1787 г., тѣмъ болѣе, что вины ихъ извѣстны одной лишь тайной экспедиціи. Затѣмъ, въ декабрѣ того же года, Тутолминъ дополнительно увѣдомилъ архимандрита, что о содержащихся въ Соловецкомъ монастырѣ колодникахъ представлено было имъ на высочайшее усмотрѣніе, при чемъ мнѣніе его было одобрено и предписано показанныхъ въ вѣдомости архимандрита колодниковъ содержать по прежнему.

Въ вѣдомости колодниковъ, содержавшихся въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1794 г., Калнышевскій тоже значится, при чемъ пояснено, что онъ присланъ въ монастырь «за вѣроломное буйство и разореніе россійскихъ вѣрноподданныхъ для содержанія безвыпускно изъ монастыря и удаленія не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія». По заявленію архимандрита, Калнышевскій «нынѣ житіе препровождаетъ смиренно и никакихъ безпокойствъ никому отъ него не происходитъ». Такіе же отзывы съ небольшими лишь варіаціями о немъ даны въ вѣдомостяхъ за 1795, 1796, 1797, 1798 и 1799 годы. Въ вѣдомости за 1802 г. Калнышевскій въ числѣ лицъ содержавшихся подъ стражей въ монастырѣ не показанъ,—онъ къ тому времени былъ освобожденъ изъ-подъ содержанія подъ стражей и жилъ на свободѣ.

Письмо М. С. Щепкина къ Д. П. Гавриленку. (1837 г.) [1]. «Милостивый Государь Дмитрій Петровичъ! Прежде всего я бы дол-

---

[1]) За сообщеніе подлинника этого письма Редакція выражаетъ искреннюю признательность Д. П. Бутовскому.—М. С. Щепкинъ происходилъ изъ крѣпостныхъ Д. П. Гавриленка, кобелякскаго уѣзднаго пред-

женъ былъ благодарить васъ за дружеское ваше расположеніе и за всѣ одолженія и хлопоты къ вашему покорнѣйшему слугѣ, но всего этого было такъ много, что у меня не достанетъ словъ для выраженія оной; но у меня такъ много чувствъ для всего этого и смѣю увѣрить васъ, что никакое время не изгладитъ ихъ въ моемъ сердцѣ. Но это теперь въ сторону; скажу вамъ о моемъ пребываніи въ Вознесенскѣ. Много было дурного и хорошаго и, благодаря Г. Дрындену, все кончилось лучше, нежели можно было ожидать, имѣя дѣло съ *Ерохинымъ*. Хотя со стороны финансовъ мало прибавилось, но со стороны славы, и милостей Двора, и ласкъ его свѣтлости Петра Михайловича Волконскаго [1]), неизчерпаемый источникъ благъ. Отъ первыхъ я и дочь получили царскіе подарки: я—перстень слишкомъ въ 1000 р., а дочь—серьги рублей въ 600, а второй осыпалъ ласками меня съ дочерьми и приглашалъ меня съ меньшей дочерью въ Петербургъ и говорилъ ей, что онъ надѣется, что она посвятитъ себя совершенно театру, велѣлъ ей учиться пѣть у Герколани, театральнаго учителя школы, а мнѣ велѣлъ ее затянуть въ корсетъ, а то говоритъ стыдно, это хорошенькая дѣвушка держитъ себя на сценѣ дурно. Ну что скажете, не балуетъ меня Богъ? Царица съ Маріей Николаевной [2]) смотрѣли Сашку въ Кетли и Дебютантѣ половину, ибо обѣ піэсы игрались по волѣ министра въ одинъ спектакль. Вотъ все, что случилось интереснаго въ наше пребываніе. Я знаю, что вамъ пріятно это знать».

водителя дворянства. Въ принадлежавшемъ Гавриленку м. Озерахъ (кобелякскаго у.) существовалъ въ ту пору каменный театръ съ тремя ложами и партеромъ, сломанный 27 лѣтъ тому назадъ Александрою Дм. Гавриленко, вдовою Дм. Петровича Г. Въ Озерахъ бывалъ Щепкинъ и въ расцвѣтѣ своей артистической славы. Настоящее письмо написано еще до начала знакомства М. С. Щепкина съ Т. Г. Шевченкомъ, знакомства, перешедшаго въ теплую и неизмѣнную дружбу, о которой съ сердечнымъ умиленіемъ разказываетъ самъ поэтъ въ своемъ дневникѣ (см. стр. 140, 146, 148 и сл., 150 и сл., 155-158, 165, 171 и сл., 174 и сл., 181--190, 207—по львовскому изданію 1895 г. Ср. также у А. Я. Конисскаго: Жизнь Т. Г. Шевченка. Одесса, 1888. Стр. 154, 187, 483, 489 и сл., 509--514). Письмо послано изъ Вознесенска, вѣроятно изъ императорской квартиры, потому что на бумагѣ оттиснутъ штемпель имп. Николая I.—Ред.

[1]) Министръ двора при имп. Николаѣ I

[2]) Великая княжна.

«Пользуясь вашимъ расположеніемъ, я не высылаю теперь къ вамъ по щотамъ денегъ, а покорнѣйше прошу увѣрить М. Штрацъ, Фендрикъ и Ланге, что деньги ихъ, всѣхъ 600 р., я непремѣнно чрезъ пять мѣсяцевъ къ вамъ вышлю съ моей благодарностью: или по обѣщанію вашему, естьли у васъ будутъ свободныя деньги, то уплатите имъ, ибо быть одолжену вамъ мнѣ пріятнѣе. Здѣсь за хлопотами, суетой и безпорядкомъ я ничего для васъ не переписалъ, но по возвращеніи въ Москву вы вскорости получите много кой чего театральнаго. Мы захватили съ собой ноты изъ Кетли и Дѣвушки Гусаръ, которые получите отъ подательницы сего письма, которой въ случаѣ нужды какой-либо, не откажите въ какомъ-либо пособіи, а особливо естьли можно что сдѣлать для дѣтей её, а Богъ вамъ скажетъ за это спасибо».

«Прошайте, мой дорогой баринъ, да ниспошлетъ всевышній вамъ всѣ земныя блага вмѣстѣ съ Александрой Дмитріевной, которой возьмите трудъ изъявить отъ меня и отъ жены наше истинное почтеніе и вѣрьте, что имена ваши не выходятъ изъ сердца того, кто истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣемъ пребыть

Вашъ
Милостивый Государь
Покорнѣйшій слуга
Михайло Щепкинъ.

От. 5-го Сентября 1837 [1]) года. Возьмите на себя трудъ изъявить мое почтеніе Барону Корфъ [2])».

Сообщ. **Д. Б—ій**.

Изъ прошлаго Полтавщины. I. *Объ учрежденіи фельдшерской школы въ Полтавѣ.* Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія московскій военный губернаторъ вошелъ съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ объ учрежденіи при Екатерининской боль-

---

[1]) Первоначально было написано „1836“, затѣмъ исправлено.

[2]) По объясненію Александры Дм. Гавриленко, едва-ли это не описка. Вѣроятно, Щепкинъ имѣлъ въ виду бар. Франка. Мать Дм. Петр. Гавриленко была во второмъ бракѣ за бар. Франкомъ, бывшемъ 7 или 8 трехлѣтій Екатеринославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Съ бар Корфомъ семья Гавриленко не имѣла связей.

ницѣ, въ Москвѣ, фельдшерской школы. Больница эта находилась въ то время въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія. Этотъ проектъ навелъ на мысль министерство устроить такія же школы и въ другихъ городахъ на счетъ суммъ приказа общ. призрѣнія, для чего министерство и составило проектъ, который и былъ высочайше утвержденъ 7 апрѣля 1829 года. Школы эти учреждались съ тѣмъ, чтобы предварительно были составлены руководства. Этимъ проектомъ запрещалось принимать въ школу дѣтей казенныхъ крестьянъ, «дабы не отнимать рукъ отъ земледѣлія и отъ упражненій, свойственныхъ крестьянскому быту». Въ исключительныхъ же случаяхъ допускалось, «чтобы изъ оспопрививателей или изъ другихъ способныхъ молодыхъ крестьянъ въ казенныхъ селеніяхъ избрано было въ каждой губерніи по нѣсколько человѣкъ для помѣщенія пансіонеровъ и обученія ихъ на иждивеніи самихъ обществъ». Такое право было предоставлено и удѣльному вѣдомству, а также помѣщикамъ, если бы они пожелали кого-либо отдать въ эту школу. Министерство вн. дѣлъ въ январѣ 1831 года предложило полтавскому приказу общественнаго призрѣнія высказать свои соображенія объ устройствѣ такой школы въ Полтавѣ. Но приказъ отнесся несочувственно къ этому проекту. По его разсчету, въ полтавской губерніи нужны фельдшера для трехъ богоугодныхъ заведеній (по одному для полтавскаго, лубенскаго и роменскаго), да по одному для городскихъ больницъ, всего 20 человѣкъ; поэтому приказъ высказался противъ учрежденія въ Полтавѣ особой фельдшерской школы и находилъ, что лучше помѣстить 20 человѣкъ въ харьковскую фельдшерскую школу, чѣмъ учреждать самостоятельную школу. Такой отвѣтъ и былъ посланъ въ министерство въ январѣ 1833 года. Добрый починъ правительства, такимъ образомъ, не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ то время еще не сознавалась необходимость медицины для населенія, лѣчились у знахарей. (Арх. Прик. Об. Призр. въ губ. З. Управѣ. 1831 по описи №. 397).

II. *Дѣтскій пріютъ въ Полтавѣ на подобіе нынѣшнихъ «яслей»*. Въ настоящее время города и земства устраиваютъ пріюты подъ названіемъ «ясли»,—учрежденія, несомнѣнно, очень полезныя. Но ничто не ново подъ луною. Такой пріютъ былъ учрежденъ въ Полтавѣ въ 1839 году, о чемъ очень много заботился тогдашній губернаторъ А. Е. Аверкіевъ и его супруга Анна Алексѣевна. Директоромъ этого пріюта и вмѣстѣ казначеемъ былъ Богдановъ, служившій въ

приказѣ общественнаго призрѣнія непремѣннымъ членомъ, а «почетнымъ» старшиною былъ тогдашній купецъ, почетный гражданинъ, Петръ Ворожейкинъ, на первый годъ существованія этого пріюта нанявшій на свой счетъ помѣщеніе для него. Безвозмездно занимался въ этомъ пріютѣ священникъ каѳедральнаго собора (впослѣдствіи каѳедральный протоіерей) Павловскій, а медицинскую помощь оказывалъ, также безвозмездно, служившій въ то время во врачебной управѣ, докторъ медицины, Росьцишевскій. Для пріюта былъ составленъ уставъ, утвержденный 27 декабря 1839 г. Императрица Александра Ѳедоровна приняла этотъ пріютъ подъ свое покровительство. Ознакомимся съ его уставомъ. Цѣль учрежденія пріютовъ та же, что и нынѣшнихъ «яслей». Они предзначаются, читаемъ въ уставѣ, «въ особенности для тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, кои во время дневныхъ работъ ихъ родителей или родственниковъ, по необходимости оставаясь безъ призора и попеченія, лишены способовъ нравственнаго образованія и сверхъ того подвергаются всѣмъ несчастнымъ случаямъ, которыхъ, по слабости силъ и по неопытности, не въ состояніи ни предупреждать, ни предвидѣть и которые могутъ, сдѣлавъ ихъ всю жизнь неспособной къ какой-либо работѣ, обратить въ тягость родителей и общества».

«Дитя,—говорится въ другомъ параграфѣ устава,—въ пріютѣ этомъ должно найти не роскошь, не привычку къ тѣмъ предметамъ, которые могутъ ему быть чужды въ продолженіе его жизни, но нѣжную заботливость, обыкновенную во всякомъ, хотя бѣдномъ, но хорошемъ семействѣ». Въ пріютъ принимались дѣти не моложе 3-хъ лѣтъ; достигшія 19 лѣтняго возраста увольнялись на попеченіе родителей. Принимались одни безплатно, другія съ небольшой платой и, наконецъ, были дѣти, содержавшіяся на иждивеніи частныхъ лицъ—«благотворительныхъ особъ», какъ сказано въ уставѣ. Въ пріютѣ дѣти оставались съ 1 мая по 1 сентября отъ 7 часовъ утра до 9 ч. вечера, а въ прочіе мѣсяцы—отъ 7 ч. утра до 8 ч. вечера.

Въ пріютѣ дѣти получали пищу и платье на время нахожденія въ немъ. Вмѣсто чая, столь употребительнаго нынѣ, давали имъ сбитень, отваръ шалфея, смородиновыхъ листьевъ, калиновыхъ побѣговъ, смотря по распоряженію врача, наблюдавшаго за пріютомъ. Интересны занятія въ этомъ пріютѣ. Въ 10 ч. утра былъ урокъ Закона Божьяго, продолжавшійся не болѣе получаса. Послѣ этого урока дѣти упражнялись полчаса въ ровной ходьбѣ, что служило «практическимъ изученіемъ ариѳметики, учились счисленію», затѣмъ чтеніе и «уроки послу-

шанія». Въ чемъ состояли послѣдніе, къ сожалѣнію, мы не знаемъ. Наказывать дѣтей тѣлесно было запрещено Въ 12 ч. былъ обѣдъ, послѣ котораго имъ читали сказки, легкія повѣсти, стараясь вызвать у дѣтей вопросы о прочитанномъ, и, наконецъ, послѣ всего этого, было упражненіе въ пѣніи молитвъ, гимновъ и пѣсенъ.

Средства для содержанія пріюта были пожертвованія. Воспитанницы полтавскаго института пожертвовали до 30 вышивныхъ работъ, которыя и были разыграны въ аллегри, устроенной вице-губернаторомъ Селецкимъ. За эти работы выручено было 900 р. Устраивались концерты, спектакли. На концертахъ пѣли аріи изъ оперъ: «Норма», «Бронзовый конь», изъ оперы «Монтекки и Капулетти» Беллини, давно сошедшія съ театральнаго репертуара. Изъ драматич. пьесъ давались: «Узкіе башмачки», «Интересный случай», «Хорошо и дурно», «Школьный учитель». Бывали спектакли и на французскомъ языкѣ. Извѣстный въ то время віолончелистъ Серве далъ концертъ, давшій сбору 1413 р. 68 к. Ставились и живыя картины: Абидосская невѣста, Эсмеральда, Равенна, Ревекка, Офелія, Кавказскій плѣнникъ, Нинъ и Семирамида. Въ устройствѣ этихъ развлеченій принимало участіе все полтавское общество, сочувственно относившееся къ этому учрежденію. Замѣтимъ, что въ 1844 г. этотъ пріютъ имѣлъ уже капитала 5614 р. (Полт. Вѣд. 1844, №: 45 и 41; 1876, №. 8 и 14).

И. Ф. Павловскій.

Крохи литературнаго наслѣдія С. В. Руданскаго. Судьба литературнаго наслѣдія С. В. Руданскаго очень печальна. При жизни поэта очень мало было напечатано его произведеній, а послѣ смерти рукописи его разошлись по рукамъ родныхъ, друзей, знакомыхъ и просто любителей разнаго рода и лишь въ теченіе послѣдняго десятилѣтія начали появляться въ печати. Можно съ увѣренностью сказать, что до сихъ поръ напечатано далеко не все изъ написаннаго С. В. Руданскимъ. Однѣ изъ рукописей его, надо полагать, погибли безвозвратно, другія гніютъ гдѣ-нибудь подъ спудомъ въ ожиданіи или той же участи, или того счастливаго дня, когда кто-нибудь случайно и неожиданно извлечетъ ихъ на свѣтъ Божій. При такихъ условіяхъ, когда все зависитъ отъ одной лишь случайности, нельзя пренебрегать даже и сомнительными источниками, если въ нихъ содержатся какія нибудь указанія на произведенія даннаго злополучнаго автора. Быть

можетъ, указанія эти послужатъ поводомъ къ сообщенію и болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній. Къ такимъ именно источникамъ сомнительнаго свойства нужно отнести рукописные «альбомы», которые были въ большомъ ходу въ половинѣ минувшаго вѣка, да не перевелись въ извѣстныхъ кругахъ и до настоящаго времени. Владѣльцы или большею частью владѣлицы этихъ альбомовъ заносили туда все, что удовлетворяло ихъ вкусамъ или просто попадалось подъ руку; а такъ какъ стихотворенія С. В. Руданскаго были очень популярны въ Подоліи въ 60-ые и 70-ые годы, то попадали въ большинство этихъ альбомовъ. Родственникомъ покойнаго поэта, свящ. А. А. Руданскимъ, мнѣ доставленъ небольшой отрывокъ такого альбома, и въ этомъ отрывкѣ среди обычнаго и неизбѣжнаго альбомнаго матеріала есть нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ нѣкотрыя безспорно принадлежатъ С. В. Руданскому и уже напечатаны въ львовскомъ собраніи его сочиненій, другія же могутъ быть приписаны ему съ большею или меньшею степенью вѣроятности. Такъ, здѣсь есть стихотворенія: «Ты не моя, дивчыно молодая» (озаглавлено—«Рондо») [1]. «Мене забудь» [2]), «Писня»

[1]) По сравненію съ напечатаннымъ въ 1 т. сочиненій Руданскаго (стр. 11) стихотвореніе это въ настоящей редакціи заключаетъ въ себѣ слѣдующіе варіанты: 1 стихъ—„дивчыно молодая“ (вм. „дивчыно дорогая“); 3 ст.—„Душа говорытъ мни смутная“ (вм. „Вищуе думонька смутная“); послѣ трехъ первыхъ извѣстныхъ строфъ имѣется новая:

Ты не моя—и чорни очи
Хтось иншый любыть, а не я;
На мене й глянуты не хочешъ,
Бо ты, дивчыно, не моя.

Послѣднія двѣ строфы стихотворенія переставлены—одна вмѣсто другой. Дата—16 іюля.

[2]) Стихотвореніе это также имѣетъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ помѣщеннымъ во второмъ томѣ „Творивъ Степана Руданського“ (на стр. 52): 8 стихъ—„Мене жъ забудь, мене забудь“! (вм. „Мене забудь, мене забудь“); 10-й ст.—„Но якъ бы я колы небудь“ (вм. „Та якъ бы я колы небудь“); послѣ 2-й строфы вставлена новая:

Мене забудь и важку думку
Видъ свого серденька видтруть;
Тебе полюбыть хтось, голубко,
Мене жъ забудь, мене забудь.

Дата—17 іюля.

(«Не дывуйтесь добри люде») [1]). Съ несомнѣнностью же можно утверждать принадлежность Руданскому и стихотворенія: «До могыливськыхъ молодыхъ хозяивъ, котрыхъ глыбоко дуже я шаную—лыстъ», по слѣдующимъ основаніямъ. Во второмъ томѣ львовскаго изданія сочиненій С. В. Р. (стр. 28) помѣщено состоящее изъ 8 строчекъ стихотвореніе—«Сыротына я безродный», датированное 4 мая 1852 года; эти 8 строчекъ входятъ въ составъ вышеуказаннаго стихотворнаго письма поэта и находятся въ тѣсной связи съ его содержаніемъ. По всей вѣроятности, авторъ, редактируя для печати свои стихотворенія, выдѣлилъ изъ

---

[1]) См. т II, стр. 59 „Творивъ Степана Руданського". Варіанты: 2-й стихъ—„Не дывуйтесь вы, сосиды" (вм. „Добри люды, вы сосиды"); 3-й ст.—„Що жъ задумаюсь межъ вамы" (вм. „Що задумаюсь мижъ вамы"); 4-й—„И журуся"... (вм. „Що журуся"...); 5-й—„Но скажите, що по тому"? (вм. „Що жъ по тому? Що жъ по тому?); строфы 4 и 5 измѣнены:

Розстелылось життя мое,
Якъ пустая тая ныва.
Що бъ попалась хоть идная
Яка квиточка счаслыва!
Жаръ серденько прыгривае,
Душа рада бъ въ холодочокъ,
Но де гляну,—що бъ то кущыкъ!
Лышъ иденъ, иденъ писочокъ.

Затѣмъ вставлена новая строфа:

Жаръ серденько прыгривае.
Забагается водыци,
Но лышъ горы каминніи,
А нема, нема керныци.

Варіантъ слѣдующей строфы:

И я сохну, засыхаю,
Якъ въ полю былына тая,
Покы мене не прыгорне
Де могыла сыровая.

Дальше болѣе мелкія измѣненія: „Ой, прыгорне"... (вм. „И пригорне"...); въ началѣ слѣдующей строфы: „Ой, загыну, якъ былына" (вм. „И прыгорне могылочка"); „Зъ жалю серце замырае" (вм. „Зъ жалю серце роспукае"); въ послѣдней строфѣ: „Не дывуйтесь, добри люде" (вм. Не дывуйтесь же вы, люды"), „И журуся я завсиды" (вм. „Що журюся я завсигды"). Внизу стихотворенія—иниціалы С. В. Р. и дата—27 іюля.

«Лыста» и предназначилъ къ печатанію лишь ту часть его, которая лишена была интимнаго элемента и имѣла общій лирическій характеръ. Вотъ это стихотвореніе полностью:

Вы счаслывы, слава Богу,
Молодіи хозяи,
И вступылы на дорогу
Серцю мылои семьи.
Вы счаслывы въ своій хати,
Маете свій хлибъ и силь,
Може вы и не богати,
Но не мае серця биль... (?)
Мицно взявшыся за рукы,
На крутенькыхъ стежечкахъ
Не зазнаете вы мукы...
Хоць не разъ въ лыхыхъ часахъ
Хто иденъ похылытнется
И готовый буде впасть,
Другый заразъ встрепенется
И загынуты не дасть.
Слава Богу! Слава Богу!
Дай же Боже, такъ и намъ,
Дай намъ выйты на дорогу,
Не блудыты по горамъ.
Но лебонь не буде того,
Не покынемъ горя мы,
Мы не вылизымъ изъ єго,
Якъ невильныкъ изъ тюрмы...
Може, правда, хто и буде
Маты счастя и изъ насъ,
Може выйде меже люде
Шидъ ясный счаслывый часъ
Но на себе я не скажу,
Щобъ счаслывымъ (я?) де бувъ;
Якъ прыблудный хожу [1])...
Бо весь свитъ мене забувъ.

[1]) Послѣдняго слова въ этомъ стихѣ нельзя прочитать.

Свитъ не любыть невеселыхъ,
Я жъ смутный, якъ темна ничъ.
Любыть свитъ—хто добре меле,
А я зъ мовою на ничъ.
Биле лычко, чорни бровы,
Гарный сурдутъ и штаны,—
Отъ що свитъ любыть готовый,
Отъ чого хотятъ воны.
Що жъ у мене? Лыця спалы,
Я, якъ рута, змизернивъ,
Очи въ лобъ позападалы,
Ни сурдута, ни штанивъ...
Идно серце есть горяче,
Но глыбоко воно тамъ,
Его нихто не побаче,
Его знаю тилько самъ.
Такъ подумаю о соби
И за серце стысне жаль,
И я думаю о гроби,
Де закинчытся печаль.
Сыротына я безродный,
Десь загыну въ чужыни,
И нихто очей холодныхъ
Не закрые тамъ мени.
И не ридною рукою
Буду въ землю я зарытъ,
И тепленькою слёзою
Нихто гроба не зросытъ...
Но простите, добри люде,
(Си?) смутни мои слова
То (Такъ?) спиваты каждый буде,
Чымъ набыта голова.
Колы бъ трохы витеръ въ нюю
Съ полуночи повійнувъ,
Може бъ долю свою злую
Я нещасный позабувъ.
Вы счаслыви, добри люде,
Въ васъ святкы отъ нидъ викномъ,

Въ васъ кутя отъ скоро буде,
Потимъ скоро и выно.
Такъ святкуйте жъ вы счаслыво!
Най васъ счастя не мене!
И за медомъ, чы за пывомъ
Спомянить тамъ и мене.

Внизу стихотворенія подпись: «Ст. Р.»

Больше сомнѣній, въ смыслѣ принадлежности Руданскому, возбуждаетъ имѣющаяся въ томъ же альбомѣ слѣдующая «Пѣсня»:

Хоць вій, не вій, витре буйный,
Дощу не спровадышъ,
Быйся серце и не быйся,
Щастя не завабышъ.
Ой, не быйся, серце мое,
Якъ голубъ въ виконце!
Не для тебе свитыть мисяць,
Не для тебе й сонце.
Не для тебе рано пташка
Спивае въ садочку,
Не для тебе росте квитка
Въ зеленимъ лугочку.
Не для тебе тече ричка
Межъ высоки горы,
Не для тебе мылый ранокъ
И вечирни зоры.
Не для тебе прыятели,
Ты ихъ не выдало,
Тилькы тяжкыхъ вороженькивъ
Скризь ты зазнавало.
Не для тебе биле лычко
И чорніи бровы,
Не для тебе друге серце
Любыты готове.
Тоби ничка безъ свитання,
Тоби чорни тучи,
Тоби смутокъ, тоби горе
И слёзы горучи.

Само на свити явылось,
Само съ свита пидешъ.
Нихто тебе не прыгорне...
Що жъ ты, бидне, вдинешъ?

Терпы, терпы, докы стане
Терпы же (?) у тоби,
Колысь будешъ ты спокійнымъ,
Якъ ляжешъ у гроби.

Тонъ, характеръ и складъ этого стихотворенія во многомъ напоминаетъ манеру Руданскаго, но утверждать здѣсь что-либо положительное было-бы неосторожно. Точно также нельзя съ полною достовѣрностью ручаться и за принадлежность Руданскому помѣщеннаго въ томъ же альбомѣ стихотворенія «Смутокъ»:

Бувають на свити тяжкіи минуты,
Що свитъ тоби стане ще гирший видъ руты,
На серци наляже тяжкая печаль
И самъ не пизнаешъ, чого тоби жаль.
Захмурится лычко и бровы схылятся,
И очи загаснутъ, вогнемъ не блыщатся,
И тяжкее горе всю грудь потрясе
И вздохы тяжкіи наверхъ понесе.
Но тилько лышъ слизка изъ ока пробъется
И всюды по лычку смутнимъ розильется,—
И вздохы тяжкіи зъ грудей не лытятъ,
Пропаде весь смутокъ и грудямъ вильнище,
И серце смутнее стае веселище.

Такъ сынее небо лышъ хмара найде,
Ажъ поты для насъ веселійшъ не буде,
Ажъ докы та хмара буде тамъ стояты.
Но якъ вона стане дощемъ испадаты—
И небо яснее, и сонце блыщытъ,
И зновъ, якъ бувало, сей свитъ веселытъ.

Дата—16 іюля.

Стихотворный размѣръ «Смутка» является исключительнымъ по отношенію къ стихотвореніямъ Руданскаго, который питалъ какое-то органическое пристрастіе къ четырехстопному ямбу и хорею.

На разрозненномъ листкѣ альбома есть еще слѣдующій отрывокъ (конецъ) стихотворенія, датированный 17 іюля:

Прытулыла мене мыла
До серденька свого:
«Люблю тебе, мій мыленькій,
Якъ батенька свого».
Закотывся мисяць повный
За густыи хмары,
А тымъ часомъ ворогъ тяжкый
Въ мылу зъ лука вдарывъ.
Бувъ я свидкомъ якъ вмырала,
Очи закрывала,
И якъ тяжко нелюбого
Вона проклынала.
Ой заплакавъ я надъ нею,
Потимъ вырывъ яму
И на вичне поховавемъ
Дивчыну кохану.
Шумить, шумить вы, тополи,
Заростай, могыла,
Вже не встане съ сырой земли
Моя люба-мыла.

Сюжетъ этого стихотворенія во многомъ напоминаетъ «Два дубочкы» С. В. Руданскаго.

Въ томъ же, имѣющемся у меня отрывкѣ альбома есть небольшое стихотвореніе на русскомъ языкѣ—«Недоумѣніе»—съ подписью «Ст. Р». Вотъ оно:

Ахъ, серце, серце, что съ тобой?
Зачѣмъ ты бьешся такъ жестоко?
Зачѣмъ ты мчишься такъ далеко?
Ужели снова демонъ злой
Тебя опуталъ тенетами
И дѣва съ черными очами
Владѣетъ снова ужъ тобой?

Принадлежность Руданскому этого стихотворенія вполнѣ возможна; во второмъ томѣ его стихотвореній (на стр. 79) есть указаніе,

что въ рукописи поэта было какое-то небольшое стихотвореніе на русскомъ языкѣ, но стихи эти были вырваны изъ рукописи и осталось одно лишь заглавіе—«Проба по-московськи».

Больше въ альбомѣ нѣтъ ничего, что могло бы имѣть какое-либо отношеніе къ С. В. Руданскому.

—

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ ближайшихъ земляковъ поэта—подолянинъ прислалъ мнѣ около 10 стихотвореній, списанныхъ, по его словамъ, съ автографа Руданскаго. Среди нихъ есть слѣдующее, неизвѣстное до сихъ поръ въ печати, стихотвореніе:

Тамъ де Горинь розиллявся,
Тамъ я бувъ щаслывый.
Тамъ край любый, тамъ край гарный,
Тамъ я въ першый разъ кохався.
Тамъ дивчыну якъ побачывъ,
На викъ волю втратывъ:
Полюбывъ я дивчыно́ньку,
Ясну, якъ зиро́ньку,
Въ свити кращои немае.
Краща всихъ квиточкивъ въ гаю:
Биле лычко, чорни бровы
Косонькы шовкови.
На часокъ я засміюся,
Зновъ гирко заплачу,
Цилый день на шляхъ дывлюся
За сто мыль, здается, бачу,
Що мыленька поробляе,
Що вона думае...
Чорна хмара наступыла
Тай сонце закрыла.
Горе жъ мени, горе—лышко,
Що марніе биле лычко
И що плачуть чорни очи
Та що-дня, що-ночи...

Сообщ. **А. Лотоцкій.**

Изъ народныхъ преданій. 1) «*Кармалюкова долына*». По догогѣ изъ слободки Рыхтецкой, каменецкаго уѣзда подольской губерніи, въ с. Ластовцы (въ $1-1^1/_2$ в. отъ послѣдняго) есть долина, которая у мѣстныхъ крестьянъ носитъ названіе «Кармалюковои» или же «долыны Кармалюка».—Ластовецкіе крестьяне, старожилы, еще помнятъ, какъ эта долина и вся мѣстность вокругъ Ластовецъ была покрыта сплошными, непроходимыми лѣсами, теперь вырубленными. Въ этой «Кармалюковой долинѣ», по мѣстнымъ преданіямъ, будто-бы жилъ и прятался извѣстный разбойникъ, Кармалюкъ. Тутъ же, въ долинѣ, указываютъ и пещеру, гдѣ онъ будто-бы прятался. Вотъ что разсказалъ мнѣ по этому поводу старикъ, крестьнинъ с. Ластовецъ, Ѳедосій Слободянъ. «Кармалюкъ, про котрого навытъ писни зложени, идно время, недовго жывъ коло нашыхъ Ластовецъ въ теперешній Кармалюковій долыни, въ выдовбляній въ камни, въ гори, печери, зъ двома своимы товарыщамы. На тій долыни и кругомъ неи булы превеликы лиса, такъ що ховатыся Кармалюкови въ ныхъ було дуже добре и до него трудно було добратыся. Якъ звистно и въ писняхъ спиваютъ, Кармалюкъ «одъ богатыхъ бравъ и биднимъ дававъ». Разъ якось случылось, що Кармалюкъ обибравъ, ограбывъ якось пана чы купця на дуже велыку сумму грошей, и такъ якъ на ту пору не було такихъ бидныхъ людей, котримъ Кармалюкъ мигъ бы роздаты тіи гроши, не було такихъ, котри нуждалыся бы въ его помочи.—то Кармалюкъ тіи гроши тымъ часомъ закопавъ въ землю, въ Кармалюкови долыни. Алежъ якось дуже въ скоримъ часи писля того начальство дозналося, де Кармалюкъ ховаеця, що винъ у тій долыни; взялы війско, окружылы долыну, зробылы облаву—и Кармалюкъ з товарыщами мусивъ утикаты зъ теи долыны—и втикъ, зоставывшы свои гроши въ долыни, закопаными въ земли; алежъ писля того все такы Кармалюка скоро зловылы,—а закопани имъ въ долыни гроши доси лежать въ земли и нихто не може ихъ найты».

И дѣйствительно, мнѣніе или убѣжденіе, что въ «Кармалюковой долинѣ» остались закопанныя Кармалюкомъ деньги,—«дуже велыка сумма»—твердо и глубоко держится среди ластовецкихъ крестьянъ, и въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія многіе изъ ластовецкихъ крестьянъ предпринимали поиски Кармалюковаго клада,—но тщетно и безуспѣшно. Тѣмъ не менѣе это не поколебало твердой вѣры ластовецкихъ крестьянъ въ существованіе клада. Эту вѣру еще болѣе укрѣпило то, что одинъ изъ крестьянъ, въ восьмидесятыхъ го-

дахъ оравъ поле, близь Кармалюковои долыны, на корчунку зъ-пидъ лису, выоравъ пень, а пидъ нымъ якись стари гроши». Надобно сказать, что фамилія Кармалюковъ въ Ластовцахъ довольно многочисленная и, очевидно, одинъ изъ предковъ теперешнихъ Кармалюковъ, ничего общаго съ извѣстнымъ Кармалюкомъ неимѣющій, быть можетъ, владѣлъ этой долиною и передалъ ей свое имя. Къ тому же, мѣстомъ разбойничьихъ подвиговъ извѣстнаго Кармалюка были летичевскій и литинскій уѣзды, а въ г. Каменцѣ онъ лишь не разъ содержался въ тюрьмѣ и подвергался публичному наказанію, но, убѣгая изъ ссылки, онъ всегда возвращался въ родныя ему мѣста.

2) «*Татарская долына*». По дорогѣ изъ г. Староконстантинова въ отстоящую въ 3 вер. отъ него дер. Григоровку, въ верстѣ отъ послѣдней, есть небольшая долина, извѣстная среди крестьянъ ближайшей деревни Григоровки подъ именемъ «Татарской». По преданію, существующему среди крестьянъ дер. Григоровки, долина эта называется «Татарскою» потому, что на ней татары, когда-то потерпѣли пораженіе. Объ этомъ сраженіи столѣтній старикъ, крест. д. Григоровки Яковъ Заяцъ (нынѣ покойникъ) такъ разсказывалъ: «наши татаръ розбылы и погналы въ рику Случъ, котра тутъ же на долыни и въ цимъ мисци дуже глыбока. Тоди багато татаръ потонуло въ Случи, утонувъ тоди и татарськый царь, котрый бувъ въ желизному убрани, дуже тяжкому, черезъ те винъ не мигъ переплысты ричку и пишовъ на дно. На тому татарському цареви була дуже дорога царьска корона и вона тежъ пишла на дно и до сего часу не найдена, бо ричка въ тимъ мисци дуже глыбока. А зъ того часу тую долыну сталы зваты «Татарською». Весьма вѣроятно, что здѣсь могло произойти одно изъ многочисленныхъ въ то время сраженій или стычекъ съ татарами. Все же остальное, что касается татарскаго царя и его короны, нужно отнести къ области народнаго вымысла. Въ этой и въ находящейся рядомъ съ нею (въ шагахъ 200-300) долинѣ извѣстной подъ именемъ «Мурованый мистъ»,—потому что на ней устроенъ «мурованый» т. е. каменный мостъ,—по словамъ григоровецкихъ крестьянъ «неспокойно» и мѣста эти—«нечысти». Ночующихъ въ полѣ съ лошадьми на этихъдолинахъ крестьянъ ночью во снѣ кто-то душитъ, тянетъ за ноги въ рѣку. Здѣсь, по словамъ крестьянъ, они нерѣдко видятъ то «билу кишку» (кошку), то «билу собаку», то «билу вивцю», то слышатъ, будто «щось стогне и охае», такъ, якъ чоловикъ, въ билому.

Крестьянинъ Семенъ Атласюкъ разсказывалъ: «Разъ, въ ночи, я йшовъ тымы долынамы, и десь взялась якась била собака и до самого села йшла за мною, а якъ я входывъ въ село, собака пропала, якъ кризь землю провалылась». Крестьянинъ Кость Самборскій сообщилъ: «Я разъ ночувавъ зъ киньмы на Татарскій долыни, лигъ спаты, и заснувъ,—чую кризь сонъ хто-сь цупыть мене за ногы до ричкы. Я зхопывся на ногы, ставъ хрестытысь, говорыты «да воскресне» за кони,—та дали з долыны». Крестьянинъ Александръ Нараевскій разсказываетъ, что «якъ разъ я ночувавъ з киньмы на Татарскій долыни, лигъ спаты, и вже заснувъ,—колы чую, щось, чы хтось душыть мене за горло. Я пробудывся,—перехрестывся, схопывъ кони,—та давай Богъ ногы зъ того проклятого мисця». Всѣхъ разсказовъ крестьянъ о Татарской долинѣ не переслушаешь. По убѣжденію крестьянъ,—то все «таке выробляе—утонувшый на тій долыни въ Случи татарьскый царъ».

Ив. Вѣньковскій.

Слѣды погибшаго архива. Въ послѣдніе годы XVIII ст., когда Звенигородка стала именоваться уѣзднымъ городомъ, въ ней, подобно нѣкоторымъ другимъ уѣзднымъ городамъ, было учреждено Звенигородское Духовное Правленіе, упраздненное въ половинѣ XIX ст. Долго дѣла этого Духовнаго Правленія лежали гдѣ-то подъ спудомъ, пока, наконецъ, въ 1875 году не послѣдовало распоряженіе высшаго духовнаго начальства, чтобы каждая церковь разыскала и забрала къ себѣ принадлежащія ей документы. Благодаря этому обстоятельству небольшая связка дѣлъ за 1803—1844 г.г. попала вмѣстѣ съ церковными документами въ с. Толмачъ звенигородскаго уѣзда, гдѣ и была нами разсмотрѣна при осмотрѣ съ археологической цѣлью церкви этого села. Въ числѣ другихъ дѣлъ, нерѣдко представляющихъ значительный интересъ для бытовой исторіи мѣстнаго духовенства и вообще для культурной исторіи мѣстнаго края, имѣется «Вѣдомость объ архивѣ Звенигородскаго Духовнаго Правленія» за 1843 годъ. Изъ этой вѣдомости и другого дѣла мы узнаемъ, что состоявшій съ 1840 г. при Звенигородскомъ Духовномъ Правленіи столоначальникомъ Петръ Доманицкій, спеціально занялся приведеніемъ въ порядокъ архива и къ 1844 году окончилъ свой трудъ. Вотъ что доноситъ по этому поводу Звенигородское Духовное Правленіе въ консисторію въ январѣ 1844 г.: «архивъ находится въ отношеніи къ порядку въ приличномъ состояніи,

а въ отношеніи внутренности—въ должной опрятности, исключая дѣлъ, поступившихъ за время бывшаго здѣсь на службѣ столоначальника Ивана Борымскаго, которые остаются доселѣ безъ надлежащей сдачи оныхъ нынѣшнему столоначальнику; что же касается хронологическаго реестра и алфавитнаго указателя, то таковые заботливостью присутствія будутъ введены; учиненная же вѣдомость объ архивѣ за 1843 годъ при семъ представляется».

Изъ этой вѣдомости мы видимъ весь составъ архива въ 1843 году, а именно: дѣлъ и актовъ—1) протоколы за 1800—1802 г.г. и 1830—1840 г.г. книгъ 2, 2) докладные реестры и журналы за 1800—1841 г.г. книгъ 24, 3) синодальные указы за 1836—1842 г.г. кн. 1, 4) исповѣдныя росписи за 1897—1841 г.г. кн. 68, 5) клировыя вѣдомости за 1795—1841 г.г. кн. 42, 6) ревизскія сказки за 1795—1833 г.г. кн. 3, 7) описи церковныхъ имуществъ за 1802—1823 г.г. кн. 2, 8) исходящіе реестры за 1796—1829 г.г. кн. 5, 9) разсыльныя книги 1822—1829 г.г.—3, 10) метрическія книги за 1791—1841 г.г., и *11) Дѣла разнаго рода 1768—1828 г.г.—3462.*

Конечно, самое цѣнное—въ послѣдней графѣ «дѣла разнаго рода», обнимающія довольно большой и интересный періодъ въ исторіи нашего края. Было бы грустно думать, что все это богатство исчезло безслѣдно. Мы лично убѣдились, что въ церквахъ звенигородскаго уѣзда, кромѣ случайно попавшей въ с. Толмачъ связки дѣлъ, изъ звенигородскаго архива ничего нѣтъ (не считая церковныхъ документовъ). Не хранятся ли и по сію пору гдѣ-либо въ Звенигородкѣ упомянутыя интересныя «дѣла разнаго рода», оставшіяся послѣ разборки церковныхъ документовъ? Было бы крайне желательно этотъ вопросъ выяснить.

В. Доманицкій.

о. Корфу (Греція). XI, 1903.

Текущія извѣстія.

Вопросы о народномъ просвѣщеніи въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Засѣданія комитетовъ «для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и соображенія мѣръ, направленныхъ къ пользѣ этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда», подходятъ къ концу.

Общество съ напряженнымъ вниманіемъ по весьма понятнымъ причинамъ слѣдило за дѣятельностью особыхъ совѣщаній, желая встрѣтить въ нихъ полное отраженіе и всесторонее обсужденіе давно назрѣвшихъ общественныхъ нуждъ и вопросовъ, отъ того или иного рѣшенія которыхъ зависитъ будущее страны и ея поступательное движеніе впередъ. Значительное большинство комитетовъ, какъ и слѣдовало ожидать, поняло возложенную на нихъ задачу совершенно правильно въ томъ смыслѣ, что поставило обсужденіе спеціальныхъ вопросовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности на широкую почву нуждъ болѣе общаго, глубокаго характера, какъ то: политико-экономическаго, правового и культурнаго вообще, въ широкомъ пониманіи значенія этого слова. Это дало возможность комитетамъ разобраться въ той массѣ назрѣвшихъ, жгучихъ вопросовъ и нуждъ, какая подлежала ихъ обсужденію, раздѣливъ всѣ вопросы на двѣ основныя категоріи: на вопросы общаго характера и частнаго. Поэтому, какъ ни обширенъ матеріалъ, собранный сотней слишкомъ комитетовъ, работавшихъ надъ обсужденіемъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности, но разобраться въ немъ не трудно, тѣмъ болѣе, что по многимъ существеннѣйшимъ вопросамъ общаго характера, большинство комитетовъ высказалось съ замѣчательнымъ единодушіемъ.

Не имѣя совершенно въ виду подводить общіе итоги дѣятельности особыхъ совѣщаній, мы считаемъ необходимымъ остановиться только лишь на вопросѣ, служившемъ однимъ изъ главныхъ предметовъ обсужденія положительно всѣхъ комитетовъ,—именно на вопросѣ о народномъ просвѣщеніи. Вопросъ этотъ во всѣхъ комитетахъ имѣлъ доминирующее значеніе и былъ положенъ во главу угла всего громадмаднаго зданія народнаго благополучія. Иначе, конечно, и быть не могло. Но въ каждомъ вопросѣ общаго характера необходимо должны быть, и дѣйствительно есть, свои частности, свои особенности, наличность коихъ обусловливается цѣлымъ рядомъ причинъ. Вопросъ о просвѣщеніи народныхъ массъ по преимуществу отличается такимъ характеромъ индивидуализаціи чертъ. Если въ области сельско-хозяйственной промышленности примѣненіе однихъ и тѣхъ же пріемовъ техники производства невозможно на всемъ пространствѣ громадной Россіи въ силу различія географическихъ, климатическихъ, почвенныхъ и другихъ условій, а въ области обрабатывающей промышленности въ силу различія видовъ и формъ производства, то также точно является невозможнымъ и примѣненіе однихъ и тѣхъ же пріемовъ и

способовъ распространенія просвѣщенія народныхъ массъ въ Россіи въ силу рѣзкаго и глубокаго различія ихъ въ цѣломъ рядѣ особенностей, обусловливающихся причинами характера историческаго, этнографическаго, бытового и т. п. Между тѣмъ, большинство комитетовъ, единодушно констатируя фактъ ужасающаго невѣжества народной массы, и не менѣе единодушно требуя просвѣщенія ея при помощи всевозможнаго рода средствъ, начиная отъ типа самыхъ низшихъ школъ вплоть до высшихъ учебныхъ заведеній и прессы для народа, совершенно, повидимому, упускало изъ вида индивидуализацію этой общей мѣры, забывало упоминать объ орудіи просвѣщенія народной массы—о языкѣ школъ, книгъ, брошюръ и газетъ, какъ будто бы забывая или не зная совершенно того, что народная масса у насъ складывается изъ цѣлаго ряда этническихъ единицъ совершенно разнородныхъ по своему составу. И только лишь немногіе изъ комитетовъ, при обсужденіи вопроса о народномъ образованіи, успѣли подойти къ разрѣшенію его съ совершенно правильной и цѣлесообразной точки зрѣнія. Принявъ во вниманіе дѣйствительныя и существенныя нужды народныхъ массъ, отъ имени которыхъ они призваны были высказаться, они высказались за открытіе самаго широкаго доступа мѣстнымъ языкамъ и нарѣчіямъ какъ во всѣ учрежденія, ставящія своею задачею просвѣщеніе народныхъ массъ, такъ и въ проводники его—печатное слово во всѣхъ видахъ и формахъ, до газеты для народа включительно. Въ этомъ смыслѣ заслушивались и были приняты доклады въ комитетахъ: бакинскомъ, кишиневскомъ, хотинскомъ, новомосковскомъ, бердянскомъ, ананьевскомъ, хорольскомъ, лубенскомъ и др.

Наиболѣе близко насъ интересуетъ вопросъ о языкѣ школы и печати въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ; по этому поводу высказались, насколько это извѣстно изъ газетныхъ сообщеній, комитеты: новомосковскій, бердянскій, ананьевскій, нѣкоторые изъ комитетовъ полтавской губерніи: хорольскій, лубенскій и хотинскій, бессараб. губ. Во всѣхъ поименованныхъ нами комитетахъ въ ряду факторовъ, гарантирующихъ успѣхъ просвѣтительныхъ начинаній, указывалось на родной языкъ въ мѣстной школѣ и печати. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія по обсужденію этого вопроса проникли въ печать относительно хотинскаго комитета. Членъ названнаго комитета, земскій врачъ г. Немоловскій, въ своемъ докладѣ заявилъ, что крупнымъ тормазомъ въ дѣлѣ развитія народнаго образованія во многихъ мѣстностяхъ Россіи является, съ одной стороны, недостаточность во-

спитательнаго элемента въ современной школѣ въ силу матеріальной необезпеченности учительскаго персонала и низкаго уровня ихъ развитія; а съ другой стороны,—совершенное изгнаніе изъ народной школы мѣстныхъ языковъ и нарѣчій, что дѣлаетъ даже простое механическое и малосознательное усвоеніе школьныхъ программъ дѣломъ крайне труднымъ для ребенка. Кромѣ того, при безусловномъ воспрещеніи въ школьныхъ библіотекахъ книгъ на мѣстныхъ языкахъ учителю очень трудно привить ребенку любовь къ книгѣ, къ чтенію и жажду знанія, безъ чего вліяніе школы часто сводится къ нулю, порождая рецидивизмъ безграмотности. Въ цѣляхъ распространенія и улучшенія просвѣщенія народа необходимо: 1) увеличить отпускъ средствъ изъ государственнаго казначейства на нужды народнаго образованія для увеличенія числа народныхъ школъ, улучшенія матеріальнаго положенія учителей и подъема ихъ умственнаго развитія; 2) необходимо допустить мѣстные языки въ народныя школы. если не какъ предметъ обученія, то, по крайней мѣрѣ, какъ средство обученія, въ видѣ объяснительнаго языка; 3) необходимо расширить каталоги школьныхъ библіотекъ вообще и особенно увеличить ихъ введеніемъ книгъ на мѣстныхъ языкахъ съ цѣлью вызвать любовь къ чтенію и привычку къ книгѣ. («Придн. Кр.», № 1620).

Въ докладѣ ананьевскому комитету («Одес. Нов.» № 5784) глубокаго знатока сельско-хозяйственнаго быта нашихъ крестьянъ, автора извѣстныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ, г. Чикаленка, напечатанномъ въ «Хуторянинѣ» (№ 40) подъ заглавіемъ «Къ вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности», въ цѣломъ рядѣ мѣръ, рекомендуемыхъ для поднятія самодѣятельности нашего земледѣльческаго населенія, какъ то: уравненія крестьянъ въ правовомъ отношеніи съ прочими сословіями и освобожденія ихъ отъ теперешней административной опеки, учрежденія мелкой земской единицы, организаціи земства не на сословныхъ началахъ и т. д., по вопросу о народной школѣ говорится слѣдующее: «Для того, чтобы вывести нашъ народъ изъ темноты и сдѣлать его способнымъ къ воспріятію техническихъ знаній по всякимъ отраслямъ, необходимо прежде всего сдѣлать общедоступнымъ народное образованіе, а для этого необходимо: 1) предоставить всякому желающему право преподаванія грамоты какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ; 2) увеличить средства, ассигнуемыя земствомъ на народное образованіе. Для успѣшнаго развитія грамотности и для уменьшенія рецидива безграмотности необходимо перво-

начальное обученіе вести на народныхъ языкахъ. Вопросъ этотъ давно рѣшенный лучшими педагогами въ пользу народнаго языка, неоднократно служилъ предметомъ ходатайствъ многихъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, а между тѣмъ на него до сихъ поръ смотрятъ какъ на вопросъ политическій, а не школьный. Извѣстный земскій дѣятель, нынѣ одесскій городской голова, П. А. Зеленый,—говоритъ г. Чикаленко,—въ докладѣ своемъ херсонскому земскому собранію въ 1895 г. «По вопросу о сельскохозяйственномъ кризисѣ», между прочимъ, говоритъ: «Не могу не напомнить объ одномъ важномъ обстоятельствѣ, препятствующемъ, по моему глубокому убѣжденію, наибольшему успѣху начальной школы. Я разумѣю полнѣйшее игнорированіе мѣстныхъ языковъ и нарѣчій. Ребенка, который не совсѣмъ еще усвоилъ и свой врожденный языкъ, сразу начинаютъ обучать (на незнакомомъ ему) великорусскомъ литературномъ языкѣ. Между тѣмъ, еслибы первоначальное ученіе шло на языкѣ мѣстномъ, наравнѣ и одновременно, конечно, съ русскимъ языкомъ, успѣхъ народной школы сталъ бы быстрѣе и прочнѣе. И чего здѣсь опасаются? Вѣдь изъ-за того, что обученіе начинается прямо на русскомъ литературномъ языкѣ, никто и никогда не забывалъ своего прирожденнаго языка, доказательствомъ чему могутъ служить наши нѣкоторые, и ихъ не мало, высшіе чиновники и сановники. И знаніе мѣстнаго языка не помѣшало ихъ дѣятельности и занятію соотвѣтственныхъ постовъ. Пора бы, кажется, смотрѣть на народную школу какъ на таковую, т. е. на школу и не болѣе».

Кромѣ того, по мнѣнію г. Ч-ка «необходимо устранить всѣ мѣры, препятствующія внѣ-школьному образованію народа, т. е. облегчить возможность открытія народныхъ библіотекъ, читаленъ; допустить въ эти библіотеки и читальни всѣ книги и изданія, разрѣшенныя общею цензурой; разрѣшить изданіе журналовъ и газетъ на народныхъ языкахъ».

Слѣдившему за исторіей этого больнаго вопроса извѣстны также и неоднократныя ходатайства ряда земства, особенно заботящихся объ успѣхахъ народнаго образованія, о допущеніи мѣстныхъ языковъ и нарѣчій и въ частности украинскаго языка въ народныя школы, о допущеніи книгъ въ народныя библіотеки, читальни и разрѣшеніи газетъ для народа на родномъ языкѣ. По сообщенію «Кіевлянина» (№ 315) и въ настоящее время въ полтавскомъ губернскомъ земствѣ въ ряду общихъ вопросовъ, имѣющихъ существенное значеніе въ про-

грессивномъ движеніи земства въ области народнаго образованія, стоитъ, между прочимъ, и вопросъ объ изданіи учебниковъ для начальныхъ школъ. «Возникъ онъ,—какъ сообщаетъ газета,—вслѣдствіе ходатайства лохвицкаго уѣзднаго земства, указавшаго на несоотвѣтствіе существующихъ учебныхъ пособій умственному складу и пониманію учащихся въ народныхъ школахъ полтавской губ. Губернская управа, представляя это ходатайство на разсмотрѣніе собранія, вполнѣ присоединилась къ предложенію лохвицкаго земства, находя проектируемую имъ мѣру крайне необходимой по многимъ соображеніямъ. Губернское земское собраніе 36 очередного созыва внесло въ смѣту 1,500 руб. для назначенія двухъ премій по 750 руб. за составленіе книги для чтенія и задачника примѣнительно къ потребностямъ школъ полтавской губерніи и уполномочило губернскую управу назначить для этой цѣли конкурсъ и издать тотъ изъ представленныхъ учебниковъ, который будетъ признанъ комиссіей изъ опытныхъ педагоговъ и избранныхъ гласныхъ вполнѣ соотвѣтствующимъ условіямъ конкурса. На разсмотрѣніе означенной коммиссіи управой передано было нѣсколько представленныхъ на конкурсъ рукописныхъ и печатныхъ учебниковъ. По этому вопросу членами коммиссіи, губернскими гласными гг. Леонтовичемъ и Валахопуловымъ, составлены записки, которыя будутъ предложены вниманію предстоящаго губернскаго земскаго собранія». Далѣе, по словамъ автора корреспонденціи, земство, озабочиваясь «приведеніемъ учебныхъ пособій въ большее соотвѣтствіе съ мѣстными условіями, обратило вниманіе также и на образовательный матеріалъ, предлагаемый безплатными народными библіотеками-читальнями. Для улучшенія этого матеріала въ томъ же направленіи земское собраніе поручило губернской управѣ составить списокъ книгъ на русскомъ и малорусскомъ языкахъ, коими желательно было-бы пополнить каталогъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ и возбудить объ этомъ соотвѣтственное ходатайство. За составленіемъ такого рода списка губерн. управа обратилась въ комитетъ полтавской общественной библіотеки».

Бросая общій взглядъ на длинный тернистый историческій путь, который суждено у насъ пройти въ ожиданіи свои разрѣшенія злополучному вопросу о народныхъ мѣстныхъ языкахъ вообще и украинскомъ въ частности, какъ орудіи просвѣщенія темной народной массы, мы, будучи далеки отъ предугадыванія и предрѣшенія результатовъ особаго совѣщанія, на основаніи лишь знанія прошлаго и настоящаго, увѣрены въ томъ, что со стороны ретроградно-охранительной части

прессы, а вслѣдъ за нею и той части общества, которая добровольно отдала себя ей въ умственную и нравственную опеку, загремятъ громы, засверкаютъ молніи противъ трезвыхъ голосовъ мѣстныхъ комитетовъ и посыпятся избитыя и всѣмъ уже давно прожужавшія уши обвиненія въ сепаратизмѣ, въ опасности, подготовляемой хитрою рукою началамъ государственности и т. п. и, наконецъ, увѣренія довѣрчивыхъ своихъ читателей въ томъ, что вопросъ о необходимости употребленія мѣстныхъ языковъ и нарѣчій въ школахъ и печати—чистѣйшая выдумка небольшой группы фантазеровъ, что никакой такой потребности въ народѣ нѣтъ, такъ какъ-де народъ русскій «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды» вездѣ понимаетъ прекрасно русскую рѣчь и т. д. Къ подобнаго рода возраженіямъ мы прывыкли и смотримъ на нихъ, какъ на общія мѣста, много разъ и вполнѣ опровергавшіяся какъ теоретическими соображеніями на чисто-академической почвѣ, такъ и практическими доводами на почвѣ фактовъ. Но вотъ передъ нами одинъ историческій документъ, не требующій комментаріевъ, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его.

На страницахъ журнала «Восходъ» (№ 43) напечатанъ интересный историческій документъ—переписка министра внутреннихъ дѣлъ съ министромъ народнаго просвѣщенія въ 1862 г. объ уничтоженіи, путемъ административнаго воздѣйствія, еврейскаго жаргона, правда, не съ цѣлью «обузданія», а напротивъ, въ видахъ содѣйствія скорѣйшему распространенію среди евреевъ общеевропейскаго образованія при помощи языковъ русскаго и нѣмецкаго. Соглашаясь съ мнѣніемъ ученаго еврея Гуровича, предложившаго прекратить печатаніе сочиненій на еврейскомъ жаргонѣ по вышеуказаннымъ соображеніямъ, министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ: «Не входя въ обсужденіе общаго вопроса: какими мѣрами можно распространить между евреями образованіе и знаніе русскаго языка, и обращаясь къ частному вопросу, бывшему въ разсмотрѣніи въ раввинской коммиссіи, о запрещеніи печатанія книгъ на жаргонѣ, кромѣ сочиненій религіозно-нравственнаго содержанія, я съ своей стороны признаю достигающею цѣли мѣру запрещенія печатанія книгъ на жаргонѣ, кромѣ сочиненій религіозно-нравственнаго содержанія; съ тѣмъ, однакожъ, чтобы и сіи послѣднія книги, какъ предназначенныя для чтенія простолюдиновъ, подвергались строгой цензурѣ въ нравственномъ отношеніи, о чемъ и имѣю честь сообщить на усмотрѣніе вашего превосходительства, покорнѣйше прося о послѣдующемъ почтить меня вашимъ отзывомъ».

Министръ народнаго просвѣщенія, не соглашаясь съ взглядомъ министра внутреннихъ дѣлъ, высказалъ по этому поводу слѣдующія соображенія:

«На отношеніе вашего превосходительства отъ 18 текущаго іюля, имѣю честь увѣдомить, что для основательнаго образованія еврейскаго населенія, конечно желательно, чтобы еврейскій жаргонъ вывелся изъ употребленія; но запрещеніе печатанія книгъ на немъ, какого бы содержанія онѣ ни были, не заставитъ вдругъ евреевъ читать русскія и нѣмецкія книги, по незнанію языковъ, на которыхъ онѣ печатаются, и едва ли можно надѣяться, чтобы такое запрещеніе побудило евревъ учиться русскому и нѣмецкому языкамъ. Я полагаю, напротивъ, что это скорѣе вызоветъ въ евреяхъ сочувствіе къ ихъ разговорному языку и очень легко можетъ быть, что вмѣсто того, чтобы читать русскія и нѣмецкія книги, они совсѣмъ перестанутъ читать, придавая своей безграмотности характеръ религіознаго мученичества. Жаргонъ постепенно теряетъ уже свое значеніе, и нельзя предполагать, чтобы правительство извлекло значительную пользу изъ прекращенія его нѣсколькими годами ранѣе или позже. Между тѣмъ оно рѣшилось бы въ этомъ случаѣ на принятіе мѣры, необъяснимой и неоправдываемой никакими, ни политическими, ни педагогическими основаніями, и могло бы навлечь на себя упрекъ *въ преслѣдованіи сочиненій не по содержанію ихъ, а по языку, на которомъ они пишутся.*

По симъ соображеніямъ, я остаюсь въ убѣжденіи, что насильственное прекращеніе печатанія книгъ на еврейскомъ разговорномъ языкѣ было бы мѣрою безполезною и даже вредною».

Эта оффиціальная переписка по вопросу о значеніи языка представляетъ выдающійся интересъ въ томъ отношеніи, что является отраженіемъ взглядовъ непредубѣжденныхъ и незапуганныхъ призраками «измовъ» правительственныхъ сферъ услужливыми не въ мѣру совѣтниками его.

Въ заключеніе нашей замѣтки считаемъ не лишнимъ сказать слѣдующее. Въ октябрьской книжкѣ нашего журнала, въ замѣткѣ «Къ вопросу о поднятіи нашей сельскохозяйственной промышленности» [1]) констатировался между прочимъ тотъ фактъ, что участіе крестьянъ въ комитетахъ земскихъ губерній принесло несо-

[1]) Кіевск. Ст., 1902 г., № 10, стр. 17. („Текущія извѣстія").

мнѣнную пользу указаніемъ ими такихъ сторонъ жизни и такихъ мѣстныхъ нуждъ, на которыя, до ихъ заявленія, не было обращено надлежащаго вниманія интеллигентными членами комитетовъ, и что возраженія противъ участія крестьянъ, основанныя на предположеніи, что крестьяне, находясь въ чуждой средѣ и обстановкѣ будутъ стѣсняться высказываться по обсуждаемымъ вопросамъ, совершенно не правильно. Въ pendant къ этой замѣткѣ въ нашемъ журналѣ мы имѣемъ въ виду отмѣтить одинъ интересный фактъ, имѣвшій мѣсто въ засѣданіи константиноградскаго комитета, вполнѣ подтверждающій сказанное въ цитированной замѣткѣ, а также могущій служить, хотя и косвеннымъ, но достаточно, по нашему мнѣнію, сильнымъ отвѣтомъ на утвержденія извѣстной части печати и общества о «выдумкахъ фантазеровъ» что касается многихъ нуждъ народной массы, а въ томъ числѣ и на счетъ языка народной школы, книгъ и прессы для народа. По словамъ «Одес. Л.» (№ 275) при дебатированіи вопроса объ уравненіи правъ крестьянъ съ прочими сословіями, предсѣдатель торжественно заявилъ: «Я утверждаю, что крестьяне сами не согласятся на подобную реформу: въ правовомъ отношеніи они обладаютъ преимуществами передъ дворянами. За однородный проступокъ крестьянинъ отдѣлывается легкимъ наказаніемъ, а дворянина привлекаютъ къ уголовной отвѣтственности». Въ отвѣтъ на это раздается голосъ одного изъ присутствующихъ крестьянъ: «Мы согласны на уравненіе,—нехай добре наказують и насъ, мы тоди не будемо часто попадаця, для насъ-же буде краще». Затѣмъ, когда отрицательно также было встрѣчено предложеніе одной изъ помѣщицъ о расширеніи курса сельской школы до пятилѣтняго, измѣненіи программы и перенесеніи центра тяжести на общее образованіе, и въ отвѣтъ на это раздавались шаблонныя фразы, что крестьяне и при трехлѣтн. курсѣ берутъ дѣтей до окончанія школы; а чья-то пародоксальная мысль, что ввести въ начальныя школы преподаваніе исторіи, географіи, знакомство съ міромъ природы—это значитъ создать въ деревнѣ уѣздныя училища вызвала даже веселость многихъ изъ членовъ, то въ отвѣтъ на такое отношеніе къ столь серьезному вопросу послышался призывный голосъ того-же крестьянина: «Слухайте сюды! мы на уѣздни учылыща согласни, теперъ каждый хоче буть образованнимъ и по пятьдесятъ коп. на видро водкы согласни доплачувать, нехай тилько воны на образованіе идуть. А шо

яро школы казала барыня, то правда,—мы бачымо зъ нашихъ школъ нема образованія».

Характерно было еще возраженіе этого-же крестьянина на заявленіе одной изъ дамъ, что крестьяне почерпнули-бы массу знаній, еслибы перечитали всѣ книги своихъ библіотекъ,—«и книжокъ треба иншыхъ, мы и на книжкы полезны будемо давать гроши».

Ф. М—скій.

Дѣла галицкихъ русиновъ въ австрійскомъ парламентѣ

Засѣданія австрійскаго парламента въ теченіе почти трехъ первыхъ недѣль—отъ 15 октября до 3 ноября по н. с.—посвящены были исключительно обсужденію неотложныхъ запросовъ, внесенныхъ русинскими и нѣкоторыми польскими депутатами прогрессивныхъ польскихъ группъ по вопросу о лѣтнихъ страйкахъ крестьянъ въ Галиціи и открытіи университета для галицкихъ украинцевъ. Въ небольшой журнальной замѣткѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ возможности съ надлежащей полнотой и обстоятельностью ни воспроизвести продолжительныхъ и страстныхъ дебатовъ представителей борющихся народностей, ни нарисовать развертывавшихся передъ глазами парламента за занавѣсомъ, приподнятымъ умѣлой и сильной рукой депутатовъ, ужасающихъ по своей яркости картинъ эксплоатаціи крестьянскаго населенія въ имѣніяхъ самыхъ богатыхъ польскихъ помѣщиковъ (Лянцкоронскаго, Голуховскаго, Сапѣги и др.), картинъ ужасающей бѣдности и безправія съ одной стороны и полной безнаказанности и произвола съ другой. Факты, оглашавшіеся ораторами, вызывали у многихъ депутатовъ чувства негодованія, а на депутатовъ польскихъ дѣйствовали ошеломляющимъ образомъ, какъ удары молотка въ голову, и заставляли ихъ изъ чувства стыда выходить въ кулуары парламента съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы снова возвращаться въ залъ. Такъ, на основаніи данныхъ оффиціальной статистики было доказано, что въ Галиціи, даже не въ голодные годы не болѣе 13% крестьянскаго населенія питается хлѣбомъ и то лишь въ теченіе полугода, а другую половину года голодаетъ, питаясь хлѣбомъ, отъ одного вида котораго можно придти въ ужасъ. Въ доказательство своихъ словъ, ораторъ (Дашинскій) показалъ депутатамъ для образца кусокъ такого хлѣба. Тѣмъ же депутатомъ былъ предъявленъ парламенту портретъ одной калѣки-старухи, обвинявшейся въ подстрекательствѣ народа и аресто-

ванной по подозрѣнію въ намѣреніи бѣжать; показанъ былъ фотографическій снимокъ съ письма одного должностного лица, дававшаго указанія относительно злоупотребленій при выборахъ. Разсказывалось, что въ лѣсахъ гр. Лянцкоронскаго захваченныхъ при собираніи грибовъ крестьянокъ раздѣваютъ до-нага и въ такомъ видѣ гонятъ въ деревню; что одного старика помѣщикъ собственноручно сѣкъ за потраву до тѣхъ поръ, пока онъ не потерялъ сознанія. Оглашены были ужасающіе факты административнаго произвола и насилій войска, призваннаго усмирять галиційскихъ крестьянъ во время стрейка. Крестьянъ заковывали въ кандалы и связывали веревками; при чемъ за недостаткомъ достаточнаго количества цѣпей и веревокъ, сковывали и связывали по двое и по трое; въ тюремныхъ камерахъ, разсчитанныхъ на 6—8 человѣкъ, заключали до 40 душъ; расквартированные же въ деревняхъ солдаты въ буквальномъ смыслѣ грабили крестьянъ, а за неимѣніемъ въ достаточномъ количествѣ корма для лошадей, разбирали даже крыши; наконецъ, были случаи попытокъ со стороны солдатъ насилованія женщинъ. («Діло» №№ 224—250; «СПБ. В. № 292; «Одес. Л.» № 294; «Южн. Кр.» № 7531).

Не менѣе громадное, чѣмъ оглашенные факты, впечатлѣніе произвели на парламентъ заключительныя слова рѣчи посла Романчука. «Мы, будемъ,—заявилъ онъ,—всѣми, предоставленными намъ закономъ средствами, бороться, противъ невыносимаго гнета, подъ которымъ стонетъ украинскій народъ. Всѣхъ тѣхъ, кто своимъ активнымъ или пассивнымъ отношеніемъ способствуетъ этому вопіющему злу, мы дѣлаемъ отвѣтственными за всѣ могущія произойти событія. Они одни будутъ нести отвѣтственность, если русинскій народъ, желая сбросить гнетъ, перешагнетъ границы закона, вслѣдствіе чего произойдутъ нежелательныя событія. Если правительство не придетъ къ намъ на помощь, мы будемъ аппелировать къ общественному мнѣнію Европы и обличимъ австрійско-польское управленіе на всѣхъ европейскихъ языкахъ».

Въ концѣ концовъ депутаты потребовали, чтобы парламентъ избралъ коммиссію изъ 25 человѣкъ для разслѣдованія на мѣстахъ причинъ стачки крестьянъ и способовъ ея усмиренія правительствомъ. Но депутаты польскаго клуба всѣми силами воспротивились такому предложенію, успѣвъ убѣдить правительство въ томъ, что въ основѣ крестьянскаго движенія лежатъ не соціально-экономическія, а національно-политическія причины, служащія источникомъ непримиримой

вражды къ польской націи и угрожающія цѣлости государства. Въ результатѣ—нарламентъ постановилъ поручить разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ стачки правительству, т. е. полякамъ, или правильнѣе сказать—польскимъ гакатистамъ.

Другимъ предложеніемъ, внесеннымъ русинскими депутатами въ нарламентъ, былъ вопросъ объ учрежденіи университета для галицкихъ украинцевъ или же по крайней мѣрѣ, о признаніи принципіальнаго права украинскаго населенія Галиціи на собственный университетъ. Предложеніе это, какъ извѣстно, было внесено депутатомъ Романчукомъ еще въ прошлую сессію нарламента, но требованіе пословъ не было удовлетворено. Мало того, университетская канцелярія начала отказывать въ принятіи прошеній и заявленій на украинскомъ языкѣ, а профессора позволяли себѣ оскорбительныя по своему пренебрежительному тону выходки и замѣчанія по адресу студентовъ-русиновъ. Такое отношеніе университета къ вполнѣ законнымъ требованіямъ русиновъ вызвало коллективный выходъ 600 студентовъ-русиновъ изъ львовскаго университета въ прошломъ году. Въ октябрѣ с. г., за нѣсколько дней до торжественнаго открытія новаго академическаго года въ университетѣ, студенты-русины отправили къ новому ректору депутацію съ требованіемъ, чтобы онъ часть своей рѣчи произнесъ по-украински или же, по крайней мѣрѣ заявилъ, что львовскій университетъ, утраквистическій (польскій и украинскій). Ректоръ отказался исполнить это требованіе. Въ виду этого студенты-русины не явились на торжество открытія университета. Въ парламентѣ противъ неотложности предложенія объ украинскомъ университетѣ первымъ говорилъ посолъ Старжинскій. Сущность возраженій Старжинскаго сводилась къ слѣдующему. Польское коло ничего не имѣетъ противъ желанія русиновъ имѣть свой университетъ, но осуществленіе его возможно лишь въ далекомъ будущемъ. Университетъ не можетъ быть результатомъ законодательнаго акта, а постепенно дозрѣвающимъ плодомъ научнаго и культурнаго развитія. Между тѣмъ украинская наука начала дѣлать болѣе или менѣе значительные успѣхи лишь въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ десятилѣтій и не успѣла еще подготовить почвы для самостоятельнаго университета; во-вторыхъ, русины не располагаютъ еще и достаточнымъ количествомъ научныхъ силъ для замѣщенія профессорскихъ кафедръ; наконецъ, для украинской науки есть мѣсто и въ теперешнемъ университетѣ, и она тамъ развивается къ удовольствію не только русиновъ, но и поляковъ: согласно статуту всякій русинскій ученый мо-

жетъ свободно (?) развивать свою научную дѣятельность, читать лекціи и имѣетъ право разсчитывать на полученіе профессуры. Что же касается притязаній русиновъ на львовскій университетъ, то онъ рѣшительно протестуетъ противъ этого, такъ какъ львовскій университетъ есть университетъ польскій и фактически, и юридически, и польскій народъ никому не уступитъ своихъ правъ на него.

Министръ народнаго просвѣщенія фонъ-Гартель возражалъ отъ имени правительства противъ признанія предложенія неотложнымъ съ двухъ точекъ зрѣній: финансовой и научной. Въ настоящее время открытіе новаго университета требуетъ несравненно большихъ расходовъ, чѣмъ прежде. Между тѣмъ одного взгляда на нынѣшній бюджетъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, съ какимъ трудомъ приходится удовлетворять необходимѣйшія нужды существующихъ уже университетовъ. Въ случаѣ рѣшенія парламентомъ вопроса объ украинскомъ университетѣ въ положительномъ смыслѣ, парламентъ долженъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ найти и новый источникъ для покрытія необходимыхъ расходовъ. Что касается другой стороны вопроса—научной, то она представляетъ собою, по мнѣнію министра, еще болѣе непреодолимыя препятствія, чѣмъ первая. Правда, министръ признаетъ, что украинскій народъ при своихъ природныхъ способностяхъ въ послѣднія десятилѣтія сдѣлалъ необычайные успѣхи, что не мало извѣстныхъ ученыхъ русиновъ съ честью занимаютъ универтитетскія кафедры, что русинское студенчество выдѣляется своими способностями, талантливостью и трудолюбіемъ въ научныхъ занятіяхъ, тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что русины могутъ пока удовлетвориться львовскимъ университетомъ за недостаткомъ собственныхъ научныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что польскіе профессоры сами оказываютъ всяческое содѣйствіе русинскимъ студентамъ при избраніи послѣдними ученой карьеры. Такой путь вѣрнѣе и скорѣе можетъ привести къ цѣли, чѣмъ внесеніе неотложныхъ запросовъ, которыхъ парламентъ не можетъ принять. Наконецъ, министръ отмѣчаетъ то обстоятельстро, что русины не имѣютъ основаній упрекать правительство въ недостаткѣ сочувствія къ гимназіямъ и другимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, являющимся подготовительною ступенью къ университетской наукѣ.

Послѣ министра Гартеля обратился къ парламенту съ рѣчью посолъ Барвинскій. Онъ обратилъ вниманіе парламента на постепенную національзацію школъ въ Австріи по мѣрѣ пробужденія національнаго самосознанія среди австрійскихъ народностей.

Это обстоятельство привело къ полной полонизаціи университетовъ краковскаго и львовскаго, къ открытію чешскаго университета въ Прагѣ и хорватскаго въ Загребѣ; въ послѣднее время словинцы добиваются своего университета въ Люблянѣ, чехи другого университета въ Моравіи, а русины—украинскаго университета во Львовѣ. И вотъ, противъ этихъ культурныхъ стремленій украинскаго народа выступаютъ съ аргументами совершенно неосновательными, распространяютъ взгляды, основанные на умышленномъ и неумышленномъ непониманіи; третируютъ украинскую литературу и языкъ, называя его неразвитымъ и къ наукѣ непригоднымъ, украинскій народъ лѣнивымъ и неспособнымъ къ просвѣщенію и высшей культурѣ, а желаніе открытія украинскаго университета признаютъ преждевременнымъ и неоправдываемымъ потребностями. Между тѣмъ факты исторіи и современности говорятъ совершенно противное. Тутъ ораторъ далъ краткій историческій очеркъ развитія украинской литературы и науки, начиная съ XI в., указавъ на Русскую Правду, Нестора Лѣтописца и его преемниковъ, на возрожденіе литературы въ XV и XVI в., на развитіе церковныхъ братствъ, кіевскую академію, на проектъ открытія университета на Украинѣ Выговскимъ и т. д., вплоть до нашихъ дней, до дѣятельности «Наукового Товариства ім. Шевченка», признанной и оцѣненной европейскими учеными. Вотъ факты, при свѣтѣ которыхъ всякія возраженія оказываются пустою и тенденціозною болтовней. «Народъ, который на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ велъ безпрерывную борьбу съ азіатскими ордами и своею грудью защищалъ Европу, народъ, давшій культуру Литвѣ, не мало содѣйствовавшій величію Польши, давши ей интеллигенцію, ученыхъ и воеводъ, народъ, который былъ посредникомъ въ передачѣ европейской культуры Россіи и далъ ей родоначальника современнаго реализма Гоголя, народъ, который, несмотря на всѣ удары судьбы сохранилъ свою національную самостоятельность,—такой народъ вполнѣ доказалъ свою способность къ высшему культурному развитію и имѣетъ полное право на собственный разсадникъ науки и просвѣщенія, чтобы стать рядомъ съ другими культурными народами». Что касается финансовой стороны вопроса, на которую указывалъ министръ Гартель, то она, по мнѣнію г. Барвинскаго, не имѣетъ никакого значенія, потому что удовлетвореніе культурныхъ потребностей народа скорѣе можетъ обезпечить Австрію, чѣмъ сооруженіе новыхъ стратегическихъ дорогъ и дорого стоющихъ крѣпостей, на которыя откуда-то изыскиваются средства.

Свою продолжительную рѣчь посолъ Барвинскій закончилъ слѣдующими словами: «Украинскій народъ не успокоится и не ослабнетъ въ борьбѣ за принадлежащія ему права, напротивъ, препятствія, встрѣчающіяся ему по пути къ достиженію цѣли, придадутъ лишь ему больше силы и стойкости. Но только не забывайте, что тѣ самые аргументы, которые вы, представители польскаго народа, приводите противъ открытія украинскаго университета въ Галиціи, гдѣ вы являетесь господами положенія, будутъ направлены противъ васъ же самихъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ не вы господа и гдѣ вамъ самимъ приходится отстаивать свои національныя права!»

Послѣ рѣчи посла Романчука парламентъ отвергъ неотложность запроса. Такимъ образомъ, и въ вопросѣ объ университетѣ послы русинскаго народа не успѣли одержать фактической побѣды.

Чествованіе памяти А. А. Андріевскаго. 20-го октября 1902 г. состоялось первое въ текущемъ учебномъ году засѣданіе общаго собранія членовъ кіевскаго Общества содѣйствія начальному образованію. По открытіи засѣданія предсѣдатель собранія В. И. Щербина обратился къ присутствующимъ съ нижеслѣдующей рѣчью, посвященной памяти скончавшагося лѣтомъ текущаго года устроителя народной аудиторіи въ Кіевѣ, почетнаго члена Общества Алексѣя Александровича Андріевскаго: «Сегодняшнее наше собраніе приходится открыть напоминаніемъ о тяжелой утратѣ, понесенной нашимъ Обществомъ въ недавнее время. 9-го іюня скончался одинъ изъ учредителей Общества и почетный членъ его А. А. Андріевскій.

Общественная дѣятельность покойнаго была очень разнообразна, какъ разнообразны и обстоятельства его личной жизни. Кіевъ, Екатеринославъ, Николаевъ, Херсонъ, Одесса, Тула, Вятка, и опять Кіевъ, Златополь и опять Кіевъ, Верхнеднѣпровскъ и Одесса—вотъ города, въ которыхъ протекала служебная дѣятельность Алексѣя Александровича. Но куда бы ни забросила его судьба, вездѣ онъ находилъ себѣ, помимо службы, живое неоффиціальное дѣло, вездѣ являлся усерднымъ работникомъ на поприщѣ просвѣщенія. Разнообразная и плодотворная дѣятельность покойнаго встрѣтила заслуженную оцѣнку въ многочисленныхъ некрологахъ, появившихся въ кіевскихъ, одесскихъ и столичныхъ газетахъ, въ обстоятельной статьѣ нашего сочлена И. М. Каманина, помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ», въ

засѣданіяхъ просвѣтительныхъ обществъ, членомъ которыхъ состоялъ покойный. Къ числу этихъ обществъ, принадлежитъ и наше. И оно не можетъ не помянуть почившаго собрата и даже имѣетъ для этого особыя основанія.

Алексѣй Александровичъ особенно тѣсно былъ связанъ съ нашимъ городомъ и посвятилъ ему большую часть своей жизни. Уроженецъ кіевской губерніи, воспитанникъ кіевской гимназіи (временъ Пирогова) и кіевскаго университета, преподаватель различныхъ учебныхъ заведеній Кіева, сотрудникъ кіевскихъ газетъ и журналовъ, дѣятельный членъ всѣхъ кіевскихъ просвѣтительныхъ обществъ— Алексѣй Александровичъ всей душой былъ преданъ интересамъ роднаго края и посвятилъ ему свои лучшія силы. Одною изъ наиболѣе интенсивныхъ сторонъ его дѣятельности является участіе его въ нашемъ Обществѣ. Я близко видѣлъ эту дѣятельность Ал. Ал. и могу сказать, что онъ былъ однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ членовъ нашего Общества съ самаго его основанія. Я живо помню первыя собранія Коммиссіи народныхъ чтеній, въ которыхъ Ал. Ал. принималъ всегда самое живое участіе. Помню его, какъ организатора чтеній и безсмѣннаго дежурнаго, наблюдающаго за порядкомъ; помню, какъ образцоваго лектора. А. А. положилъ основаніе существующимъ теперь секціямъ естественно-исторической и историко-литературной и много работалъ въ послѣдней секціи; никогда дѣятельность этой секціи не отличалась такимъ оживленіемъ, какъ при участіи въ ней Ал. Ал. Онъ же положилъ основаніе издательской дѣятельности Общества какъ своими брошюрами, выдержавшими по нѣсколько изданій, такъ изданіемъ работъ своихъ товарищей. Но самую крупную заслугу его предъ нашимъ Обществомъ представляетъ постройка народной аудиторіи. Иниціатива этого дѣла всецѣло принадлежитъ Алексѣю Александровичу; ему же принадлежитъ и значительная доля труда по выполненію задуманнаго имъ дѣла. Дѣло это встрѣчало большія затрудненія, у многихъ сотрудниковъ Ал. Ал. являлись сомнѣнія въ его осуществимости, одинъ Алексѣй Александровичъ никогда не сомнѣвался въ успѣхѣ и умѣлъ внушить свою увѣренность другимъ. И вотъ, въ короткое время собрана была довольно значительная сумма— 25000 р.—и Кіевъ получилъ свою первую народную аудиторію.

На членахъ Общества, для котораго такъ много потрудился покойный Алексѣй Александровичъ, лежитъ нравственная обязанность выразить свою признательность. Правленіе предложитъ на обсужденіе

собранія намѣченныя имъ формы чествованія и увѣковѣченія памяти Алексѣя Александровича, а теперь предлагаю почтить память его, по установленному обычаю, вставаніемъ».

Выслушавъ рѣчь и почтивъ память покойнаго вставаніемъ, собраніе постановило выразить супругѣ Ал. Ал. свое искреннее соболѣзнованіе по поводу понесенной утраты. Вслѣдъ за тѣмъ приступлено было къ обсужденію намѣченныхъ правленіемъ Общества формъ чествованія и увѣковѣченія памяти Ал. Ал. Андріевскаго. Формы эти слѣдующія: а) произнесть въ ближайшее время въ народной аудиторіи одно изъ чтеній, составленныхъ Ал. Ал., при чемъ передъ чтеніемъ познакомить слушателей вкратцѣ съ біографіею его, б) поставить памятникъ на его могилѣ, в) учредить стипендію имени покойнаго при какомъ-либо изъ учебныхъ заведеній, или же, г) вмѣсто стипендіи, учредить при народной аудиторіи библіотеку-читальню имени покойнаго.

Докладывая о перечисленныхъ формахъ чествованія, Правленіе довело вмѣстѣ съ тѣмъ до свѣдѣнія собранія, что по имѣющимся у него частнымъ свѣдѣніямъ въ чествованіи памяти А. А. Андріевскаго примутъ участіе различныя учрежденія и общества, съ которыми связана была его дѣятельность не только въ Кіевѣ, но и въ Одессѣ, Екатеринославѣ, Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ, а также товарищи его по дѣятельности въ различныхъ городахъ и другія частныя лица. Въ этомъ дѣлѣ нужна лишь иниціатива, которую ближе всего принять на себя кіевскому Обществу содѣйствія начальному образованію, съ которымъ А. А. Андріевскій находился въ самой тѣсной связи.

При обсужденіи предложенныхъ Правленіемъ формъ чествованія нѣкоторые изъ членовъ предлагали обратиться къ кіевскому городскому самоуправленію съ просьбой, въ виду крупныхъ заслугъ А. А. въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, присвоить одному изъ городскихъ училищъ названіе имени А. А. Андріевскаго и учредить при немъ стипендію его же имени; другіе предлагали учредить стипендію при 1-й кіевской гимназіи, гдѣ Ал. Ал. состоялъ преподавателемъ, при университетѣ св. Владиміра, гдѣ онъ учился, при Обществѣ имени Т. Шевченка С.-Петербургѣ, которое имѣетъ цѣлью помогать уроженцамъ и уроженкамъ Южной Россіи, воспитывающимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Высказывалась также мысль объ учрежденіи при Обществѣ изданія полезныхъ книгъ въ Петербургѣ

преміи имени покойнаго за лучшую книгу для народа на малорусскомъ языкѣ, какъ это проектируется почитателями покойнаго въ Одессѣ. Многіе считали лучшимъ способомъ чествованія учрежденіе библіотеки-читальни при созданной по иниціативѣ Ал. Ал. народной аудиторіи; противъ этого возражали, что такая форма чествованія можетъ привлечь только мѣстныя пожертвованія, что на учрежденіе библіотеки-читальни потребовались бы слишкомъ большія средства и что, наконецъ, при тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ которыя поставлены у насъ просвѣтительныя общества, предлагаемый способъ чествованія можетъ оказаться недолговѣчнымъ. Были еще предложенія объ устройствѣ школы имени покойнаго на мѣстѣ его родины—въ г. Каневѣ, объ учрежденіи преміи его имени за лучшее сочиненіе по внѣшкольному образованію и др. Кромѣ того, въ заявленіи, присланномъ однимъ изъ членовъ Общества, не присутствовавшихъ въ засѣданіи, предлагалось устроить въ народной аудиторіи вечеръ, посвященный памяти А. А. Андріевскаго, съ раздачею печатной біографіи покойнаго.

Обсудивъ всѣ перечисленныя предложенія въ связи съ докладомъ Правленія, собраніе постановило:

а) Произнесть въ ближайшее время въ народной аудиторіи одно изъ чтеній, составленныхъ А. А. Андріевскимъ, при чемъ передъ началомъ чтенія познакомить слушателей вкратцѣ съ біографіей его.

б) Поставить памятникъ на его могилѣ.

в) Учредить стипендію имени А. А. Андріевскаго при какомъ-либо изъ учебныхъ заведеній, возложивъ разработку деталей этого вопроса на Правленіе.

Открытіе народнаго дома кіевскаго Общества Грамотности.—20 ноября состоялось освященіе и торжественное открытіе народнаго дома Общества Грамотности. По совершеніи церковнаго обряда въ театральномъ залѣ освященнаго зданія состоялось общее собраніе членовъ Общества Грамотности въ присутствіи приглашенныхъ гостей. Собраніе открылось рѣчью предсѣдателя совѣта Общества В. П. Науменка, въ которой кратко была изложена исторія созданія этого дома. Послѣ этого была произнесена рѣчь предсѣдателемъ строительной коммиссіи по постройкѣ дома, проф. В. В. Лучицкимъ, изложившимъ вкратцѣ исторію подобнаго рода учрежденій на Западѣ. Отъ имени городского самоуправленія произнесъ рѣчь городской голова г. Про-

ценко. По мысли устроителей народнаго дома въ немъ должны быть сосредоточены различныя просвѣтительныя учрежденія для народа: общедоступный театръ, безплатная библіотека, книжная лавка вмѣстѣ съ складомъ народныхъ книгъ, народная аудиторія, подвижной музей съ пособіями для нагляднаго обученія, воскресная школа, вечерніе курсы для взрослыхъ, чайная и столовая. Кромѣ того, въ народномъ домѣ будетъ помѣщаться Общество Грамотности, дѣятельность котораго обнимаетъ весь юго-западный край. Постройка народнаго дома обошлась въ 194.523 р.

Выставка историческихъ костюмовъ. На 17 ноября предположено открытіе выставки историческихъ костюмовъ въ Таврическомъ дворцѣ. Особый интересъ долженъ представить русскій историческій отдѣлъ, въ которомъ предположено собрать, по возможности, весь домашній обиходъ, начиная съ IX столѣтія и кончая XIX. Историческій матеріалъ будетъ расположенъ по слѣдующимъ эпохамъ: а) норманны и первое время ихъ господства (первые русскіе князья IX в.); б) Кіевская Русь; в) время татарской неволи; г) Русь Московская (вліяніе Византіи); д) Новгородъ-Великій; е) Петербургская Россія—Петръ Великій и его преемники, время Екатерины Великой, преемники Павла I—до нашихъ дней; ж) малороссійская старинная одежда и ея принадлежности: утварь, сбруя и т. п.; з) польская старинная одежда и ея принадлежности: утварь, сбруя и т. п., и бѣлорусская и литовская одежда. Каждая эпоха будетъ, по возможности, иллюстрирована моделями соотвѣтствующихъ построекъ, архитектурными орнаментами, снимками, посудою, мебелью, домашнею утварью, сбруею, одеждою, оружіемъ и проч. («Хар. Вѣд. № 283).

Къ вопросу о чтеніяхъ для народа по сельскому хозяйству.—Въ харьковскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства и въ херсонскомъ земствѣ почти одновременно обсуждался одинъ и тотъ-же вопросъ—о чтеніяхъ для народа по сельскому хозяйству. Въ совѣщаніи совѣта харьковскаго Общества, состоявшемся 21 октября, при участіи окружного инспектора г. Раевскаго, проф. Багалѣя и уѣздныхъ агрономовъ, агрономъ г. Гаршинъ, ознакомивъ собраніе съ постановкой въ настоящее время въ полтавской губерніи чтеній по сельскому хозяйству, предложилъ на обсужденіе вопросъ объ организаціи этихъ

чтеній въ харьковской губ. Онъ рекомендовалъ организовать коммиссію при обществѣ, которая бы взяла на себя выполненіе этой задачи. Дѣятельность коммиссіи должна состоять въ разсмотрѣніи всѣхъ имѣющихся въ продажѣ книгъ, приспособленныхъ для народнаго пониманія. Далѣе коммиссія вошла бы въ соглашеніе съ харьковской коммиссіей народныхъ чтеній и издательскимъ комитетомъ Общества грамотности, которые бы оказали ей поддержку въ этомъ дѣлѣ. Проф. Багалѣй сообщилъ, что комитетъ Общества грамотности по изданію книгъ для народа издалъ до настоящаго времени книжекъ до 100 названій, но къ сожалѣнію по сельскому хозяйству имѣется ничтожное количество. Комитетъ могъ бы взяться за изданіе одобренныхъ коммисіей брошюръ по сельскому хозяйству и отпечатывать до 10,000 экземпляровъ каждаго названія. При этомъ комитетъ не разрѣшенныя правительствомъ для народныхъ чтеній книги отправляетъ тотчасъ же по изданіи въ ученый комитетъ, который въ послѣдніе годы разрѣшилъ до 80% всѣхъ предложенныхъ на его разсмотрѣніе брошюръ. Г. Синельниковъ указалъ, что есть хорошія брошюры по сельскому хозяйству, но приспособленныя для жителей сѣверной и средней полосы Россіи; необходимо создать серію книгъ спеціально для юга. Въ заключеніе совѣщаніе постановило организовать коммиссію. Коммиссіи поручено: 1) разсмотрѣть всѣ имѣющіяся въ торговлѣ книги и брошюры по сельскому хозяйству и выбрать изъ нихъ наиболѣе подходящія къ условіямъ юга Россіи; 2) намѣтить наиболѣе важные вопросы по сельскому хозяйству и по нимъ составить соотвѣтствующія брошюры; 3) разсмотрѣть изданія харьковскаго издательскаго комитета, и къ тѣмъ изъ нихъ, которыя коммиссія найдетъ возможнымъ рекомендовать, изготовить діапозитивы; 4) по возможности стараться приготовлять діапозитивы для всѣхъ одобренныхъ коммиссіей книгъ; 5) выпускать періодически два раза въ годъ объявленія въ газетѣ «Ю.-Р. сельск.-хозяйст. Общества» о вновь вышедшихъ брошюрахъ по сельскому хозяйству; 6) отзывы о разсмотрѣнныхъ коммиссіей книгахъ помѣщать въ той же газетѣ; 7) просить губ. земство объ ассигнованіи субсидіи въ размѣрѣ 3 т. р. для изданія діапозитивовъ и организаціи при Обществѣ спеціальной библіотеки изъ всѣхъ имѣющихся на рынкѣ сельскохозяйственныхъ брошюръ; 8) для этой же цѣли просить издательскія фирмы прислать безвозмездно по одному экземпляру такихъ брошюръ. («Хар. Вѣд.», № 292).

По поводу тогоже вопроса въ херсонскомъ земствѣ корреспондентъ «С.-Пб. Вѣд.», (№ 292) сообщаетъ, что еще въ 1900 году губернское земское собраніе ассигновало 500 р. для выдачи премій по конкурсу по 100 р. за каждую популярно написанную брошюру для народнаго чтенія по сельскому хозяйству, но никто изъ популяризаторовъ сельско-хозяйственныхъ знаній до сихъ поръ еще не прислалъ въ земскую управу на соисканіе означенныхъ премій ни одной брошюры. Въ текущую сессію губернскаго земскаго собранія постановлено назначить срокъ для представленія рукописей, а именно 1-е января 1904 года, и если къ этому времени рукописей не поступитъ, ассигнованная на этотъ предметъ сумма должна быть перечислена въ земскія средства. Брошюры должны быть написаны на слѣдующія темы: 1. О парѣ. 2. О травосѣяніи: а) люцерна, б) могаръ, в) костеръ безостый, г) овсяница, д) вика (по культурѣ каждой кормовой травы отдѣльная брошюра). 3. О пропашныхъ: а) кукуруза, б) кормовая свекла, в) баштанныя растенія и кормовая тыква (о каждомъ растеніи отдѣльная брошюра).

«Считаемъ при этомъ нужнымъ обратить вниманіе, пишетъ въ заключеніе авторъ замѣтки, на одно весьма существенное обстоятельство въ этомъ вопросѣ. Въ докладѣ губернской земской управы очередному губернскому земскому собранію сессіи 1900 г. «О мѣрахъ къ распространенію среди населенія сельско-хозяйственныхъ знаній», была рекомендована брошюра извѣстнаго популяризатора сельско-хозяйственныхъ знаній г. Чикаленка о черномъ парѣ (Розмова про сельское хозяйство, кн. I) Рекомендація этой брошюры, написанной на малорусскомъ языкѣ, показываетъ, что и представляемыя на соисканіе преміи рукописи тоже могутъ быть написаны на малорусскомъ народномъ языкѣ. Да это было бы пожалуй и полезнѣе для дѣла, такъ какъ брошюры предназначаются, главнымъ образомъ, для малорусскаго населенія, которое въ херсонщинѣ составляетъ около 80 проц.»

Земскія книжныя лавочки.—Г. Фесенко въ замѣткѣ, напечатанной въ «Бирж. Вѣд.», (№ 294) отмѣчаетъ отрадный фактъ успѣховъ внѣшкольнаго образованія народа, благодаря повсемѣстному устройству библіотекъ, читаленъ, чтеній, а также продажѣ и распространенію въ народѣ общеполезныхъ книгъ. На быстрое возрастаніе

среди народа потребности въ чтеніи указываетъ внимательное изученіе смѣтъ и отчетовъ земства по операціямъ земскихъ книжныхъ складовъ, которые изъ года въ годъ требуютъ для успѣшной своей дѣятельности все болѣе и болѣе значительныхъ оборотныхъ средствъ. Но главнымъ препятствіемъ успѣшной дѣятельности земскихъ книжныхъ складовъ является ихъ изолированность отъ сельскаго населенія. Необходимо приблизить книгу къ народу. Въ послѣднее время въ этомъ направленіи начали приниматься нѣкоторыя мѣры. Наиболѣе удобной и практически полезной по своимъ результатамъ оказалась та форма приближенія книги къ народу, которая въ послѣдніе годы была выработана прилукскимъ уѣзднымъ земствомъ полтавской губерніи. Прилукское земство съ давнихъ поръ содержитъ при уѣздной земской управѣ книжный складъ. Складъ этотъ ведетъ свои операціи какъ за наличныя деньги, такъ и въ кредитъ, отпуская книжный товаръ, по преимуществу, *оптомъ*, учителямъ, попечителямъ школъ и другимъ лицамъ. Въ теченіе послѣдняго года (1901) торговыя операціи склада выразились въ суммѣ 4,318 руб. 21 коп. Въ томъ же 1901 году прилукской земской управою была въ г. Прилукахъ открыта на базарной площади земская книжная лавка. Лавка эта, торгуя по мелочамъ, въ розницу, по словамъ прилукской уѣздной земской управы, внесла въ 1901 году въ кассу управы наличными 5,700 руб. 85 коп., т. е. на 1,382 р. 64 коп. болѣе склада. Въ послѣднее время въ прилукскомъ земствѣ почему-то возникло предположеніе о переносѣ земской книжной лавки съ базарной площади на окраину. Уѣздная земская управа, возставая противъ такого проекта, въ одномъ мѣстѣ своего доклада земскому собранію по этому вопросу замѣчаетъ, что «слухи о предстоящемъ закрытіи земской книжной лавочки на базарѣ породили тревогу въ городскомъ населеніи и среди учащихся, лишающихся, такимъ образомъ, съ закрытіемъ лавки, возможности имѣть дешевое и удобное пріобрѣтеніе книгъ». «Вмѣстѣ съ этимъ, и прибывающее изъ деревень сельское населеніе также лишено будетъ возможности покупать книги». «Между прочимъ, замѣчаетъ далѣе та же управа, слухи о закрытіи земской книжной лавочки побудили нѣкоторыхъ городскихъ торговцевъ-букинистовъ хлопотать объ открытіи въ городѣ частной книжной торговли въ той же мѣстности съ исключительною цѣлью наживы». (Докладъ прилукск. уѣздн. земск упр. № 18, 1901 г.). Добрыя стремленія управы имѣли полный успѣхъ—земское собраніе оставило книжную лавку на преж-

немъ мѣстѣ. и она ведетъ нынѣ торговлю столь же успѣшно, какъ и ранѣе.

Украинскій вечеръ въ Петербургѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ—волынцевъ. По сообщенію корреспондента «Волыни» (№ 250), вечеръ этотъ, состоявшійся 10 ноября, имѣлъ выдающійся успѣхъ. Состоялъ онъ изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ была поставлена пьеса «Наталка-Полтавка»; второе отдѣленіе было вокальное; было спѣто нѣсколько номеровъ соло главнымъ образомъ на слова «Кобзаря» («Реве та стогне», «Думы», «Ой, одна я»); въ заключеніе же могучій хоръ изъ 200 человѣкъ учащихся обоего пола, въ національныхъ костюмахъ, спѣлъ нѣсколько пѣсенъ: «Гей не дывуйте», «Слава» и др.

Памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Работы по сооруженію памятника И. П. Котляревскому, поставленнаго на Протопоповскомъ бульварѣ, въ настоящее время совершенно закончены. Торжественное открытіе памятника предстоитъ въ маѣ или сентябрѣ будущаго года. («Кіевл.» № 318).

Новое малорусское изданіе. Среди екатеринославскихъ почитателей малороссійской литературы возникла мысль объ изданіи малороссійскаго альманаха съ возможно разнообразнымъ содержаніемъ. Сумма, вырученная отъ продажи альманаха, цѣна на который, между прочимъ, предположена самая минимальная, будетъ, по всей вѣроятности, служить основнымъ капиталомъ для изданія послѣдующихъ малороссійскихъ альманаховъ и книгъ. («Волынь», № 249)

Народные спектакли въ Одессѣ. Одесскій особый комитетъ попечительства о народной трезвости, въ видахъ доставленія разнообразныхъ разумныхъ развлеченій для народа, устраиваетъ въ своей аудиторіи періодически кромѣ русскихъ также и малорусскіе спектакли. Съ этой цѣлью сформирована хорошая малорусская труппа. Въ репертуаръ малороссійскихъ спектаклей входятъ лучшія пьесы малорусскихъ драматурговъ. Въ постановкѣ каждой пьесы видна опытная

режиссерская рука, при чемъ пьесы обстанавливаются вполнѣ добросовѣстно, согласно всѣмъ указаніямъ автора. Благодаря такой постановкѣ дѣла, малорусскіе спектакли такъ же охотно посѣщаются публикой, какъ и русскіе драматическіе. Среди посѣтителей можно видѣть не только простолюдина, понимающаго малороссійскій языкъ. Эти спектакли весьма усердно посѣщаются представителями различнаго рода физическаго труда. («Од. Лист.», № 276).

Народныя чтенія въ Екатеринославѣ. Въ настоящее время составлены небольшіе очерки съ иллюстраціями земли Войска Запорожскаго, которые предназначены для народныхъ чтеній. («Прид. Кр.», № 1641).

Памятникъ, требующій сохраненія. Подъ такимъ заглавіемъ въ № 231 «Полт. Губ. Вѣд. г. В. Горленкомъ напечатана замѣтка объ остаткахъ бывшей Бѣлевской крѣпости, находящихся въ центрѣ нынѣшняго Константинограда. Мѣстное населеніе усердно принялось за уничтоженіе историческаго укрѣпленія. Давъ краткую историческую справку объ исторіи возникновенія этого земляного укрѣпленія, имѣвшаго, по проекту строителей, простираться отъ Царицына вплоть до сліянія р.р. Днѣпра и Орели и о количествѣ силъ и средствъ, затраченныхъ въ первой половинѣ XVIII ст. на сооруженіе этой китайской стѣны sui generis, тянувшейся почти 1,000 верстъ, авторъ говоритъ, что городу необходимо сохранить эту достопримѣчательность въ виду важнаго воспитательнаго значенія памятниковъ былого, такъ какъ они «связываютъ настоящее съ прошлымъ, наглядно вырываютъ обывателей изъ печальныхъ родовъ, «не помнящихъ родства».

Къ XIII-му археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ. Во время пребыванія въ г. Е—вѣ проф. В. Б. Антоновича выяснился цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ XIII археологическаго съѣзда. Въ виду недостатка въ г. Е—вѣ лицъ, которыя могли-бы принять на себя организацію работъ, какъ по собиранію, такъ и по обработкѣ матеріала, касающагося той или иной научной отрасли, выразили согласіе притти на помощь нѣкоторые профессора кіевскаго, новороссійскаго и харьковскаго университетовъ. Намѣчены

секціи, которыя будутъ функціонировать въ предварительномъ комитетѣ, а также лица, которыя станутъ во главѣ отдѣльныхъ секцій для руководства научной ихъ дѣятельностью. Общее предсѣдательство научнаго отдѣла предварительнаго комитета приметъ на себя предсѣдатель мѣстнаго Научнаго общества проф. В. В. Куриловъ, 1) первобытныхъ древностей—проф. В. Б. Антоновичъ; 2) древностей запорожскихъ—проф. Д. И. Эварницкій; 3) древностей церковныхъ—проф. Н. И. Петровъ; 4) памятниковъ искусствъ и художествъ—Е. К. Рѣдинъ; 5) памятниковъ археографическихъ—проф. А. И. Маркевичъ; 6) быта хозяйственнаго, домашняго и общественнаго—проф. Д. И. Багалѣй; 7) быта юридическаго—проф. М. М. Алексѣенко; 8) быта военнаго—генер.-лейт. Бранденбургъ; 9) памятниковъ языка—народнаго творчества—проф. Н. Ѳ. Сумцовъ; 10) древностей классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ—проф. фонъ-Штернъ; 11) этнографіи и антропологіи—проф. Н. Ѳ. Сумцовъ; 12) историко-географической—проф. Д. И. Эварницкій. Работы предварительнаго комитета начинаются 1-го декабря. Въ интересахъ популяризаціи столь важнаго для изученія губерніи дѣла въ уѣздахъ предположено образованіе уѣздныхъ комитетовъ. («Вѣстн. Юга», № 249).

Къ археологическому съѣзду. Къ предстоящему XIII археологическому съѣзду. г. Новицкимъ составлена „Исторія г. Александровска и его уѣзда", посвящаемая съѣзду. Однимъ же изъ любителей мѣстной старины посвящается съѣзду «Исторія г. Екатеринослава и заселеніе его окрестностей». Матеріалы для послѣдняго сочиненія уже собраны. («Прид. Кр.» № 1620).

Проф. В. Б. Антоновичемъ одобрена составленная гг. Чеховымъ и Синявскимъ программа собиранія свѣдѣній по археологіи и исторіи. Программа будетъ отпечатана и разослана всѣмъ лицамъ, которыя пожелаютъ притти на помощь дѣлу изученія мѣстнаго края въ отношеніи исторіи и археологіи. («Прид. Кр.» № 1635).

Проектъ учрежденія ученой архивной коммиссіи въ Екатеринославѣ. Въ виду насущной необходимости собиранія и охраны археологическихъ памятниковъ, документовъ и актовъ, хранящихся

въ изобиліи при церквахъ, монастыряхъ, въ учрежденіяхъ и у частныхъ лицъ, среди лицъ, интересующихся изученіемъ мѣстнаго края, и любителей старины возникла мысль объ исходатайствованіи разрѣшенія на учрежденіе губернской екатеринославской ученой архивной коммиссіи по образцу существующихъ такихъ же комиссій въ другихъ городахъ. Дѣятельность комиссіи, главнымъ образомъ, сосредоточивается на собираніи и сохраненіи мѣстныхъ письменныхъ памятниковъ. Ходатайство Научнаго общества о предоставленіи ему правъ ученой архивной комиссіи было отклонено по формальнымъ причинамъ и нынѣ явилась необходимость въ организаціи отдѣльнаго учрежденія. («Прид. Кр.» № 1619).

Селище каменнаго вѣка. Произведенный профессоромъ В. Б. Антоновичемъ осмотръ мѣстности въ Потемкинскомъ саду привелъ къ убѣжденію, что дѣйствительно, въ нижней части сада, примыкающей къ Днѣпру, существовало селище каменнаго вѣка, сильно нынѣ поврежденное, благодаря нивелировкѣ мѣстности при распланировкѣ сада. Кромѣ того, обнаружено, что въ самое недавнее время кѣмъ-то произведены раскопки въ этихъ мѣстахъ. Раскопки эти, вѣроятно, сдѣланы подлѣ доклада въ Научномъ обществѣ, въ которомъ упомянуто было о находкѣ. Профессоръ Антоновичъ нашелъ еще много черепковъ съ весьма интереснымъ орнаментомъ. По мнѣнію профессора, было бы желательно, чтобы дальнѣйшія раскопки въ саду никѣмъ не производились, а случайныя находки передавались бы въ областной музей. («Вѣст. Юга», № 250).

Пожертвованіе Научному Обществу въ Екатеринославѣ. Проф. В. Б. Антоновичъ пожертвовалъ изъ своей коллекціи все то, что имъ было найдено или доставлено ему въ теченіе 40 лѣтъ изъ екатеринославской губерніи. Въ числѣ подаренныхъ предметовъ имѣется весьма цѣнный экземпляръ единственнаго въ мірѣ сосуда каменнаго вѣка, на которомъ нарисована сцена, изображающая первобытныхъ оленей. Въ находкахъ Хвойка былъ также найденъ рисунокъ, но на мамонтовой кости. Сосудъ извлеченъ Бернштамомъ во время его раскопокъ на островѣ Хортицѣ. Кромѣ того, сосудъ украшенъ такъ называемой свастикой въ трехъ мѣстахъ (свастика—знакъ въ видѣ

крестика,—орудіе, при посредствѣ котораго первобытный человѣкъ добывалъ огонь). („Вѣстн. Юга", № 250).

Отъ Правленія Общества имени Т. Г. Шевченка въ Петербургѣ. Въ истекшемъ учебномъ 1901—1902 году Правленіемъ Общества имени Т. Г. Шевченка выдано учащимся въ Петербургѣ уроженцамъ Южной Россіи болѣе трехъ тысячъ рублей пособія, тогда какъ въ два предшествующіе года потребовалось пособій на 1800 руб. Такая усиленная выдача пособій въ истекшемъ году истощила совершенно кассовыя средства Общества.

При всѣхъ принятыхъ Правленіемъ мѣрахъ къ пополненію денежныхъ средствъ, приливъ поступленій далеко не отвѣчаетъ назрѣвшей нуждѣ въ пособіяхъ, и въ начавшемся новомъ учебномъ году Правленіе могло выдать въ пособіе всего 400 руб. Между тѣмъ вновь поступило уже просьбъ о пособіяхъ почти на 1000 руб.

Поставленное въ затруднительное положеніе неимѣніемъ въ кассѣ средствъ, Правленіе рѣшило обратиться ко всѣмъ, кому должны быть дороги и близки успѣхъ ученія и здоровье южно-русскаго юношества, съ просьбою помочь Правленію по сбору средствъ путемъ поступленія въ члены Общества, пожертвованіями и вообще тѣми мѣрами, какія кому доступны. Правленіе проситъ поспѣшить посильными взносами, дабы не оставить учащихся безъ пособій и не подвергнуть нуждающихся въ пособіяхъ удаленію изъ учебныхъ заведеній, такъ какъ преобладающіе мотивы просьбъ—пособія для взноса за право слушанія лекцій.

Вмѣстѣ съ этимъ Правленіе обращается къ членамъ Общества, еще не внесшимъ взносовъ за текущій 1902 годъ, ускорить внесеніемъ денегъ.

Въ Петербургѣ деньги принимаетъ ежедневно съ 10 ч. до 4. ч. казначей Петръ Петровичъ Катериничъ (Невскій, 70), ему же можно высылать и почтою. Кромѣ того въ Кіевѣ принимаются взносы уполномоченнымъ членомъ Общества В. П. Науменкомъ (Маріин.-Благовѣщ. № 59, ежедневно отъ 7—8 ч. вечера, и Маріин.-Благовѣщ. № 60, въ редакціи жур. «Кіевск. Старины», ежедневно отъ $2^1/_2$—4 ч. дня.

Библіографія.

Історія Украіни-Руси. Проф. Михайла Грушівського. *Виданне Наукового Товариства ім. Шевченка. Львів 1898—1900 рр. Томи: I (1—495 стр.), II (1—403), III (1—700).*

Два года тому назадъ во Львовѣ вышелъ въ свѣтъ уже третій томъ полной Исторіи Украины, весьма цѣннаго и капитальнаго труда извѣстнаго ученаго, проф. М. Грушевскаго,—труда, отсутствіе котораго въ нашей литературѣ давно и сильно даетъ себя чувствовать... Теперь этотъ крупный пробѣлъ начинаетъ заполняться: мы имѣемъ три внушительныхъ тома исторіи нашего края и народа на родномъ языкѣ. Казалось бы, что такое крупное, небывалое доселѣ явленіе должно было обратить на себя вниманіе общества и печати, и этой послѣдней быть отмѣченнымъ на страницахъ ея органовъ, хотя бы спеціально историческихъ. А между тѣмъ, кромѣ двухъ иностранныхъ журналовъ: «Archiv für Slavische Filologie» и «Věstnik Slovanských Starožytnosti, т. III», солидный трудъ г. Грушевскаго до сихъ поръ не нашелъ нигдѣ оцѣнки. Такой индифферентизмъ нашихъ малорусскихъ и великорусскихъ историковъ къ историческому труду, безъ сомнѣнія долженствующему близко интересовать каждаго, по меньшей мѣрѣ—является страннымъ и мало объяснимымъ.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы не беремъ на себя смѣлости подвергать критическому разбору вышедшіе въ свѣтъ три тома Исторіи Украины: авось это сдѣлаютъ г.г. присяжные историки, если не въ ближайшемъ будущемъ, то быть можетъ, по окончаніи труда г. Грушевскаго. Мы намѣрены лишь дать читателямъ хотя бы общее пред-

ставленіе о содержаніи каждаго изъ вышедшихъ томовъ и попутно указать на болѣе оригинальные и интересные взгляды или выводы автора, совершенно новые или идущіе въ разрѣзъ съ установившимися въ исторической наукѣ положеніями.

—

Первоначально, какъ видно изъ предисловія и изложенія первыхъ главъ перваго тома, авторъ имѣлъ въ виду болѣе популярное изданіе, доступное для возможно большаго круга читателей. Но позже это первоначальное предположеніе было оставлено: авторъ справедливо нашелъ болѣе важнымъ и нужнымъ «дать *строго научный курсъ*, который могъ бы ввести (читателя) въ науку и познакомитъ съ современнымъ положеніемъ вопросовъ нашей исторіи». Но, чтобы не терять въ то же время изъ виду и первоначальной цѣли,—все болѣе спеціальное отнесено имъ въ примѣчанія, въ концѣ книги (подъ текстомъ оставлены только чисто справочныя ссылки) и этотъ отдѣлъ примѣчаній, очень полный и подробный, является цѣннымъ указателемъ литературы по каждому изъ трактуемыхъ вопросовъ.

Первый томъ, вышедшій въ годъ юбилея возрожденія украинской литературы, обнимаетъ періодъ до начала XI в. и содержитъ въ себѣ главы: территорія нынѣшней Руси передъ великой славянской эмиграціей (въ геологическомъ и археологическомъ отношеніяхъ), неславянское степное населеніе IV—X в.в., славянская колонизація на нашей территоріи, культура и бытъ украинско-русскихъ племенъ до и послѣ разселенія, начало русскаго государства и окончаніе строенія его: время Владиміра Св. Въ концѣ книги отдѣльно два экскурса: Древнѣйшая Лѣтопись и Норманнская теорія.

Отдѣлы, посвященные археологіи и выясненію вопроса о славянскомъ праотечествѣ, написаны блестяще. Относительно послѣдняго авторъ приходитъ къ тому выводу, что «такъ какъ прародина всѣхъ индоевропейцевъ—восточная Европа, то первоначальная славяно-литовская территорія, до разселенія славянъ, должна находиться въ четырехугольникѣ, ограниченномъ линіей Вислы на западѣ, Балтійскимъ моремъ на сѣверѣ, а на югѣ—по среднему Днѣстру и Днѣпру и его главнымъ притокамъ.

Авторъ не признаетъ Хорватовъ кіевской Лѣтописи, не признаетъ ихъ территоріи и полагаетъ, что въ X в. «Хорваты» въ Прикарпатскихъ краяхъ—было географическое названіе, какъ остатокъ памяти о прежнихъ (южныхъ) Хорватахъ, которые здѣсь раньше

обитали, и Константинъ Багрянородный, говоря о «Бѣлой Хорватіи», исходилъ изъ того факта, что при немъ въ прикарпатскихъ земляхъ жили какіе-то Хорваты. Впрочемъ, вопросъ этотъ авторъ оставляетъ открытымъ, равно какъ и то, какъ далеко на западъ распространялись границы племени Дулебовъ и какое племенное имя имѣло русское населеніе южнаго и сѣвернаго карпатскихъ подгорій.

Весьма интересна глава (III) о культурѣ и бытѣ украинско-русскихъ племенъ; здѣсь имѣются отдѣлы: земледѣліе, промыслы и промышленность, бытъ, торговля внѣшняя и внутренняя, физическій типъ и характеръ, религіозныя воззрѣнія, культъ и похоронные обряды, бракъ и семейная жизнь, родъ и племя, городъ, земля. Родъ авторъ разумѣетъ, какъ семью въ широкомъ смыслѣ слова (подобно южнослав. «задругѣ»); это—семьи-дворы, которыя разрастаясь и дробясь, основываютъ новые роды и создаютъ «село»—группу семей, связанныхъ экономическими связями, состоящую изъ юридически и экономически самостоятельныхъ родовъ-дворовъ, которые сами собой распоряжаются, сами за себя отвѣчаютъ и свои общественныя дѣла рѣшаютъ на собраніи старѣйшинъ отдѣльныхъ родовъ-дворовъ. Впослѣдствіи же возникаетъ территоріальный принципъ—городъ, легшій въ основу дальнѣйшаго процесса общественнаго порядка явленій, притягиваетъ къ себѣ извѣстный округъ, и задаетъ тонъ; но когда онъ встрѣтился съ этнографическимъ, племеннымъ дѣленіемъ, то изъ комбинаціи этихъ двухъ элементовъ создалось новое явленіе: земли—волости, съ правящей властью, территоріей, администраціей и т. п. (Черниговская земля, Кіевская, Переяславская, Смоленская, Полоцкая и др.).

Причины возникновенія Кіевскаго государства—экономическія и торговыя. Торговля, требовавшая защиты со стороны правящихъ лицъ, князей, привела къ основанію государства, что случилось уже во всякомъ случаѣ въ нач. VIII в. Ольга крестилась не въ Царьградѣ, а въ Кіевѣ, такъ же, какъ, вѣроятнѣе всего, и Владиміръ.

Въ концѣ книги авторъ даетъ обстоятельный обзоръ исторіи норманнской теоріи, справедливо, между прочимъ, замѣчая, что имя «Руси» локализировалось въ околицахъ Кіева и вообще на нашемъ югѣ въ то время, когда Рюрикъ съ братьями еще не былъ и въ проектѣ (стр. 479).

Во *второмъ томѣ* заключаются слѣдующія главы: княженіе Ярослава, распаденіе русскаго государства въ 11—13 в.в., упадокъ Кі-

ева, и затѣмъ обзоръ отдѣльныхъ земель: Кіевской (съ добавленіемъ Турово-Пинской), Черниговской и Переяславской; степь.

Весьма интересна глава—распаденіе Русскаго государства въ 11—13 в.в., объясняемое, съ одной стороны, княжескими усобицами и размноженіемъ княжеской семьи, а съ другой—стремленіемъ отдѣльныхъ земель къ автономіи. Говоря о кіевской аристократіи, авторъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что дружинники обладали крупнымъ недвижимымъ имуществомъ (стр. 211); эта аристократія (дружина и выдвинувшіеся земяне) не борется съ правительствомъ, но будучи частью его самого, наоборотъ—поддерживаетъ его. Авторъ подробно останавливается на участіи народа въ управленіи, на дѣятельности кіевскаго вѣча и причинахъ его слабой акціи; онъ полагаетъ, что идеалъ общества того времени былъ: найти такого князя, къ которому можно имѣть довѣріе, и на этомъ успокоиться (стр. 216). Хорошо объяснено, почему Кіевская земля не раздробилась на систему болѣе мелкихъ княжествъ (стр. 217), прекрасно очерчено значеніе Кіева и Кіевской земли въ культурной жизни древней Руси.

Говоря о степи, о Руси на Дунаѣ,—авторъ считаетъ Берладь (стр. 279) княжеской волостью и находитъ вполнѣ вѣроятнымъ, что Иванъ Берладникъ дѣйствительно былъ княземъ въ Берлади. Оригиналенъ взглядъ на половцевъ: авторъ обратилъ вниманіе на терминъ «дикій Половчанинъ», «Половци диции» (встрѣчается въ лѣтописи начиная съ 40 гг. 12 ст.); происхожденіе этого термина объясняется тѣмъ, что около этого времени были уже Половцы не дикіе, домашніе, свои. Дѣйствительно, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно заключить, что въ XII в. въ русскихъ земляхъ были половецкія поселенія подъ русскимъ протекторатомъ, подобно Торкамъ и Печенѣгамъ. Авторъ ставитъ вопросъ, въ формѣ предположенія, не являются ли вновь появившіяся въ XII в. племенныя названія, какъ Турпѣи (1150 г.), Коуи (1151), Каепичи (1160)—половецкими колѣнами? (стр. 290).

Совершенно оригинально мнѣніе, что, такъ какъ съ появленіемъ Батыя исчезаютъ извѣстія о Черныхъ Клобукахъ, то полную ассимиляцію всей тюркской колонизаціи 11—12 в. съ русскимъ населеніемъ нельзя считать правдоподобный. По его мнѣнію, это черноклобуцкое населеніе, очутившись вдругъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ новой могущественной, родной для него, стихіей, ордой, было притя-

нуто этой послѣдней,—по собственной ли волѣ, или по безсознательному тяготѣнію,—безразлично. Плано-Карпини, путешественникъ XIII в., не говоритъ уже ни слова о поселеніяхъ Черныхъ Клобуковъ на Поросьи. Поэтому можно допустить, что только мелкія ихъ колоніи среди русскаго населенія могли ассимилироваться съ послѣднимъ, главная же масса вернулась назадъ въ степи и слилась съ татарской ордой, какъ и тѣ ихъ единоплеменники, что оставались въ степяхъ. Въ результатѣ, въ составѣ и антропологическомъ типѣ украинскаго населенія они, вѣроятно, оставили меньше слѣдовъ, чѣмъ въ украинской топографической номенклатурѣ (стр. 305—306).

Третій томъ. Главы: Западная Украина: Волынь, Галичина, Угорская Русь; Галицко-Волынское государство въ XIII—XIV в.; Поднѣпровье во второй половинѣ XIII в. и въ нач. XIV в.; общественно-политическое устройство украинско-русскихъ земель въ XI—XIII в.в. Бытъ и культура.

Говоря о внутренней жизни Галичины, авторъ видитъ тамъ (стр. 91—95) въ боярствѣ наслѣдственность. Очень хорошо доказано и объяснено, что Поднѣпровье нисколько не обратилось въ пустыню послѣ татарскаго погрома, а что населеніе только отхлынуло въ Полѣсье, куда оно не разъ и прежде въ подобныхъ случаяхъ скрывалось, съ тѣмъ, чтобы по миновеніи опасности вернуться къ роднымъ пепелищамъ. Авторъ останавливается довольно подробно на теоріи «великоруссизма» кіевскаго населенія, не выдерживающей критики, снова доказываетъ, что Кіевъ послѣ Батыева нашествія ничуть не запустѣлъ (обширная торговля съ иностранцами); освѣщаетъ интересное явленіе въ нашей исторіи—движеніе городовъ и цѣлыхъ округовъ въ цѣляхъ достиженія автономіи и обособленія отъ княжескаго вліянія, и отдача себя въ непосредственную зависимость отъ татаръ («Болоховцы» и «люди сѣдящіе за татары»). Авторъ предполагаетъ (стр. 222), что и Кіевъ, по всей вѣроятности, а также земли между Тетеревомъ и Днѣпромъ, находилась въ аналогичномъ отношеніи къ татарамъ, какъ и порѣчье Случи и Тетерева. По крайней мѣрѣ, въ послѣдней четверти XIII в. въ Кіевѣ не видимъ никакого князя; Кіевъ былъ bonum nullius для князей и стоялъ въ непосредственной зависимости отъ татаръ. Въ такомъ положеніи Кіевъ оставался до начала XIV ст., а м. быть и дольше,—и, во всякомъ случаѣ, не былъ уже княжествомъ въ прежнемъ смыслѣ этого слова. Былъ ли здѣсь сознательный, зара-

нѣе выработанный татарами планъ, или сама жизнь создала такое положеніе? Послѣднее какъ будто правдоподобнѣе. Въ Поросьи въ это время—тоже безкняжіе такъ что и здѣсь можно предполагать то же общественно-политическое устройство. Правдоподобно, что то же самое случилось и съ Переяславской землей. Такимъ образомъ, въ Кіевщинѣ и Переяславщинѣ пало дружинно-княжеское устройство, земли распались на отдѣльныя городскія общины, гдѣ лишь временно являлись князья, въ роли татарскихъ ставленниковъ. Такое положеніе дѣлъ вызвало бѣгство изъ Кіева высшихъ сословій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще пониженіе культурныхъ и духовныхъ интересовъ въ Кіевщинѣ (стр. 235—238).

Весьма цѣнна глава «Общественно-политическое устройство украинскихъ земель въ XI—XIII в.в.»: отношенія князей между собой; политическое устройство земли: вѣче и князь; управленіе: боярскій совѣтъ, дворъ, чиновники, судопроизводство, войско, казна; церковь; общество: дружина, боярство, горожане, селяне, холопы, люди церковные. Въ отдѣлѣ о дружинѣ, авторъ признаетъ наслѣдственность дружинной службы не только въ Галичинѣ, но и Кіевщинѣ: должности тысяцкаго, воеводы—передаются отъ отца къ сыну; существуютъ боярскіе роды,—на это указываютъ прозвища не только по отцу, но и дѣду. Вообще, княжескіе бояре были преимущественно люди состоятельные, владѣльцы недвижимыхъ имуществъ (ссылки на стр. 328).

Едва-ли не самая интересная глава—«Бытъ и культура»: экономическія отношенія, право, семейныя отношенія, частная жизнь; христіанство и его вліяніе на общество, искусства, образованіе и книжность, оригинальная литература. Въ этой главѣ затронутъ, между прочимъ, любопытный и важный вопросъ: причины упадка общественной жизни; причины эти: княжескія хожденія въ волости, войны, набѣги хищниковъ, громадные проценты, упадокъ крестьянства и закрѣпощеніе свободныхъ: развитіе крупной княжеской собственности стояло въ непосредственной связи съ умноженіемъ рабовъ. Торговля и кредитъ были широко развиты. Авторъ касается вопроса о положеніи женщины и участи ея въ политическихъ и церковныхъ дѣлахъ. Что касается до христіанства, то вліяніе его въ первыя столѣтія признается слабымъ: подъ покровомъ христіанства сохранилось почти въ чистомъ видѣ язычество или создавалось «двоевѣріе»,—то же язычество, только прикрытое христіанскимъ обрядомъ. Вліяніе христіанства сказалось от-

части въ положеніи рабства и впослѣдствіи даже способствовало его уничтоженію.

Въ главѣ объ искусствахъ авторъ отмѣчаетъ два архитектурные типа церквей: галицкій и кіевскій, даетъ описаніе южно-русскихъ фресокъ, мозаики, эмали и т. п. Относительно школъ и просвѣщенія онъ утверждаетъ (стр. 443—444), что въ древней Руси должно было существовать коллективное обученіе, т. е. школа въ собственномъ смыслѣ (помимо каѳедральныхъ школъ),—частная, и только въ большихъ городахъ.

Послѣдній отдѣлъ посвященъ литературѣ и просвѣщенію. Кругъ образованности: переводы теологическаго содержанія и свѣтскія произведенія. Литература—богословско-моралистическая; существовало двѣ школы: высшая—Иларіонъ, Климентъ Смолятичъ, Кириллъ Туровскій. и болѣе «простая» манера—Лука, Ѳеодосій, Яковъ Мнихъ, Несторъ, Мономахъ. Оригинальное русское творчество: въ агіографіи, путешествіяхъ, исторіографіи, лѣтописяхъ Кіевской и Волынской, свѣтскихъ произведеніяхъ.

Каждый томъ содержитъ нѣсколько картъ: колонизація восточной Европы до III в. по Р. Х., восточно-славянская колонизація времени созданія Русскаго государства (въ I т.), Кіевщина и Турово-Пинскъ XI—XIII ст., Черниговская и Переяславская земли XI—XIII вв. (II т.), Западная Русь въ XI—XIII вв. (III т.), генеалогическія таблицы князей до Владиміра и послѣ Владиміра св., генеалогія династіи Романа Галицкаго, указатели именные и предметные.

Безъ сомнѣнія, отмѣченные нами томы Исторіи Украины-Руси—трудъ въ высшей степени цѣнный и полезный; авторъ даетъ массу интереснаго, сгруппированнаго и надлежащимъ образомъ освѣщеннаго матеріала, уясняющаго до мельчайшихъ подробностей, насколько позволяютъ въ настоящее время средства исторической и археологической наукъ, не только бытъ нашего народа въ XI—пол. XIV в., но и древнѣйшую исторію нашихъ предковъ—существованіе которыхъ, какъ опредѣленнаго антропологическаго типа, отодвигается въ сѣдую древность, ко временамъ Антовъ. Въ данныхъ 3-хъ томахъ труда проф. Грушевскаго мы имѣемъ, наконецъ, начало полной давно жданной исторіи нашего народа (доведено до Литовскаго періода); дальнѣйшіе томы IV и V будутъ заключать въ себѣ Литовскій періодъ (до 1569 г.)

и внутренній строй въ этотъ періодъ [1]). Какъ можно предполагать, трудъ обѣщаетъ быть громаднымъ, многотомнымъ. Пожелаемъ же автору успѣшно довести его до конца и вызвать больше вниманія къ своему капитальному труду, чѣмъ это наблюдалось до настоящаго времени.

В. Доманицкій.

О. Корфу (Греція) 1902 г.

Отчетъ Кіевскаго Городского Комитета попечительства о народной трезвости за 1900 г. *Кіевъ, 1902 г.*

Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго Городского Комитета попечительства о народной трезвости за 1901 г. *Кіевъ, 1902 г.*

Изданіе въ теченіе одного года двухъ названныхъ отчетовъ о дѣятельности нашего Городского Комитета попечительства о народной трезвости даетъ возможность обозрѣть дѣятельность ихъ за два года и сравненіемъ ихъ между собою выяснить, насколько дѣятельность Комитета подвинулась впередъ сравнительно съ первымъ годомъ и существовавшими въ этотъ первый годъ предположеніями и надеждами. Отчетъ перваго года составленъ въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, проникнутомъ увѣренностью въ значительности результатовъ, достигаемыхъ учрежденіями и вообще дѣятельностью Комитета; наоборотъ, второй отчетъ изложенъ болѣе объективно и даже съ указаніями на нѣкоторые недочеты въ дѣятельности нѣкоторыхъ учрежденій Комитета, почему послѣдній отчетъ производитъ гораздо лучшее впечатлѣніе. Смѣшивая термины «посѣтитель» и «посѣщеніе» (что составляетъ, впрочемъ, довольно обычную ошибку многихъ нашихъ отчетовъ), отчетъ 1900 г. отмѣчаетъ, напр., громадность значенія устроенныхъ Комитетомъ городскихъ чайныхъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ доставляли возможность «въ теченіе одного года насытиться здоровымъ дешевымъ питьемъ и здоровой пищей 692 *тысячамъ человѣкъ*», т. е. свыше

[1]) Какъ мы слышали, IV т. готовъ уже совершенно, а также половина V, и въ будущемъ году начнутся печатаніемъ.

чѣмъ вдвое больше общаго числа жителей въ Кіевѣ. Въ дѣйствительности, конечно, рѣчь идетъ ни больше ни меньше какъ о количествѣ *посѣщеній*, сдѣланныхъ лицами, пользовавшимися услугами чайныхъ, изъ которыхъ многіе могли посѣщать чайныя не только ежедневно, но и по нѣсколько разъ въ день. Такимъ образомъ спеціальный подсчетъ *только* посѣтителей могъ-бы сократить ихъ число до очень мизерной цыфры; напр., еслибы оказалось, (мы говоримъ, конечно, только для примѣра, предположительно), что всѣ эти посѣтители были завсегдатаями чайныхъ, посѣщавшими ихъ въ теченіе года ежедневно по одному разу, то цыфра 692000 сразу сократилась бы до 1900. Приводимъ этотъ примѣръ только для болѣе рельефнаго показанія разницы въ пониманіи вышеуказанныхъ двухъ терминовъ, которые надлежитъ строго различать, своевременно удерживаясь отъ патетическихъ замѣчаній (отчетъ 1900 г.) въ родѣ того, (по поводу 692 тысячъ посѣтителей), что «приведенныя цыфры числа посѣтителей и валовой выручки весьма краснорѣчиво говорятъ о той роли, какую играютъ чайныя попечительства о народной трезвости въ жизни нашего простолюдина, окрестившаго ихъ «казенными чайными» и выразившаго этимъ названіемъ свое уваженіе къ тому порядку и благочинію, символомъ которыхъ для него является «казна»! Сравненіе цыфръ за 1900 и 1901 г.г. указываетъ, что хотя Комитетъ увеличилъ къ 1901 г. число чайныхъ на двѣ, но средняя посѣщаемость ихъ замѣтно уменьшилась: съ 76936 на 66509 посѣщеній въ годъ, въ среднемъ на одну чайную и это уменьшеніе посѣщаемости замѣчается по всѣмъ чайнымъ, кромѣ куреневской и галицкой, чему объясненій въ отчетахъ не находимъ, а они сами собой напросились бы въ текстъ отчетовъ, еслибы составители не упустили изъ виду, что подобныя сравненія дѣятельности по годамъ приносятъ значительную пользу въ дѣлѣ выясненія хода текущаго дѣла. Не можемъ не отмѣтить, кстати, по поводу приведенныхъ выводовъ, взятыхъ изъ сравненія среднихъ по отдѣльнымъ чайнымъ, вычисленныхъ въ самыхъ отчетахъ, что не будучи посвященными въ секретъ того способа, какимъ вычисляются эти среднія для отчетовъ, мы очень смущены нижеслѣдующимъ обстоятельствомъ. Оказывается, что лукьяновская чайная, давшая въ 1901 г. абсолютное число посѣщеній на 9390 посѣщеній больше, чѣмъ въ 1900 г., почему-то, согласно вычисленію отчетовъ, имѣла среднюю посѣщаемость съ совершенно обратнымъ отношеніемъ цыфръ, т. е. въ 1900 г. (343 въ среднемъ на 1 день) значительно большую, чѣмъ въ

1901 г. (268), когда какъ разъ въ ней было абсолютно большее число посѣщеній.

Хотя книжные склады Комитета при чайныхъ продали въ 1900 г. книгъ всего на 21 р. 97 к., однако это не помѣшало отчету 1900 г. ознаменоваться отмѣткою, что «первые шаги, сдѣланные тремя названными чайными, надо признать очень успѣшными». Но уже въ отчетѣ 1901 г., нѣсколько лучшій результатъ продажи (на 28 р. 2 к.) вызываетъ замѣчаніе, что «надежда на развитіе книжной продажи не оправдалась» и что «продажа книгъ основана на очень шаткихъ началахъ».

Изъ отчетовъ видно, что, кромѣ чайныхъ и книжной продажи, Комитетомъ устраиваются народныя чтенія (при помощи «Коммиссіи народныхъ чтеній»), вечерніе классы для взрослыхъ, народные вечера, гулянья и спектакли (число которыхъ въ 1901 г. увеличилось почти вдвое, а средняя посѣщаемость замѣтно уменьшилась), содержится лѣчебница алкоголиковъ при Кирилловской больницѣ, библіотеки-читальни при чайныхъ.

Отчетъ 1901 г. выражаетъ сѣтованіе, что выдача при чайныхъ горячей пищи зачастую даетъ убытокъ, при чемъ она сокращаетъ также и потребленіе чая, такъ какъ весьма многіе изъ посѣтителей въ обѣденное время и въ ужинъ предпочитаютъ поѣсть горячей мясной пищи вмѣсто чая. Намъ кажется, наоборотъ, что такому предпочтенію народомъ болѣе питательной пищи можно только радоваться, а Комитету надлежитъ, примѣняясь къ выяснившимся потребностямъ, развить свою дѣятельность предпочтительно въ этомъ направленіи, принявъ возможныя мѣры противъ тревожащихъ его убытковъ.

Къ отчету 1901 г. приложенъ списокъ дѣйствительныхъ членовъ, участковыхъ попечителей и членовъ соревнователей. Такъ какъ въ отчетѣ не содержится данныхъ о степени фактическаго участія различныхъ категорій членовъ Комитета (дѣйствительные члены, участковые попечители, члены-соревнователи) въ дѣятельности Комитета и его учрежденій, то очень трудно судить о томъ, какая изъ этихъ категорій оказывается наиболѣе дѣятельною. Нельзя, однако, не замѣтить, что въ обоихъ отчетахъ, кое-гдѣ отмѣчающихъ фамиліи нѣкоторыхъ членовъ, принимающихъ фактическое участіе въ тѣхъ или иныхъ начинаніяхъ общества, почти не встрѣчается фамилій дѣйствительныхъ членовъ, что какъ-бы указываетъ на слабое фактическое участіе послѣднихъ, обладающихъ однако наибольшими правами и утверждае-

мыхъ членами въ Петербургѣ. Если это предположеніе вѣрно то можно лишній разъ отмѣтить ненужность этого дѣленія на полноправныхъ и почти безправныхъ членовъ, изъ которыхъ послѣдніе работаютъ, а первые выражаютъ имъ въ отчетѣ благодарность отъ имени Комитета (см. отчетъ 1900 г. стр. 25). Заканчивая нашу поневолѣ краткую замѣтку, не можемъ не обратить вниманія читателя на весьма интересныя строки отчета 1901 г. (стр. 23—24), посвященныя характеристикѣ отношенія различныхъ категорій населенія: духовенства, интеллигенціи и простого народа къ дѣлу нравственнаго и умственнаго просвѣщенія взятому на себя Комитетомъ, которое, какъ оказывается, встрѣчаетъ сочувствіе и поддержку только со стороны интеллигенціи и простого народа...

Л. С. Л.

Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1902 г. (іюнь—августъ) № 9 (4). *Полтава. Изд. Статистическаго Бюро Полтавск. губ. земства.*

Читавшіе Гл. Успенскаго, конечно, хорошо помнятъ его интересную главу «Урожай» изъ очерковъ «Кой про что», гдѣ описывается, какъ авторъ, высадившись на одной изъ станцій жел. дороги, не нашелъ ни одного извощика, благодаря тому, что эту мѣстность посѣтилъ обильный урожай. «Сказываютъ такъ, что урожай Господь далъ—ну, вотъ имъ (мужикамъ) и не охота»... «Урожай Господь далъ ужаственный», объясняли ему сторожъ и мѣстный сельскій купецъ, встрѣтившійся на станціи, «теперь, когда Господь такъ ихъ помиловалъ, поглядикось, какого храпу они задаютъ—пушкой не прошибешь»... «И скотина то вся умаявши», «да и народу то нисколько нѣту. Народъ то разбѣжавши... Такой урожай Господь далъ—всѣ по дворамъ шаркнули».

Эти строки невольно пришли намъ на память при прочтеніи предисловія къ названному изданію. Дѣло въ томъ, что коротенькое предисловіе къ этой небольшой брошюркѣ, составленной г. Ааронскимъ, однимъ изъ сотрудниковъ статистическаго бюро полтавскаго губернскаго земства, отмѣчаетъ любопытный фактъ зависимости—дѣла собиранія и обработки статистическихъ данныхъ отъ... урожая! Такъ же какъ у насъ на значительномъ пространствѣ югозападнаго края, погода истекшаго лѣта отличалась въ полтавской губ. крупными не-

нормальностями въ обычномъ ея ходѣ, нарушавшими и обычный ходъ земледѣльческихъ работъ и вызывавшими во многихъ мѣстахъ потребность въ чрезвычайномъ напряженіи силъ для своевременной уборки урожая, оказавшагося при томъ весьма обильнымъ. Во многихъ мѣстахъ чувствовался значительный недостатокъ рабочихъ рукъ, что усугубляло затрудненія неизбѣжно связанныя съ необходимостью своевременной уборки обычнаго урожая. Вслѣдствіе всего этого число постоянныхъ корреспондентовъ бюро, доставлявшихъ ему свѣдѣнія по текущей сельскохозяйственной статистикѣ, разомъ упало съ 604 на 495, да и самое доставленіе свѣдѣній происходило съ значительнымъ запозданіемъ противъ назначеннаго срока. Поэтому, входя въ затруднительное положеніе своихъ сельскихъ сотрудниковъ въ періодъ полевой уборки, статистическое бюро выражаетъ въ этомъ предисловіи «тѣмъ большую признательность тѣмъ изъ нихъ, которые, несмотря на сильный недосугъ, все-таки нашли у себя время подѣлиться съ бюро своими наблюденіями». Очевидно, когда народъ, занятый при томъ уборкой собственнаго богатаго урожая, былъ «разбѣжавши по дворамъ» и не нуждался въ заработкахъ на сторонѣ, положеніе людей, не имѣвшихъ возможности убрать всѣ свои посѣвы личнымъ трудомъ, было крайне затруднительное да и вообще благодаря обильному урожаю не только «досугу то какъ то не хватало», но прямо было «дохнуть некогда». Тутъ было не до статистики и поэтому то статистика оказалась въ такомъ загонѣ, въ какомъ не бывала при среднихъ урожаяхъ... О содержаніи же самой брошюры остается сказать, что доставленныя данныя разработаны въ ней съ обычною для полтавскаго бюро обстоятельностью и подробно рисуютъ условія сельскохозяйственной жизни губерніи за вышеобозначенный періодъ времени.

Л. С. Л.

В. И. Василенко. Метеорологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ, съ программою для собиранія матеріаловъ. *Полтава, 1902 г. Изд. Полтавск. Общества сельскаго хозяйства.*

Брошюра В. И. Василенка имѣетъ цѣлью ознакомить читателя съ важнымъ значеніемъ народныхъ наблюденій по метеорологіи и фенологіи и ставитъ на очередь вопросъ о необходимости ихъ изученія.

Отмѣчая значеніе этихъ наблюденій, авторъ напоминаетъ, что надѣлавшая столько шуму теорія предсказанія погоды г. Демчинскаго по существу своему анологична народнымъ примѣтамъ. Говоря словами г. Агринскаго («Русскія народныя примѣты о погодѣ»), авторъ указываетъ, что «такіе основные элементы погоды, какъ напр., теплота, направленіе вѣтра, облачность неба и т. п., т. е. тѣ именно элементы, изученіе коихъ въ научной метереологіи только еще начинается, въ метереологіи простонародной съ незапамятныхъ временъ составляютъ предметъ самаго внимательнаго изслѣдованія и наблюденія». Находя, что сокровищница народныхъ метереологическихъ наблюденій можетъ служить значительнымъ подспорьемъ для скорѣйшаго развитія научной метереологіи, авторъ выражаетъ надежду, что сельская интеллигенція, такъ охотно доставляющая земству свѣдѣнія по текущей сельскохозяйственной статистикѣ, обратитъ свое вниманіе и на необходимость собиранія свѣдѣній по этому вопросу, изученіе котораго ей наиболѣе доступно и удобно.

Брошюра содержитъ опытъ народнаго украинскаго календаря по метереологіи, сводъ собранныхъ уже авторомъ матеріаловъ по украинской народной метеорологіи—примѣтъ и наблюденій народныхъ въ этой области,—программу для собиранія народныхъ воззрѣній по метеорологіи и земледѣлію, а также и главнѣйшія указанія о способѣ собиранія этого рода свѣдѣній и заполненія вопросовъ программы.

Для интересующихся даннымъ выпускомъ и намѣревающихся заняться собираніемъ такихъ свѣдѣній, считаемъ долгомъ отмѣтить, что авторъ (адресъ: г. Полтава, Виктору Ивановичу Василенку) готовъ взять на себя трудъ по сводкѣ и разработкѣ собираемыхъ, по напечатанной въ его брошюрѣ программѣ, экземпляры которой можно получить изъ склада Полтавской общественной библіотеки.

Намъ остается только пожелать автору успѣха въ задуманномъ имъ дѣлѣ изслѣдованія украинскихъ народныхъ воззрѣній по метеорологіи и сельскому хозяйству.

Л. С. Л.

М. Е. Марковъ и его рукописный сборникъ о черниговской старинѣ. Сообщилъ М. Вережковъ. *Нѣжинъ 1902, стр. 25.*

Михаилъ Егоровичъ Марковъ въ началѣ XIX ст. былъ директоромъ народныхъ училищъ въ черниговской губерніи. Свободное отъ

службы время онъ посвящалъ занятію малорусской исторіей вообще и черниговскаго края, въ частности. Труды его остались, большею частью, въ рукописи и, благодаря этому, для научной разработки малорусской исторіи значенія не имѣли. Самъ Марковъ является въ нихъ трудолюбивымъ собирателемъ матеріаловъ по разнымъ вопросамъ, преимущественно, изъ печатныхъ источниковъ; значительныхъ выводовъ и точныхъ научныхъ опредѣленій въ трудахъ его нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, по справедливому замѣчанію пр. М. Н. Бережкова, «М. Е. Марковъ остается почтеннымъ на своемъ мѣстѣ труженикомъ науки, въ ряду тѣхъ областныхъ историковъ-археологовъ, нѣсколько въ романтическомъ родѣ, типъ которыхъ у насъ, въ Россіи, сталъ обозначаться во второй половинѣ XVIII в. и въ началѣ XIX-го, на смѣну которыхъ послѣ выступаютъ редакторы губернскихъ вѣдомостей, члены статистическихъ комитетовъ, дѣятели мѣстныхъ ученыхъ обществъ, архивныхъ коммиссій и иные, подобные имъ, весьма почтенные дѣятели на пользу областной исторіи, археологіи, этнографіи, статистики» (стр 3—4).

М. Е. Марковъ находился въ сношеніи съ извѣстнымъ канцлеромъ Н. П. Румянцевымъ. Три письма Маркова къ Румянцеву отъ 1815 г. приводитъ проф. М. Н. Бережковъ. Благодаря графу Н. П. Румянцеву, въ журналѣ М-ва Народн. Просв., носившаго тогда названіе «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія» въ 40-мъ и 41-мъ номерахъ напечатаны два сочиненія Маркова: «О городахъ и селеніяхъ въ Черниговской губерніи, упоминаемыхъ въ Несторовой лѣтописи» и «О достопамятностяхъ Чернигова». Послѣднее сочиненіе было перепечатано затѣмъ въ «Чтеніяхъ въ О-вѣ исторіи и древностей» О. М. Бодянскимъ, при чемъ къ нему издатель присоединилъ и «Отвѣтъ на нѣкоторые вопросы о Малой Россіи», составленный, какъ думаетъ проф. М. П. Бережковъ, на основаніи ряда вопросовъ, предложенныхъ Маркову Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ.

О. М. Бодянскій напечаталъ также «Замѣчанія, до малой Россіи принадлежащія». Д. Н. Бантышъ-Каменскій думалъ, что они составлены Марковымъ; проф. М. Н. Бережковъ полагаетъ, что не Марковъ авторъ «Замѣчаній», а скорѣй Шафонскій (стр. 8—11).

Сборникъ рукописныхъ сочиненій М. Е. Маркова сохраняется въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ. Онъ—двухтомный, всего 578 листовъ въ обоихъ томахъ. Сборникъ носитъ заглавіе «Мих. Егор. Маркова разныя сочиненія къ поясненію исторіи Чернигова». Крат-

кое содержаніе сборника проф. М. Н. Бережковъ приводитъ въ своей статьѣ (стр. 11—15).

Одна изъ статей сборника носитъ заглавіе «Матеріалы для историч., географич. и топографич. опис. Черниговской губ.». Отрывокъ ея «О Нѣжинѣ и его повѣтѣ» М. Н. Бережковъ сообщаетъ читателямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставитъ вопросы: «откуда могъ заимствовать Марковъ статистическіе и иные подобные матеріалы; какъ относятся частные труды М. Е. Маркова къ трудамъ А. Ф. Шафонскаго и Дм. Ром Пащенка, спеціалистовъ дѣла, трудившихся надъ составленіемъ описанія черниговскаго намѣстничества, по официальному порученію»? (стр. 25). Эти вопросы, требующіе особыхъ тщательныхъ разысканій, проф. М. Н Бережкова оставляетъ пока безъ отвѣта.

Статья проф М. Н. Бережкова представляетъ собой значительный вкладъ въ небогатую трудами исторію малорусской исторіографіи.

Н. В.

А. И. Александровъ. Памяти Виктора Ивановича Григоровича (30 апрѣля 1815 г.—19 декабря 1876 г.) Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника“. *Варшава 1902. 33 стр.*

19 декабря 1901 года исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго слависта В. И. Григоровича.

Уроженецъ г. Балты подольской губ., В. И. Григоровичъ, окончилъ училище при уніатскомъ монастырѣ базиліанъ въ г. Умани, а затѣмъ и харьковскій университетъ по этико-филологическому отдѣленію философскаго факультета. Сначала В. И. Григоровичъ думалъ было посвятить себя служебной чиновничьей карьерѣ, переселился въ С.-Петербургъ, но затѣмъ увлекся наукой, уѣхалъ въ Дерптъ и въ январѣ 1834 г. записался въ студенты филологическаго факультета. Это опредѣлило окончательно его дальнѣйшую судьбу. По рекомендаціи проф. Горлова, съ которымъ В. И. Григоровичъ познакомился въ Дерптѣ, казанскій университетъ избралъ его для подготовленія къ занятію кафедры славянскихъ нарѣчій въ казанскомъ университетѣ. В. И. Григоровичъ вполнѣ оправдалъ этотъ выборъ и составилъ себѣ крупное имя на этомъ поприщѣ. Около 25 лѣтъ В. И. Григоровичъ былъ профессоромъ казанскаго университета, а съ открытіемъ университета въ Одессѣ перешелъ на службу туда. Какъ профессоръ и

человѣкъ, В. И. Григоровичъ оставилъ по себѣ добрую память и личность его всегда была окружена любовью и уваженіемъ всѣхъ, его знавшихъ, у него учившихся, или находившихся съ нимъ въ какихъ-нибудь отношеніяхъ.

Брошюра проф. А. И. Александрова представляетъ собой рѣчь, сказанную въ Казани по случаю 25-лѣтія со дня смерти В. И. Григоровича. Брошюра написана замѣчательно тепло и, несмотря на свою краткость, довольно живо характеризуетъ какъ научную работу скромнаго труженика науки, такъ и его симпатичнѣйшую личность. Похороненъ В. И. Григоровичъ въ Елисаветградѣ, гдѣ онъ прожилъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни: въ отставку онъ вышелъ въ началѣ 1876 года, а 19 декабря того же года скончался.

Н. В.

Думи і мріі. Поезиі Лесі Украінки. Накладом украинсько-руської видавничої спілки. *Львів. 1899. Ст. 123 in 12°.*

Передъ нами сборникъ стихотвореній украинской поэтессы, являющейся у насъ, по отзывамъ критики [1]), однимъ изъ крупныхъ поэтическихъ талантовъ. Сборникъ распадается на четыре отдѣла: «поеми, мелодіі, невільничі пісні і відгуки». Изъ поэмъ помѣщены двѣ—«Роберт Брюс» и «Давня казка». Первая изъ нихъ не можетъ считаться въ числѣ лучшихъ произведеній Лесі Украінки. Автору, вообще, надо сказать, не такъ удаются эпическія произведенія, какъ лирическія; поэма страдаетъ растянутостью и реторикой, хотя встрѣчаются и мѣста, согрѣтыя сильнымъ поэтическимъ чувствомъ. Далеко выше стоитъ поэма «Давня казка». Темой ея служитъ значеніе поэзіи въ общественной жизни, и поэзія, какъ сила духовная, противопоставляется грубой физической силѣ. Авторъ разсказываетъ намъ исторію двухъ людей—безыменнаго поэта и могущественнаго рыцаря Бертольда. Гордый рыцарь съ презрѣніемъ относится къ поэту, но, желая снискать расположеніе любимой дѣвушки, принужденъ обратиться къ нему съ просьбою повліять своими пѣснями на гордую красавицу. Достигши своей цѣли, рыцарь забываетъ объ услугѣ, оказанной ему поэтомъ.

---

[1]) Ів. Франко.—Леся Украінка. Літерат.-Науковий Вістник. 1898. Кн. VI.

Но вотъ онъ отправляется на войну. Здѣсь постигаетъ его неудача. Измученное походомъ войско отказывается идти на враговъ. Но въ помощь Бертольду является опять поэтъ. Своими вдохновенными пѣснями онъ возбуждаетъ мужество у воиновъ, и тѣ идутъ въ бой. Побѣда доставляетъ Бертольду могущественное положеніе; пользуясь имъ, онъ начинаетъ притѣснять своихъ подданныхъ. Поэтъ вступаетъ съ нимъ въ борьбу. Онъ пробуждаетъ въ народѣ традиціи свободы и вооружаетъ его противъ Бертольда. Послѣдній пробуетъ подкупить поэта, но неудачно. Тогда Бертольдъ бросаетъ поэта въ тюрьму, гдѣ онъ и умираетъ. Однако дѣло, начатое поэтомъ, продолжается. Народъ возстаетъ и убиваетъ Бертольда. Но Бертольду наслѣдуетъ его сынъ, а потомъ и его потомки, продолжающіе его политику. Однако, и у поэта являются наслѣдники, проникнутые его идеями:

Мижъ нащадкамы знялася
Боротьба тяжка. завзята,
Та вона ведеться й доси,
Та вiйна страшна, затята.
И теперъ нащадкы графськы
Тюрмы мицныи мурують,
А поетови нащадкы
Слово гострее гартують.
Проты дила соромного
Выступае слово праве,
Охъ, страшне оте змаганне,
Хочъ воно и не криваве!
А колы вiйна скинчыться
Того дила й того слова,
То скинчыться давня казка,
А настане правда нова.

Слѣдующій отдѣлъ «Мелодіі» состоитъ изъ 12 поэтическихъ рагмефнтовъ, содержаніемъ которыхъ служитъ воспѣваніе весны, ночи, звѣздъ... Несмотря на свое однообразіе, строфы эти изобилуютъ красивыми поэтическими оборотами, и потому читаются легко; жаль только, что мѣстами встрѣчаются тяжеловатыя построенія стиха. Тонъ этихъ стихотвореній грустный; чувствуется, что у автора скопилось много горечи и боли на душѣ, и эта скорбь, замѣтная въ «Мелодіях», съ

могучей силой прорывается наружу въ слѣдующемъ отдѣлѣ «Невільничих пісняхъ». Всѣ стихотворенія этого отдѣла являются безспорно хорошими,—слабыхъ здѣсь нѣтъ. Тема всѣхъ «невільничих пісень»—глубокая скорбь о печальномъ положеніи родного народа и горячій, искренній призывъ къ работѣ на его пользу. Лучшими стихотвореніями отдѣла являются: «Поет підчас облоги», стихотворенія, подобно «Давней казкѣ», рисующее вліяніе поэта на общество, «Мати невільниця», «Fiat nox» и «Грішниця».

Послѣдній отдѣлъ «Відгуки» содержитъ стих. на различныя темы. Это отзвуки поэта на явленія жизни, на которыя онъ смотритъ не съ равнодушіемъ посторонняго зрителя, а съ отзывчивостью и горячимъ участіемъ. Насъ поражаетъ въ этихъ стих. разносторонность лирики Лесі Українки, глубина чувства и богатство колорита. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщено, между прочимъ, стих. «На столітній ювілей української літератури», напечатанное впервые въ V т. «Л.-Н. Вістника» за 1899 г. и перепечатанное потомъ въ I т. «Вика».

Д. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русская Старина, № 11, 2) Русскій Архивъ, № 10 и 11, 3) Историч. Вѣстникъ, № 11, 4) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, № 10 и 11, 5) Міръ Божій, № 11, 6) Научное Обозрѣніе, № 10, 7) Вѣстникъ Европы, № 11, 8) Русская Мысль № 11; 9) Труды Кіевск. Духовн. Акад. № 10 и 11, 10) Книжки Восхода, № 10, 11) Черниговскій Земскій Сборникъ, № 10, 12) Русская Школа, № 9, 13) Живая Мысль, № 1 и 2, 14) Kwartalnik historyczny № 3, 15) Wisła, № 6, 16) Biblioteka Warszawska, № 11, 17) Przewodnik naukowi i literacki, № 11. 18) Новое Дѣло, № 9, 19) Ученыя Записки Казан. Университета, № 9; 20) Извѣстія Рус. Геогр. Общества, № 2.

Русскій Архивъ, № 10 и 11.

Дневникъ И. М. Снѣгирева за 1836 г. (№ 10, стр. 161—186). Подъ 10 апрѣля находится запись: «Написалъ свое мнѣніе (для цензуры) касательно двухъ рукописей Сковороды: его *Жизнь* и *Притча Еродій*, изъ коихъ въ одной находятся многія мысли, противныя св. Писанію и оскорбительныя для монашества, а въ другой много пропусковъ и описокъ, затемняющихъ смыслъ. Въ комитетѣ опредѣлено: одну запретить, а другую отдать для переписки.

Историческій Вѣстникъ, № 11.

Н. А. Энгельгардтъ.—Цензура въ эпоху великихъ реформъ (1855—1875 гг.). *Очеркъ третій* (стр. 575—600).—Въ этомъ очеркѣ напечатанъ важный историческій документъ, касающійся украинской литературы изъ Сборника распоряженій по дѣламъ печати, именно «секретное отношеніе» по цензурному вѣдомству отъ 8 іюля 1863 г. за № 394. Воспроизводимъ этотъ интересный документъ цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ очеркѣ г. Энгельгардта. «Давно уже идутъ споры въ нашей печати о возможности существованія самостоятельной малороссійской литературы. Поводомъ къ этимъ спорамъ служили произведенія нѣкоторыхъ писателей, отличившихся болѣе или менѣе замѣчательнымъ талантомъ или своею оригинальностью. Въ послѣднее время вопросъ о малороссійской литературѣ получилъ иной характеръ вслѣдствіе обстоятельствъ чисто политическихъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ интересамъ собственно литературнымъ. Прежнія произведенія на малороссійскомъ языкѣ имѣли въ виду лишь образованные классы Южной Россіи, нынѣ же приверженцы малороссійской народности обратили свои виды на массу не просвѣщенную... Никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ (sic!), нарѣчіе, употребляемое простонародіемъ, есть тотъ же русскій (sic!) языкъ, только испорченный вліяніемъ Польши (sic!); общерусскій языкъ такъ же понятенъ для малороссовъ, какъ и для великороссіянъ, и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ нѣкоторыми малороссами и въ особенности поляками такъ называемый украинскій языкъ».

«Сдѣлать... распоряженіе, чтобы къ печати дозволялись только такія произведенія на этомъ языкѣ, которыя принадлежатъ къ области изящной литературы; пропускомъ же книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа, пріостановиться».

Журналъ Министерства Народн. Просв. № 10 и 1.

В. Краснянскій.—Минскій департаментъ Великаго княжества Литовскаго (№ 10, стр. 247—316).—Изслѣдованіе посвящено одному изъ интересныхъ эпизодовъ изъ исторіи войны 1812 г., когда Даву занялъ Минскъ, и учредилъ коммиссію временнаго управленія Минской провинціей при общемъ сочувствіи поляковъ, вскорѣ затѣмъ разочаровавшихся во французскомъ владычествѣ.

А. Погодинъ.—Замѣтки о методѣ этнографіи. (№ 11, стр. 131—159). Статья, посвященная вопросу о методѣ этнографіи, по поводу лекцій по этнографіи проф. Н. Харузина.

Міръ Божій, № 11.

Н. Котляревскій.—Н. В. Гоголь. 1829—1842 гг. (Продолженіе, стр. 193—233). Съ XV гл. начинается обзоръ литературной дѣятельности Гоголя въ 1837—1842 гг. Здѣсь авторъ говоритъ о новыхъ планахъ и трудахъ великаго писателя, о крушеніи литературныхъ его плановъ въ старомъ романтическомъ стилѣ и особенно о неудачѣ запорожской трагедіи «Выбритый усъ»; полномъ торжествѣ реализма въ творчествѣ Гоголя, выразившемся въ усиленіи реальныхъ чертъ въ прежнихъ романтическихъ повѣстяхъ: «Портретъ» и «Тарасъ Бульба»; о повѣсти «Шинель» и ея грустномъ юморѣ, наконецъ, – объ апологіи смѣха и юмора въ «Театральномъ разъѣздѣ». XVI гл. посвящена исторіи творчества «Мертвыхъ душъ».

—

Въ библіографическомъ отдѣлѣ (стр. 98—100) напечатана обстоятельная и весьма сочувственная рецензія г. Славинскаго на сборникъ «Викъ».

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 10 и 11.

Д. Савицкій.—Русскій гомилетъ начала XVIII в. Іоакимъ Богомолевскій (№ 10, стр. 171—207, № 11, стр. 426—460, продолженіе). Въ этой части изслѣдованія авторъ даетъ подробный разборъ содержанія гомилетики Богомолевскаго, говоритъ объ источникахъ ея и пріемахъ пользованія ими.

Д. Вишневскій.—Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII ст. (№ 10, стр. 208—257; продолженіе).—Въ настоящей части изслѣдованія авторъ говоритъ о задачѣ академическаго образованія и средствахъ выполненія ея, о составѣ учениковъ и ихъ возрастѣ; о наукахъ, преподававшихся въ академіи, преподавателяхъ и сохранившихся учебникахъ; о библіотекѣ академіи и, наконецъ, объ общемъ состояніи нравственно-воспитательнаго дѣла въ ней.

Книжки Восхода, № 10.

Б. Фрумкинъ.—Участіе евреевъ въ фабрично-заводской промышленности черты осѣдлости (стр. 86—100). Авторъ статьи, на осно-

ваніи данныхъ департамента торговли и мануфактуръ о состояніи фабрично-заводской промышленности въ Россіи и сообщеній корреспонтовъ еврейскаго колонизаціоннаго общества изъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ черты еврейской осѣдлости о степени развитія въ нихъ фабрично-заводскаго дѣла, даетъ довольно интересный матеріалъ по вопросу о сравнительномъ участіи евреевъ, какъ капиталистовъ, такъ и рабочихъ въ фабрично-заводской промышленности въ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости. Для каждой губерніи и для каждаго производства вычисляется процентное отношеніе числа еврейскихъ фабрикъ и ихъ производительности къ общему числу фабрикъ и къ общей ихъ производительности, откуда видно, что въ общемъ въ юго-западномъ и южномъ районахъ средняя годовая производительность еврейскихъ и нееврейскихъ фабрикъ въ итогѣ даетъ значительное преобладаніе нееврейскихъ фабрикъ надъ еврейскими.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 10.

Роль Черниговскаго Губернскаго Земства въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія за послѣдніе годы (110—132 ст.). Статья заключаетъ въ себѣ статистическія данныя о положеніи народнаго образованія въ губерніи за послѣднее пятилѣтіе, о школьномъ и библіотечномъ фондѣ и операціяхъ книжнаго склада; сообщаются свѣдѣнія объ устройствѣ педагогическихъ курсовъ для учителей и о ходатайствахъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ по вопросамъ народнаго образованія.

Н. Василенко.—Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка 1729—1730 г. (Продолженіе, стр. 161—192).

Живая Мысль, № 1 и 2.

Кружкомъ студенческой «старорусской» молодежи подъ редакціей г. Савчака началъ издаваться съ октября с. г. во Львовѣ новый журналъ на русскомъ языкѣ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Цѣли журнала, какъ онѣ изложены въ проспектѣ, слѣдующія: а) дать возможность червоннорусскимъ читателямъ слѣдить за духовной жизнью всего русскаго народа, изучить его исторію, литературу и языкъ—ибо нельзя искренно любить Русь и вѣрно о ней судить, не зная ея; б) идти на встрѣчу желанію червонорусской учащейся мужской и жен-

ской, молодежи: образоваться въ русскомъ національномъ духѣ, совершенствоваться въ человѣко-и свободолюбивыхъ началахъ и объединиться въ одно неразрывное цѣлое—ибо залогъ преуспѣянія русскаго народа заключается только въ благородствѣ сердецъ, просвѣщеніи умовъ и цѣльномъ объединеніи его тружениковъ; в) быть посредникомъ между русскимъ студенчествомъ въ Австро-Угорщинѣ и студенчествомъ въ Россіи.

Чтобы достичь намѣченныхъ цѣлей, «Живая Мысль» обѣщаетъ давать: 1) статьи закордонныхъ русскихъ сотрудниковъ о русской духовной жизни; 2) лучшія новости изящной русской словесности съ удареніями; 3) изложеніе историко-литературно-филологической стороны украинофильства; 4) статьи по школьному и воспитательному дѣлу въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси, т. е. его критику и методы къ устраненію пробѣловъ школьнаго воспитанія; статьи для подготовки червонорусской молодежи къ предстоящей народной дѣятельности; 6) статьи, касающіяся женскаго образованія въ Червонной и Державной Руси и дѣятельнаго участія русской женщины въ національной жизни; 7) лѣтопись гимназической, студенческой и общественной жизни: дѣятельность бурсъ, ученическихъ общежитій, студенческихъ обществъ, литературныхъ кружковъ и ученыхъ обществъ; 8) лѣтопись студенческой жизни въ Россіи; 9) обозрѣніе болѣе выдающихся произведеній славянскихъ и западноевропейскихъ литературъ; 10) обозрѣніе наукъ и искусствъ; 11) произведенія молодыхъ литературныхъ талантовъ, какъ на червонно-русскихъ нарѣчіяхъ, такъ и на литературномъ русскомъ языкѣ; 12) библіографическія замѣтки.

Цѣли, преслѣдуемыя новымъ журналомъ, несомнѣнно, весьма почтенныя, а программа весьма обширная, многообѣщающая... Но стоитъ только взглянуть на внѣшній видъ журнала, чтобы усомниться въ возможности выполненія такихъ широковѣщательныхъ задачъ. Передъ нами два первые номера «Живой Мысли», состоящіе всего на-всего изъ 24 страницъ, in 8⁰ каждый... Маленькое несоотвѣтствіе между размахомъ и ударомъ. Но, впрочемъ, ничего. «Non multum, sed multa»—говорили древніе: и въ «немногихъ словахъ можно многъ разумъ заключить» Но ознакомившись съ содержаніемъ двухъ первыхъ книжекъ журнала читатель невольно отъ сомнѣнія приходитъ къ убѣжденію, что... программу написать въ высшей степени легко. Первый номеръ открывается статьей «отъ редакціи», въ которой излагаются основные принципы программы.

Сдѣлавъ попытку характеристики тяжелаго положенія, въ какомъ находится современное червонно-русское общество, авторъ статьи усматриваетъ причины его въ антинаціональномъ воспитаніи молодежи, стоящемъ «очень далеко отъ національнаго русскаго» По мнѣнію журнала это зло возможно устранить не посредствомъ газетныхъ преній и политическихъ сдѣлокъ съ предержащими властями, или настоящей физической борьбой въ защитѣ выдуманныхъ кумировъ, выраждающейся сразу въ неестественную и безнравственную борьбу кулака съ мыслью,—а *культурной борьбой*. Мы и принимаемся за нее. Цѣль, намѣченная нами—ясна: самовоспитаніе и самообразованіе въ русскомъ національномъ духѣ элементовъ, не погрязшихъ окончательно въ тинѣ, въ первомъ же ряду червоннорусской молодежи, и объединеніе этихъ элементовъ для общаго цѣлесообразнаго культурнаго труда.

Діагнозъ весьма поверхностный, а рецептъ—одно «общее мѣсто». Далѣе слѣдуетъ весьма слабое, лишенное всякихъ литературныхъ достоинствъ, стихотвореніе г. Глушкевича «Друзьямъ», статья г. Вергуна «Нѣсколько азбучныхъ истинъ и одинъ проектъ», въ которой г. Вергунъ, протестуетъ противъ наименованія «старорусской» партіи «консервативною», такъ какъ эта партія ничего не сохраняетъ, а все возсозидаетъ и созидаетъ: начиная съ языка ей приходится «постепенно вводить внутреннюю русскую жизнь съ ея самоварами, чаепитіями, вечерами у знакомыхъ и т. д.» (sic)! Но для этого, кажется намъ, не зачѣмъ основывать особый органъ, а слѣдуетъ лучше открыть «чайную»: дѣло гораздо проще и выгоднѣе. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ Чехова «Ванька»; статья г. Савчака «Украинофильство въ Червонорусскихъ гимназіяхъ»; «Къ женскому вопросу въ Червонороссіи» М. Я—ой, посвященная вопросу о реформѣ женскаго образованія; «Разговоръ въ пору» Дошны—нѣчто въ родѣ фельетона съ безуспѣшными потугами на остроуміе и, наконецъ, «Призывъ»—стихотвореніе г. Вергуна, въ которомъ поэтъ приглашаетъ молодого галичанина (ибо «Призывъ» посвященъ ему) «перо-копье наострить, раздуть дымящееся пламя», послѣ чего, какъ увѣряетъ юношу испытанный въ бояхъ г. Вергунъ, «вспыхнутъ языки сознанія надъ головами злыхъ вождей и свѣточъ вѣры, правды, знанья блеснетъ на родинѣ моей»! (т. е. г. Вергуна).

Обзоромъ второго номера «Живой Мысли» мы считаемъ себя не въ правѣ утруждать читателя.

Kwartalnik Historyczny, № 3.

Antoni Prochaska. Rokosz lwowski z r. 1537 (Окончаніе стр. 381—400).

Авторъ, въ настоящей части своего изслѣдованія, касается выясненія вопроса объ авторствѣ извѣстныхъ въ польской литературѣ *Conciones*, содержащихъ исторію львовскаго рокоша, и приходитъ къ тому заключенію, что авторомъ могъ быть только кто-либо изъ королевскихъ секретарей. Въ концѣ статьи приведены факты, уясняющіе отношеніе королевы Боны къ рокошу.

Józef Bielinski. Zakłady naukowe w guberniach zachodnich do utworzenia Wilenskiego okręgu naukowego.

Интересная сводная статья по исторіи просвѣщенія въ нашемъ краѣ, составленная на основаніи 1 т. «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, Петерб. 1893». Въ отдѣлѣ «Recenzye i Sprawozdania» даны отзывы о книгахъ: 1) *Szelągowski* Adam. Pieniądz i przewrót cen w XVI i XVII wieku w Polsce. Lwó'w 1902»— трудъ цѣнный для изученія исторіи торговли въ нашемъ краѣ и 2) *Karwicki-Dunin.* J. Z. *zamglonej i niedawno minionej przeszłosci. Opowiadania wolynskie historyczne. Warszawa*, 1901.

Wisła—miesięcznik poświęcony krajoznawstwu i ludoznawstwu. Tom XVI. Zeczyt 6. Listopad-Grudzień.

Въ статьѣ *Z. Stanisz ewskiego „Wies Sludzianki"* помѣщены на стр. 722—723 интересные образцы польскаго орнамента на писанкахъ и предметахъ домашняго обихода, представляющіе кое-гдѣ общность съ мотивами украинскими.

T. Talko-Hryncewicz въ замѣткѣ «*W kwestyi pochodzenia slowian*» (стр. 754—761), посвященной обсужденію мнѣнія пр. Нидерле о длинноголовости давнихъ славянъ, на основаніи антропологическихъ измѣреній украинскаго населенія, высказывается, что раса сохранилась чище у украинцевъ праваго берега Днѣпра, чѣмъ лѣвобережныхъ жителей.

Въ отдѣлѣ «*Drobiazgi ludoznawcze*» приведено «Garść wierseń i praktyk z powiatu bwruckiego i z Berdyczowa» (стр. 797—798), приводящая нѣсколько примѣтъ и повѣрій украинскаго люда, по большей части уже давно отмѣченныхъ, напр. обычай матерей, потерявшихъ дѣтей не ѣсть яблокъ до Спаса и т. п.

Въ концѣ книжки (стр. 800—802) находимъ возваніе редакціи: „*O zabytki archeologiczne*", имѣющее отношеніе и къ читателямъ на-

шего журнала. Озаботившись разысканіемъ и сохраненіемъ памятниковъ старины, редакція обращается къ сельской интеллигенціи съ просьбой возбужденія интереса и распространеніи правильныхъ взглядовъ среди народа на археологическія находки, что будетъ содѣйствовать сохраненію ихъ для науки. Далѣе проситъ извѣщать объ замѣченныхъ находкахъ, оказывать содѣйствіе производящимъ раскопки, отсылать предметы старины куда слѣдуетъ. Наконецъ, редакція подчеркиваетъ, что «нѣтъ такихъ незначительныхъ памятниковъ, которыми можно-бы было пренебречь».

Biblioteka Warszawska. Listopad. 1902. (Tom IV. zeszyt 2).

Marya Konopnicka. O Bohdanie Zaleskim. (стр. 292—326).

Г-жа Конопницкая, исходя въ своей незаконченной статьѣ изъ положенія, что своей собственной дорогой идутъ въ поэзіи лишь ярко обозначенныя и богато одаренныя личности, ставитъ вопросъ, въ чемъ же причина своеобразности творчества B. Zaleskiego, который не былъ «сильной поэтической индивидуальностью», и даетъ такой отвѣтъ: «самымъ существеннымъ поводомъ этого явленія есть могучая индивидуальность украинской земли», отъ вліянія каковой поэтъ не освободится въ теченіе всей жизни. Поэзія B. Z-go—это пѣснь украинской природы. Отмѣтивши далѣе мягкость тоновъ въ пластикѣ поэта, и установивши «что въ пѣсни B.Z-go факторъ рефлекціи есть безъ сомнѣнія самымъ слабымъ факторомъ творчества», авторъ переходитъ къ непосредственности впечатлѣній B. Z-go, ко вліянію на него народной пѣсни: «онъ въ ней и съ ней возросъ и эта пѣсня была естественнымъ источникомъ его творчества», и видитъ причину столь сильнаго воздѣйствія украинской природы и пѣсни на поэзію B. Z-go въ соотвѣтствіи его душевнаго настроенія этимъ вліяніямъ, въ особенностяхъ его психическаго склада. Во 2-ой главѣ г. К-ая, противопоставляя индивидуализмъ B. Z-go въ отношеніи общечеловѣческихъ идей, отводитъ въ характеристикѣ его поэзіи почетное мѣсто ихъ этнографической основѣ. Поэтическая индивидуальность B. Z-go получила яркое выраженіе въ свободѣ его поэзіи отъ вліяній какъ идей европейской литературы, такъ и представителей польской словесности, по своему направленію подходящихъ къ B. Z-mu;—г-жа К-кая отвергаетъ непосредственное вліяніе на Bohdana произведеній Бродзинскаго и Карпинскаго. Сфера поэзіи B. Z-go, б. м., ограничена, но

зато «онъ далъ въ своей пѣснѣ цѣльный свой свѣтъ, а болѣе, чѣмъ свой свѣтъ, ни одинъ поэтъ не можетъ дать». Его свѣтъ—Украина. По словамъ г-жи К-кой, Украина нашла правильное и точное отраженіе въ произведеніяхъ B. Z-go. Конечно Украина B. Z-go, и г-жи К-кой лишь неотъемлемая часть («dziceniса») польской «ojczyzny», сыномъ которой признаетъ себя поэтъ, видя въ Украинѣ «matką». Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ своеобразное воззрѣніе нашего автора на поэзію B. Z-go, какъ на полное выраженіе индивидуальности Украины, которую все-таки г-жа К-кая признаетъ „różną i osobną od reszty ziem polskich", но уже совершенно страннымъ и неожиданнымъ являются сѣтованія г-жи К-кой о томленіи ук-го народнаго духа, умолкнувшаго со смертью Баяна, томящагося „od niewyśpiewanej dumy", не имѣющаго выразителя «ея красы, ея печали, ея веселья». Конечно, таковымъ выразителемъ давно жданнымъ является B. Z-ki. Г-жѣ К-кой угодно проходить молчаніемъ въ этомъ отношеніи украинскую народную поэзію и игнорировать существованіе литературы національной, въ которыхъ, смѣемъ увѣрить почтенную писательницу Украины, настоящая Украина нашла и болѣе вѣрное дѣйствительности и болѣе полное выраженіе, чѣмъ въ произведеніяхъ B. Z-go. Дальнѣйшія главы (III—IV) посвящены характеристикѣ мотивовъ поэзіи B. Z-go, которыхъ г. К-кая находитъ пять: „Bóg, świat, sławianstwo, Polszcza, Ukraina". Въ настоящей книжкѣ она разсматриваетъ первые два элемента и удѣляетъ много мѣста подробному разбору двухъ произведеній: „Przenajświętsza Rodzina", и „Duch od stepu", что не представляетъ для насъ интереса.

Przewodnik naukowy i literacki. Tom XXX Listopad—1902.

Stare osady w ziemi kamienieckiej i dziedziczące na nich rody podolskiej szlachty historycznej, przez Kazimierza Pułaskiego. Продолженіе изслѣдованія Пуласкаго. Исторія владѣнія «Ормяны» и его собственниковъ—Багавскихъ и Щуковскихъ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 216 «Волыни» напечатано содержаніе интереснаго доклада г. Фотинскаго, читаннаго въ обществѣ изслѣдователей Волыни, «Волынскій вольнодумецъ XVII в.». Въ августѣ т. г. въ волынское

древнехранилище поступило острожское изданіе библіи 1581 г. съ многочисленными рукописными замѣтками не только религіозными, но и политическаго характера на поляхъ владѣльцевъ книги. Въ числѣ владѣльцевъ книги значится имя одного изъ учителей львовской братской школы, аѳонскаго аскета, іеромонаха Пахомія. Замѣтки направлены главнымъ образомъ противъ католичества, папства и іезуитовъ. Вольнодумство автора сказывается сильно въ замѣткахъ, направленныхъ противъ православнаго духовенства церквей южно и сѣверно-русской, греческой, болгарской и сербской, какъ бѣлаго, такъ и чернаго въ особенности. Въ своихъ нападкахъ на представителей церкви онъ доходитъ до отрицанія іерархіи, какъ необходимаго посредника въ изліяніи на вѣрующихъ божественной благодати; авторъ замѣтокъ заявляетъ себя ярымъ противникомъ не только всякой обрядности, а даже исповѣди предъ священникомъ; въ почитаніи иконъ и мощей онъ видитъ грубое идолопоклонство, отрицая близость святыхъ къ Богу; отступаетъ авторъ отъ ученія церкви и въ ученіи о страшномъ судѣ и антихристѣ. Въ замѣткахъ политическихъ авторъ рѣзко-отрицательно относится къ королю Сигизмунду III. Авторъ замѣтокъ южноруссъ,—на южно-русское происхожденіе его указываетъ и характеръ политическихъ замѣтокъ, и языкъ ихъ.

Передавая содержаніе доклада мы, кстати, вслѣдъ за авторомъ газетной статьи, не можемъ не выразить глубокаго нашего сожалѣнія по поводу общаго равнодушнаго отношенія къ дѣятельности молодого, но въ высшей степени почтеннаго общества, не располагающаго даже средствами для своихъ изданій.

У Ивана Франко. Подъ такимъ заголовкомъ помѣстилъ г. М. Сукенниковъ въ московской газетѣ «Новости Дня» интересную статью о нашемъ выдающемся писателѣ. (См. „Новости Дня“, 1902, иллюстрир. воскресныя приложенія къ №№ 6963 и 6970). Статья имѣетъ свои недостатки, вытекающіе изъ того, что авторъ ея не вполнѣ знакомъ съ литературнымъ движеніемъ въ Галиціи (нар. «Жите: Слово», журналъ издававшійся въ 90-хъ гг. Франкомъ, г. Сукенниковъ зачисляетъ къ «числу крупныхъ работъ его въ области научно-литературной» и проч.), но эти недостатки не лишаютъ статьи интереса, особенно для украинскаго читателя, такъ какъ авторъ дѣлаетъ любопытныя замѣчанія о Франкѣ и его жизни. Предостерегаемъ только, что во всемъ полагаться

на отзывы г. Сукенникова нельзя, такъ какъ при всемъ его расположеніи къ малорусскому движенію и его выдающемуся представителю, въ статьѣ попадаются странныя мнѣнія. Направляясь къ Франку, говоритъ г. Сукенниковъ, «я былъ увѣренъ, что встрѣчу въ немъ человѣка, привыкшаго къ замкнутой кабинетной работѣ и стоящаго по этой причинѣ внѣ партій и партійныхъ раздоровъ. Я надѣялся, что въ словахъ и мнѣніяхъ этого выдающагося беллетриста и поэта, не зараженнаго слѣпымъ партійнымъ фанатизмомъ, мнѣ удастся отыскать ту золотую середину между чрезвычайно рѣзкими разногласіями, которой мнѣ не удалось установить въ бесѣдахъ съ русинскими политическими дѣятелями, дѣлящимися на два прямо-таки враждебныхъ лагеря: руссофиловъ и украинофиловъ. Увы! Я долженъ былъ жестоко разочароваться: изъ всѣхъ фанатиковъ украинофильскаго лагеря Иванъ Франко едва ли не самый пылкій и горячій».

Можно только подивиться, какъ эту страстную убѣжденность Франка г. Сукенниковъ могъ принять за фанатизмъ. Этотъ эпитетъ „фанатикъ“ какъ то не вяжется съ дальнѣйшими словами г. Сукенникова: „все, что ни говоритъ Франко, всегда оригинально, свѣжо, ново и, главное, вполнѣ самобытно».

Читателю, желающему подробнѣе познакомиться съ біографіей Ив. Франка, рекомендуемъ прочесть статью А. Крымскаго „Франко Ив. Як.“ въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона (полутомъ 71-й).

Въ рядѣ замѣтокъ г. Ворникова, напечатанныхъ въ «Од. Листкѣ» (№ 285 и др.) подъ заглавіемъ „Воспоминанія старика“, находится нѣсколько не лишенныхъ интереса штриховъ для характеристики извѣстнаго драматурга-артиста г. Карпенка-Караго, во время еще службы его при полицейскомъ управленіи въ г. Бобринцѣ, а затѣмъ—воспоминанія о встрѣчѣ крестьянами бобринецкаго уѣзда вѣсти о волѣ въ 1861 г. „Помню, пишетъ г. В., въ послѣднихъ числахъ февраля приставъ получилъ предписаніе земскаго исправника, чтобы въ ночь на 5 марта были вызваны въ становую квартиру изъ каждаго помѣщичьяго села по одному верховому нарочному. Въ народѣ уже носился слухъ, что послѣдуетъ объявленіе Царской воли объ освобожденіи крестьянъ. Въ виду этого, въ становую квартиру прибыли не по одному нарочному изъ каждой населенной мѣстности, а по два, а

изъ большихъ селеній и по десяти человѣкъ, такъ собралось болѣе пятисотъ всадниковъ. Всю ночь населеніе не спало. Собирались къ приставу и сосѣдніе помѣщики и въ первый разъ случилось, что при такомъ собраніи знакомыхъ у пристава не было кутежа: всѣ находились въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи. 5-го марта на разсвѣтѣ послышался колокольчикъ и затѣмъ показалась почтовая телега; всѣ пали на колѣни, а крестьяне сами распорядились въ церкви звонить во всѣ колокола; привезены были экземпляры Высочайшаго Манифеста по числу церквей въ станѣ, а Общее Положеніе о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ двойномъ количествѣ по числу помѣщиковъ, съ надписью: „такому-то помѣщику“ и „обществу крестьянъ, бывшихъ такого-то помѣщика“. Предписывалось разослать Высочайшій Манифестъ по церквамъ для обнародованія и обязательно 5-го марта, а экземпляры Положенія для врученія помѣщикамъ и ихъ крестьянамъ. Мѣстный священникъ тутъ-же, на площади, прочиталъ Манифестъ и отслужилъ благодарственный молебенъ. Нарочнымъ розданы были экземпляры Манифеста для доставленія въ церкви и Положенія для врученія помѣщикамъ и обществамъ крестьянъ. Я никогда не забуду того восторга и умиленія, съ какимъ нарочные принимали пакеты съ Манифестомъ и Положеніемъ, какъ они крестились, цѣловали пакеты и просили священника, чтобы онъ окропилъ ихъ святою водою.

Освобожденіе крестьянъ въ бобринецкомъ уѣздѣ прошло спокойно и тихо».

Вѣсть о тяжкой болѣзни извѣстнаго дѣятеля по артельному дѣлу Н. В. Левитскаго, возникшей на почвѣ хроническаго недоѣданія, быстро облетѣла всю Россію, вызвавъ повсемѣстно самое горячее сочувствіе, выразившееся и въ матеріальной и въ нравственной поддержкѣ больному. Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ газетахъ появилось стихотвореніе, посвященное г. Левитскому; по своей безыскусственности оно нѣсколько напоминаетъ собою народную думу-молитву. Вотъ оно:

Засынило, затуманыло, чорная хмара стала.
До нашого батька Левитского да и бида прыстала.
Чорная хмара, що ты наробыла?
Нашихъ артельщыкивъ такъ тяжко засмутыла.
Розійдысь ты, чорна хмаро, по сынему небу...

Стало небо сыниты.
Стала зоря свитыты.
Сталы артельщыкы Бога просыты:
О Боже, Боже! Почуй нашу молытву
И стань намъ на пидмогу,
Пиднимы Ты нашого батька Мыколу
Пидкрыпы ёму сылы,
Щобъ ёго ногы по Росіи ходылы
По артельному дилу.
Прышлы намъ висточку хочъ за недилю. («Волынь», № 250)

Періодическое изданіе по археологіи. Съ будущаго года въ Кіевѣ начнется изданіе спеціально археологическаго журнала „Археологическая Лѣтопись". Редакторомъ-издателемъ новаго изданія является директоръ Кіевскаго музея древностей и искусствъ Н. Ѳ. Бѣляшевскій, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ въ нашемъ журналѣ отдѣлъ подъ названіемъ «Археологическая лѣтопись». Новое изданіе будетъ выходить пока въ видѣ книгъ, по одной въ каждые два мѣсяца. Подписная цѣна—3 руб. въ годъ.

Газета на нѣмецкомъ языкѣ по украинскимъ дѣламъ. Между украинской галиційской интеллигенціей возникъ проектъ издаванія въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ языкѣ газеты, посвященной украинскимъ дѣламъ. (Nowa Reforma).

Сочиненія украинскаго писателя Г, Ѳ. Квитки-Основьяненко, издаваемыя харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ, не перестаютъ требоваться публикой. Его сочиненія находятъ читателей какъ въ Малороссіи, такъ и на сѣверѣ Росссіи. Недавно отправленъ транспортъ сочиненій по требованію книжнаго магазина въ Москвѣ. («Хар. Вѣд.» № 282).

Вскорѣ во Львовѣ будетъ выходить дважды въ мѣсяцъ сельскохозяйственный иллюстрированный журналъ «Нива». Издаетъ его сельскохоз. общество «Сільський Господарь».

Въ Лейпцигѣ начала издаваться роскошная серія книгъ подъ общимъ заглавіемъ «Литература Востока въ монографіяхъ».—Въ настоящее время уже напечатана „Исторія польской литературы“ проф. Брикнера. Въ числѣ другихъ рукописей, предназначенны къ для указаннаго изданія, имѣются слѣдующія: „Исторія русской литературы“ ироф. Волльнера; «Исторія чешской литературы», проф. Волчка и «Исторія литературы южно-славянскихъ народовъ» проф. Мурко. (Извѣстія Т-ва Вольфъ. № 1, 1903 г.).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Богословскій М. Областная реформа Петра В. Провинція 1719—1727 г. М. 1902. Ц. 2 50.

Гринченко Б.—Оповидання про И Котляревського. Ц. 3 коп. СПБ. 1902.

Его же.—Оповидання про Е. Гребинку. Ц. 3 коп. СПБ. 1902.

Загирня М.—Добра порада. Ц. 3 коп. СПБ. 1902.

Ильинскій Ѳ.—Воронежскіе архіереи. Воронежъ 1902. Ц. 35 к.

Имшенецькый И.—Про пошестни або лыхи хвороты. Ц. 3 к. СПБ. 1902.

Kobylanska O.— Kleinrussische Nowellen. W. 1902. 5. XXVIII+184.

Крымськый А.—Пальмове гылля. Экзотычни поэзіи. 1898—1901). Изд. 2-е Звенигородка. 1902 г. Ц. 50 к.

Катаевъ И.—Обзоръ рукописныхъ памятниковъ по исторіи Слободской Украйны, хранящихся въ военно-ученомъ архивѣ въ СПБ-гѣ.

Коваленко.—Видъ чого вмерла Мелася? Ц. 3 коп. СПБ. 1902.

Лепкий Б.—На послухане до Відня. Вид. Товар. «Просвіта». Львів 1902 р. стр. 38.

Лященко І. „Ревизоръ Гоголя“ и комедія Квитки «Пріѣзжій изъ столицы». СПБ. 1902. 11+18 стр.

Lazare Sainèau.—L'état actuel des études de folklore. Paris, 1902, 30 pag.

Мачтетъ Г. Полное собраніе сочиненій. Изд. Фукса, К. 1902 г. Ц. 6 р.

Семеновъ П.—Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Т. II. СПБ. 1902 г. Ц. 3 р. 25 к.

Степовыкъ О.—Про городыну. Ц. 5 к. СПБ. 1902.

Его же.—Корыстни звирятка. Ц. 3 коп. СПБ. 1902.

Труды общества изслѣдователей Волыни. Т. I. Житомиръ. 1902. 83+173 стр.

Ханенко Б. И. и В. И.—Древности Приднѣпровья. Эпоха славянская (VI—XIII в.). Вып. V. К. 1902. Ц. 6 р.

Чтенія въ И. О. Нестора-Лѣтописца. Кн. XVI, подъ редакціей Н. Дашкевича. Вып. IV. Кіевъ 1902 г.

Чернявськый М.—Зори. Збирныкъ поэзій. К. 1903. Ц. 65 к., на кращому папери 85 к.

Чикаленко Е.—Розмова про сельске хазяйство. Худоба: кони, скотына, свыни та вивци. Ц. 6 к. СПБ. 1902.

Его же.—Розмова про сельске хазяйство. Сіяни травы, кукуруза та бурякы. Ц. 5 к. СПБ. 1902.

Шевченко Т. Г.—Мотивы поэзіи. Переводъ С. П. Дремцова. Вып. I. Съ портретомъ и иллюстраціями. Стр. 40. Вятка, 1902 г. Цѣна 45 коп.

Ясинскій М.—Счисленіе суточнаго времени въ Зап. Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII в. К. 1902. Ц. 20.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

НА 1903 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по учебнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и отмѣтки.

III. **Университетская лѣтопись:** извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ХУТОРЯНИНЪ“,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли,

органъ Полтавскаго Общества сельскаго хозяйства.

НА 1903 ГОДЪ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйств. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономическія и техническія, 4) Хроника, сельскохозяйственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) С.-х. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общественной формѣ с.-х. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и с.-х. обществъ полтавской губерніи. 3) Доставлять населенію своевременныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и с.-х. обществъ въ области народнаго хозяйства.

„Хуторянинъ“ допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйств. учеб. заведеній М. З. и Г. И.

Подписная цѣна на годъ съ пересылкой—2 р., на полгода—1 руб.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди вдвое.

Подписка принимается: въ г. Полтавѣ—въ конторѣ и редакціи «Хуторянина», при обществѣ сельскаго хозяйства; 2) Въ С.-Петербургѣ—въ отд. конторы «Хуторянина» при с.-х. книж. магазинѣ жур. «Деревня», уг. Б. Морской и Кирпич. пер. д. 3.—13; 2) Въ Кременчугѣ—въ Кременчугскомъ отдѣлѣ Полт. Общ. сельскихъ хоз. и Товариществѣ сельскихъ хозяевъ; 4) Въ Прилукахъ—при Обществѣ сельскихъ хозяевъ; 5) Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ полтавской губ. при Земскихъ Управахъ; 6) въ г. Херсонѣ при Губернской Земской Управѣ и 7). Въ Кіевѣ—книжн. магаз. «Кіевск. Старины», Безаковская, 14.

Открыта подписка на 1903 г.

на посвященныя еврейской жизни, исторіи и литературѣ періодическія изданія:

на газету „ВОСХОДЪ"

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА".

Содержаніе газеты: руководящія статьи по всѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и за границей, хроника всѣхъ новѣйшихъ извѣстій, корресп. изъ провинціи и загран., сенатская и судебная практика по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), юридич. безплатная консультація (отвѣты на юрид. вопросы подписчиковъ въ особомъ отдѣлѣ), обзоры евр., русской и польской печати, фельетонъ (разск. и проч.,) провинціальный отдѣлъ, критика и библіографія.

Подписная цѣна на „Восходъ" съ „Книжками Восхода" 10 руб. въ годъ (допуск. разсрочка при подпискѣ—4 р., къ 1 марта—3 р. и къ 1 іюля—3 р.), на газету (безъ „Книжекъ") 7 р. (въ разсрочку: при подпискѣ 3 р., къ 1 марта 2 р. и къ 1 іюля 2 р.).

Книжки Восхода—выходятъ ежемѣсячно въ разм. до 10 печ. лист. Повѣсти и разсказы изъ евр. жизни, стихотв. и популяр. научныя статьи по исторіи, литературѣ, религіи, философіи, критикѣ, вопр. обществ. жизни. „Книжки Восхода"—единственный журналъ, посвящ. еврейской литературѣ и наукѣ на русскомъ яз. Желая способствовать его широкому распространенію, редакція установила отдѣльную подписку за крайне доступную цѣну: 12 книгъ за 3 руб. (съ перес.).

Подписавшіеся на оба изданія получатъ при „Книжкахъ Восхода"

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

С. М. Дубновъ ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ ОТЪ ВАВИЛОНСКАГО ПЛѢНЕНІЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Вышедшіе листы высылаются новымъ подписчикамъ на оба изданія *безплатно*.

Книга С. М. Дубнова явится первымъ оригинальнымъ трудомъ на русскомъ яз. по всеобщей исторіи евреевъ, основаннымъ на самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ автора, съ подробнымъ изложеніемъ исторіи евреевъ въ Россіи.

Новые подписчики на оба изданія, внесшіе до 1 января всю плату за 1903 годъ, получаютъ газету со дня подписки безплатно.

Главная Контора „Восхода" помѣщается въ С.-Петербургѣ, Морская, 29.

Годъ 17-й. Годъ 17-й.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

Общественная, литературно-политическая и экономическая

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

будетъ выходить въ 1903 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. *Передовыя статьи* по вопросамъ общественнымъ, политическимъ, экономическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, юридическимъ и др.

2. *Телеграммы* внутреннія и заграничныя.

3. *Корреспонденціи* внутреннія, заграничныя и изъ славянскихъ земель.

4. *Политическое обозрѣніе.*

5. *Повѣсти и разсказы.*

6. *Бесѣды* по разнымъ вопросамъ дня *(фельетонъ).*

7. *Обозрѣніе* русскихъ журналовъ и газетъ.

8. *Критика* литературная, художественная и театральная.

9. *Внутренняя хроника*: законодательство и распоряженія правительства и краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества.

10. *Мѣстная хроника*: городскія дѣла, дѣятельность мѣстныхъ правительственныхъ общественныхъ учрежденій, событія и происшествія.

11. *Областная хроника*: корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей юго-западнаго края.

12. *Справочный отдѣлъ*: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы. лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на „Кіевское Слово“ съ доставкой и пересылкой, на годъ—*10* р., на 6 мѣс.—*5* р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—*1* р., безъ доставки и пересылки—на годъ—*8* р., на 6 мѣс.—*4* р., на 3 мѣс.—*2* р. *25* к., на 1 мѣс.—*75* к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ *5* р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые *5* р.; безъ доставки въ тѣ же сроки по *4* р., Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ за доставку по *60* к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—20 коп.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: Въ главной конторѣ на Большой Владимірской, д. Антоновича, № 43. 2) На Креща-

тикѣ въ магазинахъ: С. В. Кульженко, Л. и Влад. Идзиковскаго, Овчинникова, и Розова. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногородних подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору «Кіевскаго Слова»—Большая Владимірская, домъ № 43.

За Редактора *Т. В. Локоть.* Издательница *В. М. Антоновичъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

НА 1903 ГОДЪ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція „Русской Старины" будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары, разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будуть помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде. будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1903 годъ (6-й годъ изданія).

на Ежедневную, Научно-Литературную, Политическую газету

„ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ"

издаваемую въ гор. Екатеринославѣ

М. С. Копыловымъ подъ редакціей **Ѳ. А. Духовецкаго.**

«Приднѣпровскій Край» стоитъ внѣ узкихъ рамокъ партійности, какъ независимый органъ краевыхъ интересовъ, и отводитъ обширное мѣсто вопросамъ общегосударственнымъ, по внѣшней и внутренней политикѣ и въ области экономической, особенно же по отдѣламъ горной промышленности и сельскаго хозяйства.

Собственныхъ корреспондентовъ газета имѣетъ во всѣхъ городахъ края, въ крупныхъ центрахъ имперіи, въ обѣихъ столицахъ и за границей: въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ и Софіи.

Особые отдѣлы посвящены вопросамъ философскимъ и этическимъ, искусству и литературѣ.

Въ газетѣ печатаются иллюстраціи въ текстѣ и въ приложеніяхъ.

Подписная цѣна:

Съ доставкой въ г. Екатеринославѣ: на 12 мѣс.—8 р., на 9 мѣс.—6 р. 50 к., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р.; съ пересылкой иногороднимъ на 12 мѣс.—10 р., на 9 мѣс.—8 р. 25 к., на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 25 к.; за границей: на 12 мѣс. 23 р., на 9 мѣс.—17 р., на 6 мѣс.—13 р., на 3 мѣс.—7 р., на 1 мѣс.—2 р. 50 к.

РАЗСРОЧКА платежа годовой подписной цѣны допускается: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ—по соглашенію съ конторою. Взносы по разсрочкѣ производятся гг. иногородними подписчиками: при подпискѣ—4 руб., къ 1 апрѣля—3 руб. и къ 1 сентября—3 руб., городскими при подпискѣ—3 руб., къ 1 апрѣля—3 руб. и къ 1 іюля—2 руб.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

За перемѣну адреса гг. иногородніе подписчики платятъ 40 коп., прилагая печатный старый адресъ.

Отдѣльные номера въ продажѣ по 5 коп.

АДРЕСЪ редакціи и конторы: Екатеринославъ, Проспектъ, д Копылова.

Объявленія: за строку петита или ея мѣсто въ 1 столбецъ на 1 страницѣ плата 20 к., послѣ текста 10 к. При многократн. объявлен. дѣлается уступка.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1903 годъ

на ежедневную политическую и литературную газету

„ВѢСТНИКЪ ЮГА“

(2-й годъ изданія)

Выходитъ въ Екатеринославѣ по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Въ газетѣ примутъ участіе.

Азефъ Н., Александровичъ М., Альцетъ, Астровъ В., Ашешовъ Н. П., Балабуха С. П., Бершадскій И., Бинштокъ, Богучарскій (Яковлевъ), Воропаевъ М. А., Видмеръ, Говсѣевъ А. А., Гальперинъ С. И., Гессенъ І., Глѣбовъ, Головкинъ В. Н., Гришневъ, Гавронскій, Джелиль, Диксонъ К., д'Иль, Діонео, Долиновъ, Іорданскій, Захаренко, А. М., Кранихфельдъ В., Капланъ Д. А., Лео. Мечтатѣль (Ѳ. Ѳ. Трозинеръ). Мизантропъ, Новополинъ, Павловичъ Маркъ, П-чъ, Петрищевъ, А., Протопоповъ С. М., Пономаревъ Конст., Рачинскій, Ребринъ И. А., Ренэ-Сансъ, Рольскій, Сабинина, Савеловъ, В. К., Синайскій М. А.,

Славинскій М. А., Тарле Е., Тютрюмовъ, Фальборкъ Г. А., Цеткинъ А. І., ЧеботаревъѲ. М., Черевковъ, Шварцъ, Шрейдеръ Г. І.

Газета имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ обѣихъ столицахъ, всѣхъ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ Екатеринославской губерніи, крупныхъ городахъ юга и за границей: Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Мадридѣ. Римѣ и Нью-Іоркѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Городскимъ подписчикамъ: на годъ 7 р., на ½ года 4 р., на 3 мѣсяца 2 р., на 1 мѣсяцъ 75. Иногороднимъ: на годъ 9 р., на ½ года 4 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. За границу: на годъ 14 р., на ½ года 7 р., на 3 мѣсяца 4 р., на 1 мѣсяцъ 1 р. 50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается *разсрочка платежа*, по соглашенію съ конторой, отъ 1 р. въ мѣсяцъ, до полной уплаты подписной суммы.

Годовые подписчики на 1903 годъ, внесшіе при подпискѣ всю подписную сумму, получатъ газету со дня подписки до 1-го января БЕЗПЛАТНО.

Въ розничной продажѣ номеръ стоитъ 3 коп.

Подписка принимается только съ 1-го каждаго мѣсяца.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строку петита или ея мѣсто въ одинъ столбецъ: на первой страницѣ—20 коп., послѣ текста—10 коп. При многократныхъ объявленіяхъ дѣлается уступка.

За разсылку при газетѣ приложеній—по 8 рублей съ тысячи вѣсомъ не болѣе одного лота каждое.

Редакція и главная контора помѣщаются на Екатерининскомъ проспектѣ, въ д. Немировскаго (противъ Городского сада).

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1903 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университескаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универ. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ. pro venia legendi и т. п.. а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя. пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—о ф ф и ц і а л ь н у ю и протоколы, отчеты и т. п. 2)—н е о ф ф и ц і а л ь н у ю (статьи научнаго содержанія). съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ. состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки. списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

«*Университетскія Извѣстія*» въ 1903 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ «*Извѣстій*» безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе «*Университетскихъ Извѣстій*» 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается

«Университетскія Извѣстія» высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. О г л о б л и н у въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ.*

ПОДПИШИТЕСЬ

НА

„ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЛИСТОКЪ"!

Всѣмъ и каждому, кто только пожелаетъ когда нибудь *продать* или *купить недвижимость*, будетъ необходимъ **„ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЛИСТОКЪ объявленій"**, стоющій всего только **ДВА РУБЛЯ ВЪ ГОДЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.**

„ВРЕМЯ—ДЕНЬГИ!" Поэтому редакторъ-издатель **„ЛИСТКА"**, онъ же учредитель Московской Комиссіонной Конторы для **„частныхъ дѣлъ"**—А. Н. Виноградовъ, желаетъ дать читателямъ газеты богатый матеріалъ, состоящій въ **Алфавитномъ перечнѣ лицъ**, желающихъ продать или купить гдѣ-либо недвижимость, при чемъ въ газетѣ будутъ **подробно сообщены** адреса, маршруты, описи, планы, условія,—словомъ, **ВСѢ ДЕТАЛИ**, которыя были и будутъ только извѣстны Комиссіонной Конторѣ, что дастъ возможность **безъ сношенія съ Конторою** входить продавцамъ и покупателямъ **въ непосредственныя соглашенія.**

ГРОМАДНЫХЪ РАСХОДОВЪ потребовала за четыре года практика Комиссіонной Конторы! По самой природѣ единоличнаго коммерческаго предпріятія въ немъ **интересъ** всегда **нераздѣленъ** съ **рискомъ** и ради успѣха **напрягаются всѣ силы;** поэтому приходится часто мѣнять образъ дѣйствій въ зависимости отъ времени и условій... **XX-й вѣкъ** стремится къ **быстротѣ** и **упрощенію** дѣловыхъ сношеній, вотъ почему и **„Торгово-Промышленный Листокъ"** станетъ теперь уже *драгоцѣннымъ и насущнымъ* для всѣхъ, передвижнымъ **адресъ-календаремъ спроса** и **предложенія**, такъ что кто желаетъ купить или продать **имѣніе, домъ, землю** или **взять денегъ подъ залогъ недвижимости** пусть **всегда** и **прежде всего** вышлетъ *„Торгово-Промышленный Листокъ объявленій"*, который въ *громадномъ количествѣ* расходится преимущественно **среди дѣловой Россіи.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 2 рубля въ годъ.

Такса за объявленія:

За строку петита на 1-й стран. . 60 коп.
На послѣдующихъ. . . . . 40 коп.

Адресъ редакціи: Москва, Сухарева площ., д. **Виноградова. Телеф. 1615.**

Годъ изд. XIV.—Подписной годъ считается съ 1 ноября.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ.

на журналъ для семейнаго чтенія

ПРИРОДА и ЛЮДИ.

ВСѢ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ

за ШЕСТЬ руб. ПЯТЬ изданій съ пересылкой и доставкой:

1) Еженедѣльное **52** №№ иллюстр. литерат. журнала ПРИРОДА И ЛЮДИ. Въ журналѣ помѣщаются: очерки, романы, повѣсти, разск., популярно-научныя статьи.

2) Ежемѣсячное **12** книгъ съ рис. болѣе 2400 стран. БИБЛІОТЕКА РОМАНОВЪ. Будетъ дано собраніе сочиненій извѣст. современнаго автора *Райдера Хаггарда.*

Приключенія на сушѣ и на морѣ

3) Ежемѣсячное **12** книгъ больш. форм. БИБЛІОТЕКА для САМООБРАЗОВАНІЯ. *800* стр. и до *200* гравюръ, портретовъ и рисунковъ.

Давая НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ, редакція имѣетъ цѣлью дать подписчикамъ возможность, *не затрачивая денегъ, пріобрѣсти цѣнныя сочиненія* по всѣмъ отраслямъ знанія, изложенныя *вполнѣ популярно и доступно для всѣхъ.*

Въ 1903 г., въ виду предстоящаго торжественнаго празднованія 200-лѣтія основанія Петербурга Петромъ Великимъ, редакція рѣшила дать въ «БИБЛІОТЕКѢ для САМООБРАЗОВАНІЯ»

ИЛЛЮСТРИР. ИСТОРІЮ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

сочин. всемірно-извѣстнаго профессора русской исторіи *А. Г. Брикнера.* Первое изданіе (А. С. Суворина) стоило 15 руб., а въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость и стоитъ до 25 руб.

4) Ежемѣсячное **12** книгъ сочиненій Вас. Ив. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО *1600* страницъ знаменитаго писателя.

Стоимость 12 книгъ его соч. значительно превышаетъ подписную цѣну всего журнала.

Только благодаря тому обстоятельству, что издатель журн. является въ то же время издат. всѣхъ произведеній Вас. Ив. Немировича-Данченко, и можно давать такія цѣнныя приложенія.

5) *Настольное роскошно-иллюстрир. изданіе* ПОЭМА ГЕТЕ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **12** пѣсенъ до *20 печ. листовъ 160 стр. больш. форм. Полный переводъ (безъ сокращеній) М. Достоевскаго.* съ 36 рисунками художн. *Каульбаха.* Заграничное нѣмецкое изданіе стоило около 30 руб., русское—(А. Ф. Маркса)—12 руб.

МЫ ДАЕМЪ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **БЕЗПЛАТНО.**

Уплатившіе сполна подписную сумму получатъ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **НЕМЕДЛЕННО** (№ 1 журнала).

Подписавшіеся въ разсрочку—по уплатѣ послѣдняго взноса.

Допускается разсрочка: при подпискѣ *2* руб., къ 1 марта *1* руб., къ 1 мая *1* руб. и къ 1 іюля *2* руб. Безъ доставки въ СПБ. пять рублей.

Подписка принимается у издателя П. П. Сойкина СПБ. Стремянная, 12, собст. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1903** ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

„НОВЫЙ МІРЪ"

Большой иллюстрированный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

въ 1903 г. каждый подписчикъ „Новаго Міра" получитъ съ доставкой и пересылкой слѣдующія изданія:

24 №№ интереснаго богато-иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала «НОВЫЙ МІРЪ» въ форматѣ лучшихъ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій.

24 №№ иллюстр. двухнедѣльнаго обзора текущей жизни—политической, общественной, литературн. и художеств., п. н. «ВСЕМІРНАЯ ЛѢТОПИСЬ»—въ форматѣ «Новаго Міра».

24 №№ особаго иллюстрированнаго журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣт., п. н. «МОЗАИКА», съ хроникою самообразованія и справочнымъ отдѣломъ.

52 №№ еженедѣльн. журнала «ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ», иллюстриров. вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной, общественной и экономической жизни Россіи.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни п. н. «ВРЕМЕННИКЪ ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ», представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и проч. для семейнаго чтенія, п. н. «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА», и *ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ, состоящія изъ 12* изящно переплетенныхъ книгъ «БИБЛІОТЕКИ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ», въ составъ которыхъ войдутъ 6 томовъ сочиненій Д. И. СТАХѢЕВА въ *6 переплетахъ*, заключающіе въ себѣ, между прочимъ: 4 большіе романа, 3 большія повѣсти, нѣсколько разсказовъ и другихъ мелкихъ произведеній. 6 томовъ сочиненій С. СМАЙЛЬСА въ *6 переплетахъ*, заключающіе въ себѣ слѣдующія произведенія: «Характеръ», «Бережливость», «Самодѣятельность», «Долгъ», «Жизнь и трудъ» и «Вѣчный труженикъ». Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій и премій, гг. подписчики получатъ *безплатно* ДВА ЦѢННЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ, а именно:

1) Графъ Л. Н. Толстой

въ изображеніяхъ живописцевъ, скульпторовъ и граверовъ, русскихъ и иностранныхъ, фотографическихъ портретахъ, снятыхъ въ разныхъ періодахъ его жизни, картинахъ, медаляхъ, рисункахъ, автографахъ, предметахъ, связанныхъ съ его именемъ и пр. и пр., хранящихся въ общественныхъ музеяхъ, библіотекахъ и коллекціяхъ частныхъ собирателей, въ Россіи и за границею, съ приложеніемъ мыслей и изреченій великаго писателя.

2) Русскій Музей Императора Александра III

Роскошное изданіе, содерж. свыше *120 картинъ*, съ описательнымъ текстомъ Н. Корсакова.

Годовая подписная цѣна «Новаго Міра» на *веленевой* бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и безплатными преміями, съ доставкой и пересылкою въ Россіи—*14 р.* Съ пересылкой за границу—*24 р.*

Гг. подписчики, желающіе получить «Новый Міръ» на *слоновой* бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала, съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14 р.—*18* руб.; съ пересылкой за границу, вмѣсто 24 р.—*28* руб.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 10 декабря 1903 г.

Гг. подписчики, взамѣнъ сочиненій Д. И. Стахѣева и Самуила Смайльса, могутъ, по желанію, получить на выборъ *одно* изъ слѣдующихъ собраній сочиненій: или а) собраніе сочиненій *И. И. Лажечникова* въ *12* томахъ, или б) собраніе сочиненій *Архіепископа Иннокентія* въ *12* томахъ, или в) собраніе сочиненій *Генриха Гейне* въ *12* томахъ, или-же г) собраніе сочиненій *В. И. Даля* (Казака Луганскаго) въ *10* томахъ. Каждое изъ этихъ собраній будетъ выслано въ изящно *переплетенномъ* видѣ.—Интересующіеся-же сочиненіями *Д. И. Стахѣева* могутъ получить въ 1903 году *все собраніе сочиненій* этого писателя въ *12* изящно *переплетенныхъ* томахъ, при чемъ лишніе шесть томовъ будутъ высланы, взамѣнъ объявленныхъ шести томовъ сочиненій Смайльса.—О ВЫБОРѢ ПРЕМІИ просятъ гг. подписчиковъ заявлять *при самой подпискѣ.*

Подписка на «НОВЫЙ МІРЪ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, д. Джамгаровыхъ, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 лин., д. № 5—7.

— **При каждомъ №.**, независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ**, а новые подписчики, выписывающіе также (за *1* р. *50* к. съ перес. *2* р.) первые 12 томовъ соч. Лѣскова, получатъ ихъ при первомъ нумерѣ за 1903 годъ. —

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1903 годъ
(34-й годъ изданія)
на еженедѣльный иллюстриров.
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

НИВА.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 79-го:

октябрь, ноябрь, декабрь. 1902 г.

Книга первая—октябрь.

Отдѣлъ I.

I. О СЕКТАНТАХЪ ВЪ КІЕВЩИНѢ. *О. Л.* . . . . . 1—16
II. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА СЪ МИТР. КІЕВСКИМЪ ПЛАТОНОМЪ. Съ пред. свящ. *І. Гордіевскаго* . . . . . 17—33
III. БОРЬБА ШКОЛЬНЫХЪ ВЛІЯНІЙ ВЪ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ. (Окончаніе). *К. Харламповича.* . . . . 34—61
IV. ЖИТЬЕ—БЫТЬЕ ЛУБЕНСКАГО КРЕСТЬЯНИНА. (Продолженіе). *В. Милорадовича.* . . . . . 62—91
V. ВЪ [illegible]ТЫШКУ. (Малюнокъ). *М. Чернявського.* . . . . 92—99
VI. ВЪ ПОИСКАХЪ НОВОЙ КРАСОТЫ. (Замѣтки читателя). *С. Ефремова.* . . . . . 100—140
VII. ЧОРТОВА ПРЫГОДА. (Казка). *Марка Вовчка* . . . . . 141—156
VIII. А. А. НАВРОЦКІЙ. (Поминка). *В. Н.* . . . . . 157—169

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Басня о стрекозѣ и муравьѣ въ южно-русской редакціи 1743 г. *О. Л.;* б) Правила о присужденіи премій Н. И. Костомарова за лучшій Малорусскій Словарь в) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. *А. Мёрдеръ*; г) Изъ прошлаго Полтавщины Сообщ. *И. Ф. Павловскій*; д) Къ біографіи П. П. Чубинскаго. Сообщ. *І Іевлевъ*; е) Мова старшыны до громады . . . . . 1—17

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . . 17—40
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Труды Общества изслѣдователей Волыни. 1. *О. Л.*; б) 1. Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ полтавской губ. за 1901 г.—осень и состояніе озимыхъ посѣвовъ, № 5; 2. Обзоръ сельскаго хозяйства въ полтавской губ. по сообщеніямъ корреспондентовъ за 1901 г. *Л. С. Л.*; в) Е. Н. Любичъ. „Изъ Жизни". Книгоиздательство Каранта. *Б. Л.*; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 41—65

Книга вторая—ноябрь.

Отдѣлъ I.

I. Ф. С. МОРАЧЕВСКІЙ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. *В. Науменка.* . . . . . 171—186
II. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ДУХОВНОЙ ШКОЛѢ 70-ХЪ ГОДОВЪ. *Ю. Г.* . . . . . 187—222
III. СТЕПОВЫЙ СОКИЛЪ. *М. Чернявського.* . . 223—234
VI. ВЪ ПОИСКАХЪ НОВОЙ КРАСОТЫ. (Замѣтки читателя). *С. Ефремова.* . . . . . 235—282
V. МНИМЫЙ БУНТЪ НА ВОЛЫНИ ВЪ 1789 ГОДУ. *Е. Кивлицкаго.* . . . . . 283—300
VI. ЗА ВЫСОКЫМЪ ТЫНОМЪ. *Л. Яновськои.* . . . . 301—325
VII. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ХАРЬКОВѢ. *Н. Б.* 326—334
VII. ѲАДДЕЙ РАЗЕСЛАВОВИЧЪ РЫЛЬСКІЙ. (Некрологъ) *О. Л.* . . . . . 335—349

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) По поводу малороссійскаго народнаго орнамента. *В. Василенка;* б) Новый документъ о Сагайдачномъ; в) запрещеніе бродяжничества монахамъ въ 1731 г. Сообщ. *С. Рклицкій;* г) Къ исторіи народнаго образованія въ южнорусскихъ губерніяхъ. Сообщ. *П. А. Шафрановъ;* д) Изъ прошлаго Полтавщины. Сообщ. *П. Фр. Павловскій;* е) Къ біографіи Ѳеодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго. *Н. Петрова*; ж) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. *Мёрдеръ* . . . . . 67—93
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 93—113
II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Составилъ В. Е. Бучневичъ *О. Л.;* б) Д. Иловайскій. Вторая дополнительная полемика по вопросу варяго-русскому и болгаро-гуннскому. *Н. М.*; в) А. Е.

Крымськый: „Изъ повистокъ и эскизивъ". *А. Нестеровскаго;* г) Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана съ 1 окт. 1901 г. по 1 окт. 1902 г. *Н. М. Ш.*; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 114—140

Книга третья—декабрь.

Отдѣлъ I.

I. А. А. НАВРОЦКІЙ. *А. Шр-ка* . . . . . 351—381
II. СОБАКА. *М. Чернявського.* . . . . . 382—393
III. ВЪ ПОИСКАХЪ НОВОЙ КРАСОТЫ. (Замѣтки читателя). *С. Ефремова.* . . . . . 394—419
IV. МНИМЫЙ БУНТЪ НА ВОЛЫНИ ВЪ 1789 Г. *Е. Кивлицкаго.* . . . . . 420—434
V. БИЛЯ МАШЫНЫ. *В. Винниченка* 435—458
VI. Ф. С. МОРАЧЕВСКІЙ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. *В. Науменка.* . . . 459—479
VII. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ХАРЬКОВѢ . . 480—491

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи заточенія кошевого П. Калнышевскаго въ Соловецкомъ монастырѣ; б) Письмо М. С. Щепкина къ Д. П. Гавриленку. Сообщ. *Д. Б—ій*; в) Изъ прошлаго Полтавщины Сообщ. *И. Ф. Павловскій*; г) Крохи литературнаго наслѣдія С. В. Руданскаго. Сообщ. *А. Лотоцкій*; д) Изъ народныхъ преданій. Сообщ. *Ив. Бѣньковскій*; е) Слѣды погибшаго архива. Сообщ. *В. Доманицкій.* . . . . . 141—158
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 159—185
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Історія Украіни—Руси. Проф. М. Грушівського. *В. Доманицкаго*; б) Отчеты о дѣятельности Кіев. Городск. Комитета попечительства о народной трезвости за 1900 и 1901 годы. *Л. С. Л.*; в) Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавск. губ. за 1902 г. *Л. С. Л.*; г) В. И. Василенко. Метеорологія и земледѣліе по украинскимъ народнымъ воззрѣніямъ, съ программою для собиранія матеріаловъ. *Л. С. Л*; д) М. Е. Марковъ и его рукописный сборникъ о Черниговской старинѣ. *Н. В.*; е) А. И. Александровъ. Памяти В. И. Григоровича. *Н. В.*; ж) Думи і мріі. Поэзиі Лесі Украінки. *Д. Д.*; з) Обзоръ журналовъ текущаго года; и) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 186—217